

Космос
8
АВГУСТ
1971

Колосёр

8

АВГУСТ

1971

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Решения XXIV съезда
КПСС — в жизнь

2

Почему пропал клас-
сный журнал?

27

На рубеже Хам-Ронга

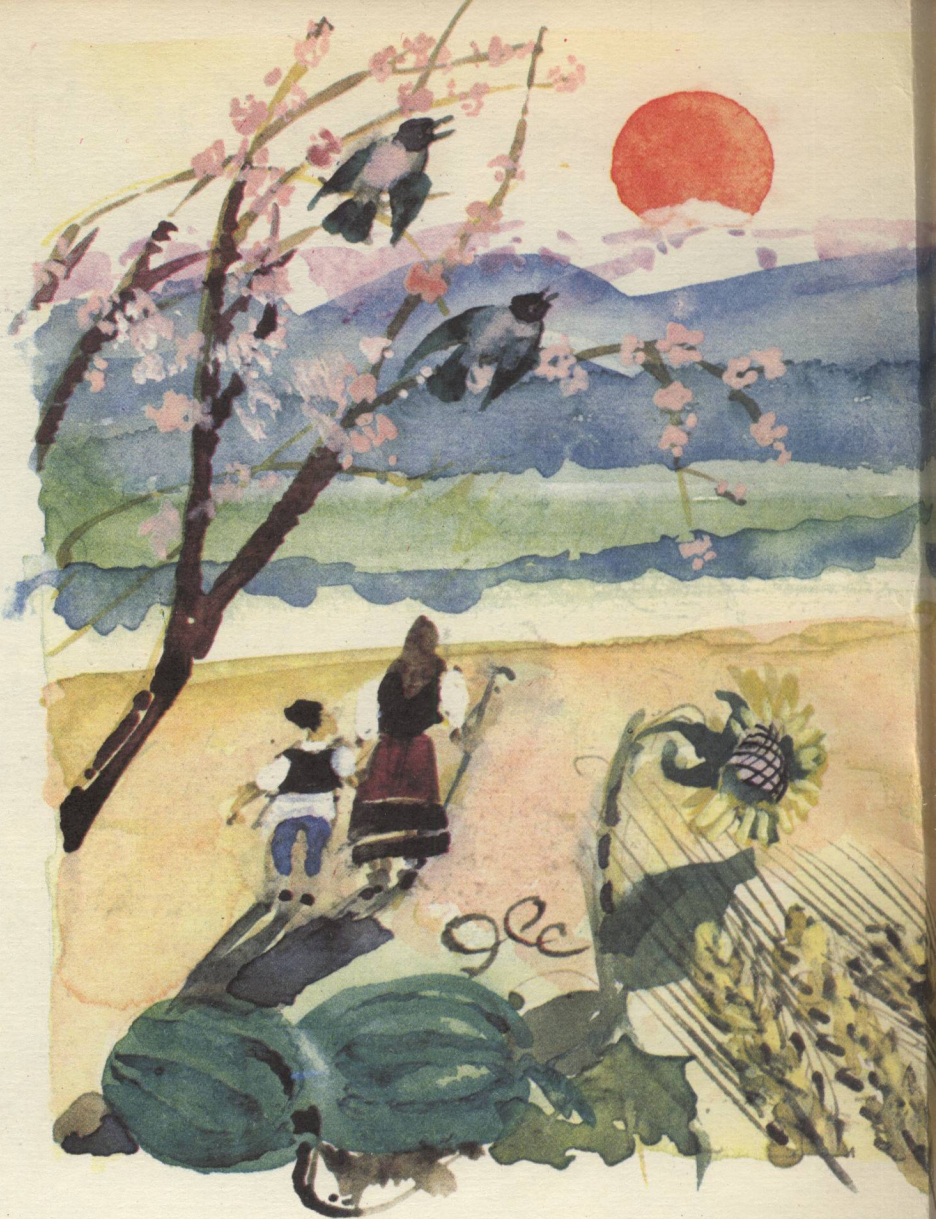
32

Велосипед будет ле-
тать

48

Катера идут в атаку

60

СКАЗКА

Кайсын Кулиев

Над аулом горы большие,
Белый снег лежит на вершине,
Зеленеет трава у подножья,
Кукуруза зеленая тоже.

Солнце к вечеру красным стало,
Точно спелый арбуз раскололся.
С высоты опустилось устало
И за горы уходит Солнце —
Дворик, бабушку с Азаматом
Освещает багровым закатом.

— Бабушка, Солнце уходит,
Куда же оно уходит?
— Домой возвращается, к маме.
— А где его дом?
— За горами.
Вот Солнце домой вернется,

Мама ему улыбнется,
Спросит:

„Ты, Солнце, где побывало?“
А Солнце весь мир повидало,
Тепло раздавало всем детям,
Всем цветам, всем птицам на свете.

В лучах его птицы пели,
Подсолнухи наливались,
Арбузы тяжелые спели,
Маки в степях распушались.
Солнце льды на горах растопило
И долины водой напоило.

Да, всю Землю оно облетело
И тебя, шалуна, разглядело:
Как во двор ты с бабушкой вышел;
Ослика увидало с поклажей,

В. Курдова 1974.

СОЛНЦА

Рисунок В. Курдова

Наш арык, петуха под крышей...
Обо всех своей маме расскажет.

Все хорошее видит Солнце,
Все дурное оно приметит:
То рассердится тучей черной,
То весь день, улыбаясь, светит.
Ты об этом помни, мой внучек,
Делай так, Азамат, как лучше,
Чтобы Солнышко за горами
Похвалило тебя своей маме.

Целый день работало Солнце,
Целый мир согревало Солнце.
Пусть у мамы поспит, за горой,
Темнотой его ночь укроет.
Мир зеленый Солнцу приснится,
Горы белые, желтые дыни,

Налитые колосья пшеницы,
Море синее в солнечном дыме...

Рано утром проснется Солнце,
Снова будет работать Солнце,
Города и аулы согреет,
И людей и зверей согреет,
Даже камни согреет Солнце,
Чтобы стали они добрее.

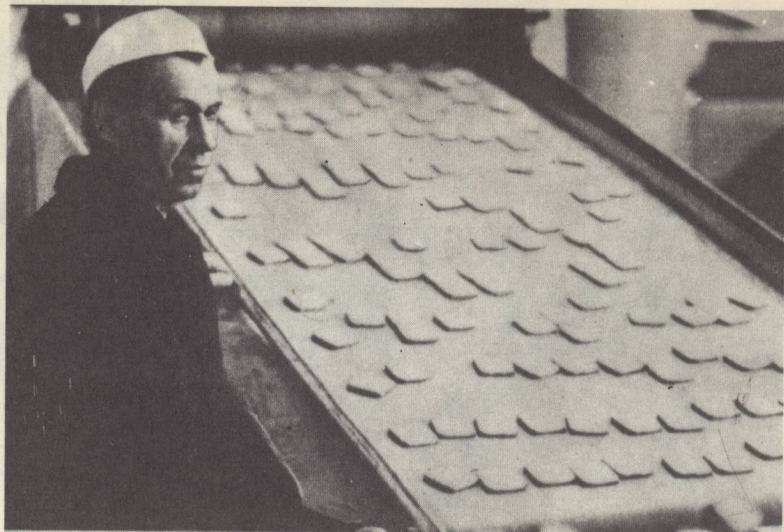
И тебя, шалуна, не обидит,
Бабушку, петуха под крышей,
Наш арык, огород поникший,
Ослика на тропе увидит.

Вот какое щедрое Солнце!
Вот какое сильное Солнце!
Ты учишься у него работать,
Добрым быть научись у Солнца!

Перевел с балкарского Я. Аким

„Опережающими темпами развивать производство продуктов детского и диетического питания, консервированных плодов и овощей, высококачественных кондитерских изделий“

Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.

РЕКА ПЕЧЕНЬЯ И СЛЕСАРЬ ЧИЖОВ

Василий Алексеевич Чижов пришел на фабрику имени К. Н. Самойловой объединения «Ленкондпром» в 1932 году, без малого сорок лет назад. Были только два перерыва в его работе, два перерыва на две войны — на финскую и на Отечественную. Подручным рабочего поступил Василий Алексеевич на фабрику, рабочим и продолжает быть.

— Раз надо — значит, надо, — сказал он мне по телефону, когда я впервые позвонил ему на фабрику. — Приходите. Я работаю в утренней смене.

... Перед нами был цех, где выпекалось печенье.

За стеклянными стенками огромных месилок ходили винтовые лопасти, похожие на валики громадной мясорубки. Бронзовый вал с десятками блестящих формочек-углублений клал рядами на идущую из-под него железную сетку круглые, еще сырые печенюшки. Печенье ровными рядами уходило в тоннель печи.

Эти тоннели длиной больше двадцати пяти метров... Со скоростью метрополитенного эскалатора идет и идет проволочная сетка, на которой в десять, в пятнадцать рядов лежат узорчатые кругляшки или квадратики теста. Поток. Десятки тонн печенья в сутки.

При поточном производстве любая неисправность дает невозместимый простой.

В углу цеха на специальной подставке лежат бронзовые валы, снятые для ремонта, и другие, которые можно немедленно поставить. Среди первых я замечаю вал с глубокой и свежей бороздой.

— Чем это процарапано?

— А ложкой, какой-то растяпа ложку в тесте оставил.

Борозда глубокая. Сколько же металлических опилок было от такого задира!

— Да, — говорит Василий Алексеевич. — Скрежет пошел по всему цеху. Пришлось всю партию печенья уничтожить...

Он говорит, не скрывая, не пряча неприятность, а мне кажется, я вижу, как он уже думает над своим восемьдесят первым — восемьдесят подано и внедрено — рационализаторским предложением. Быть может, это будет крупное сито на входе месилки, быть может, какая-нибудь контрольная центрифуга, которая отбросит в сторону случайный инородный предмет, попавший в смесь.

На одних валах — формочки белые, оловянные, на других — красновато-коричневые, явно не металлические.

— Почему они из разного материала? — спросил я.

— А это пока еще опыт, — сказал Василий Алексеевич. — Бутакрил решили применить вместо олова. Хороший материал, крепкий. Им даже трещины на суппортах заклеивают. Вот смотрите, — и он стукнул несколько раз гаечным ключом по рельефу рисунка. Вмятин не было.

**ПЕЧЕНЬЕ
СЛИВОЧНОЕ**
КОНД. Ф-КА
ИМ. САМОЙЛОВОЙ
Г. ЛЕНИНГРАД

— Это тоже ваша идея?

— Моя.

— А что же тянуть? Заменить оловянные формочки, да и все...

— Экий вы быстрый. Надо же проверить, посмотреть...

Пока мы поднимались по лестницам, печенье, которое мы видели внизу, тоже поднялось конвейерными лентами этажом выше.

Девушки у конвейера были веселыми— это сразу бросалось в глаза. Внизу, в цехах с длинными печами, я не обращал особого внимания на выражение лиц — может быть, потому, что там работницы были в десятках метров друг от друга, а здесь они стояли и сидели на расстоянии вытянутой руки...

Конвейер гнал продукцию, бежала лента, из упаковочного цеха увозили большие картонные короба, а над конвейером стояла непрерывная жизнерадостная болтовня.

— Не скачают они тут, — сказал я своему провожатому.

— Все в порядке, значит, — сказал Василий Алексеевич.

— Что в порядке?

— Ну, раз смеются. Значит, устройства все в порядке. Работать легко. Без науги. Оттого и весело.

— Кто ремонтирует это оборудование?

— А тут бригада целая.

— А кто ею руководит?

— Ну, я руковожу, — и пошел от меня, словно ему стало неловко за то, что здесь все так исправно. А мне невольно пришла в голову мысль, что цех смешливых девчонок вполне мог бы быть и угрюмым цехом, если бы не Чижов, если бы работа его была не такого высокого свойства...

Идем цехом упаковки.

Еще издали я вижу словно бы водопадик или быстринку в течении кондитерской реки — печенье попадает с ленты конвейера на поверхность валика, соскальзывает с него по крутому скату, переворачивается на ребро и укладывается в столбик. Удобно, красиво и, чуть было не сказал, просто. Но поверх четких рядов вдруг оказываются лежащими плашмя, как попало, случайные печенины. Они попадают в щели, устраивают заторы... Ради них и стоит белокурая девушка, которая собирает их и бросает обратно в водопадик.

Василий Алексеевич подошел к валу и чуть-чуть передвинул одну из регулировочных ручек. И вдруг из летящих вниз как попало квадратиков образовалась четкая геометрическая картина — печенинки, будто их выстроили по линейке, стали одновременно влезать на валик и одновременно отрываться от него. Ни один не отлетал больше в сторону!

А Василий Алексеевич, ничего не сказав, повел меня ко второй такой же линии. Там у сбрасывающего валика стояла пожилая женщина. Поправлять здесь Чижову было нечего. Василий Алексеевич только улыбнулся и поздоровался.

— Заметили разницу? — спросил он меня, когда мы отошли.

— Заметил.

— Вам, наверно, показалось, что здесь и работы нет? Так ведь как смотреть. Опытная работница неполадки увидит раньше, чем машина начнет халтурить. Эта пожилая с начала смены уже сколько раз валик регулировала, а та встала да так и стоит — не лень ей печенье горстями назад бросать. И всю смену бросать будет. Это, понимаете ли, кто к чему приучен и кто как к работе относится...

Фабрика имени Самойловой — заслуженная, с отработанной технологией производства. И вот из других городов, где осваивается кондитерское дело, шлют на фабрику Самойловой просьбы — пришлите опытного мастера, опытного слесаря, опытного бригадира...

Просит Рига — фабрика отправляет Чижова в Ригу.

Просит Хабаровск — поехал в Хабаровск. Потом — во Львов. Потом — в Выборг. Потом — снова в Хабаровск.

Посылают — значит, надо. Надо, к примеру, наладить фабрику в Улан-Баторе? Конечно, и спорить нечего.

В третий раз зовут в Хабаровск. И поехал — в третий раз...

Михаил Глинка

ПОВОРОТ

Вадим Фролов

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. Харевича

Я хотел что-то сказать, но он так посмотрел на меня, что я пошел. На ступеньках школы я обернулся и подумал, не вернуться ли мне. Что-то уж больно не нравился мне этот тип. Сперва Фуфло, теперь Венька Жук. Он что-то говорил парню, и тот вроде спокойно слушал. Потом Жук махнул рукой, и парень пошел от него прочь. А Венька, словно раздумывая — идти ему или не идти, — нехотя направился в школу.

В вестибюле я глянул на часы: до звонка еще пять минут, и я решил подождать Веньку. «Что-то тут странное», — думал я.

Венька вошел в вестибюль, и я спросил его:

— Ты этого типа знаешь, что ли?

— Никого я не знаю, — буркнул он и начал подниматься по лестнице.

— Слушай, он Фуфлу знает, — сказал я, шагая за ним. Венька остановился.

— Чего пристал?! — сказал он сквозь зубы. — Отвали!

И побежал наверх.

А потом на всех переменах он сразу выходил из класса, и я нигде не мог его найти. Но если честно говорить, мне было, в общем-то, не до него, потому что уважаемая Маша Басова выкинула такой номер, что я даже растерялся. И не один, а целых три номера выкинула.

Во-первых, она пересела на другую парту. Устроила какой-то там обмен, в результате которого со мной рядом оказался ухмыляющийся Аполошка, а сама она уселась на первую парту со своим Герасимом-Германом — Г. А., как она его называет. То, что она пересела и со мной даже не поздоровалась — это ее дело. А вот то, что я будто бы мешаю ей заниматься — это уже не только ее дело. Она сказала об этом литераторше Ренате Петровне, когда та спросила ее, почему она пересела.

— Это правда, Половинкин? — строго спросила Рената Петровна.

— Правда, — сказал я. — Наверно, правда. Раз она говорит.

— Хорошо, что ты признался, но плохо, что ты, едва придя в нашу школу, уже начинаешь мешать. Учти, наша школа... — и минут пять она говорила о том, какая это замечательная школа и как надо дорожить ее честью и каким надо быть, чтобы стать достойным этой чести, и что, она надеется, коллектив возьмет меня в работу.

— Я его возьму в работу, — сказал Аполлогий.

Все заржали, а Рената сказала, что ничего смешного: Феофилактов, хотя тоже новенький, но, кажется, серьезный человек.

— Я серьезный, — сказал Аполошка, — и я беру обязательство исправить Половинкина к концу первой четверти.

У меня аж скулы свело от злости. Я стоял как болван и даже вlepить этому трясушке не мог. А все ухмылялись.

— Чики-пики! — прошипел я сквозь зубы.

Аполошка вначале сделал круглые глаза, а потом вдруг изо всей силы хлопнул меня по спине.

— Ты чего?! — заорал я.

— В чем дело? — спросила Рената.

— Он подавился, — сказал этот змей.

У Ренаты от удивления брови спрятались под прическу.

— Чем подавился? — спросила она.

— Яблоком, — сказал чики-пики.

Тут и Машка захотела, а Рената Петровна еще минут пять читала мораль о том, как нехорошо есть яблоки на уроках.

«Ну, погоди, попугай лопаухий, — думал я, — ты у меня еще не так трястись будешь». И строил всякие планы, и, конечно, ничего не слышал, что было на уроке, и схватил еще одно замечание.

Как только прозвенел звонок и Рената Петровна вышла из класса, ребята окружили нас с Аполошкой — думали, наверно, что будет небольшая драчка. Но я сказал Аполлогию:

— А ты ничего парень, веселый. Давай пять.

Аполлогий полупал глазами, а потом захихикал от удовольствия. Поверил. Он похлопал меня по плечу и сказал важно:

— Положись на меня, Половинка. Со мной ты станешь человеком!

Ребята смотрели на меня с сожалением. Решили, наверно, что я дурачок какой-то. А Машка даже кулаком по парте стукнула со злости и закричала, что я какой-то не то Караваяев, не то Каратаев. Какой там еще Караваяев?! Надо будет спросить у кого-нибудь. А Аполошку я и сам пере-вос-пи-таю. А Маша... Маша... ну, что ж Маша...

Немного меня утешило, что Татьяна на перемене подошла ко мне и сказала, что я вел себя совершенно правильно.

— Игно-рируй, — сказала она.

— Что, что?

Продолжение. См. «Костер» № 7, 1971 г.

— Не обращай внимания, значит. Будь выше.

— Ага, — сказал я.

— С такими так и надо. Тогда они отлипнут.

Я хотел ей сказать, что еще сделаю из Аполлошки человека, но ее зачем-то позвал наш великий староста — Герасим-Герман-Герка — Г. А., и она отошла. Интересно, почему это я, кажется, начинаю злиться на этого Г. А.? Он ведь ничего мне не сделал, наоборот, даже и внимания на меня не обращает, будто меня и в классе совсем нет. Мне, конечно, на его внимание начихать, но почему я все-таки злюсь, а?

Не успел я про это додумать, как Маша Басова выкинула второй номер. Ко мне вдруг подошли Зоенька и Юлька — есть у нас такие волнистые попугайчики-неразлучники — все время парой ходят и чирикают.

— Сеня, — прочирикали они хором, — мы тебе что-то хотим сказать.

— Валийте, — сказал я.

— Ты нам нравишься, Сеня, — сказали они и опустили глазки.

— Вот еще... — сказал я.

— Правда, правда, — сказали они, — ты очень, — они хихикнули, — очень-очень-очень... мужественный и добрый.

— Очень приятно, — сказал я.

— Мы тебя приглашаем в кафе-мороженое, — сказали они.

— Спасибо, — сказал я вежливо, — но я занят.

— Ах-ах, — прочирикали они, — какая-какая-какая жалость! А мы так-так-так надеялись.

— Он стесняется, — услышал я за спиной чей-то ехидный голос. Обернулся, а там стоит М. Басова и ухмыляется во весь рот.

— Но почему же? — хором прочирикали попугайчики.

— У него, наверно, нет денег, а мороженое он очень любит. Прямо жить не может без мороженого. Уж я-то знаю.

Ах, вот в чем дело. Ну, ладно, М. Басова, посмотрим, что ты сейчас скажешь. И когда Зоенька и Юлька пропищали хором, что раз они меня приглашают, значит, они и угощают и что в наше время это необязательно, чтобы мальчик угощал, — я сказал совершенно спокойно:

— Я очень люблю мороженое. Прямо жить без него не могу. И я вас приглашаю сам в 19.00 в кафе-мороженое «Гном» на Литейном. Насчет денег не беспокойтесь — я угощаю. Маша, и ты, конечно, тоже приходи, — я поклонился, как рыцарь какой-нибудь, и даже ножкой шаркнул.

Девчонки раскрыли рты, а у М. Басовой глаза стали как щелочки и нос сморщился. Как будто сейчас чихнет.

— Будь здорова, — сказал я, и она, наверное, от неожиданности, действительно чихнула. Девчонки фыркнули, а я только зубы стиснул, чтобы не рассмеяться.

— Вы идите, — свирепо сказала Маша девчонкам. — А мне этому рррыцарю пару слов сказать надо.

Зоенька и Юлька, хихикая, отошли, а Маша надвинулась на меня, как грозовая туча.

— Опять твои штучки?! — зашипела она.

— Какие штучки?

— Такие!

— Я по-хорошему.

— Ты со всеми по-хорошему!

— Не со всеми.

— И всех яблоками угощаешь. Тебя мороженым, а ты яблоками... чужими.

— Почему чужими?!

— Ты в «Мороженом» Татьяне мое яблоко отдал.

— Ты же его не взяла.

— Мало ли что!

— Знаешь, Басова, — сказал я, — ты, по моему, все-таки... чокнутая.

На этом разговор кончился. Я отошел. А потом обернулся:

— Так я жду: в 19.00. «Гном». Запомнила?

Она ничего не ответила, и я посмотрел на нее. У нее был какой-то странный вид: не то она заплакать собиралась, не то засмеяться. И она была такой... такая... что у меня даже сердце вдруг екнуло. Мне захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, но я выдержал и не сказал.

На большой перемене в коридоре меня подзвали к себе Татьяна, Гриня Гринберг, Коля Матюшин и Петька Зворыкин. Они стояли у окна и о чем-то спорили. Когда я подошел, Гринька сразу спросил:

— Что ты думаешь насчет Веньки Балашова и его компании?

Дался им Венька! Чего-то он у всех вроде бельма на глазу.

— А что вам Венька сделал? — спросил я. — Парень как парень.

— Да не о нем разговор, — с досадой сказал Гриня. — Ты на Моховой живешь?

— Ну, на Моховой.

— Ты этих... Фуфлу и Хлястика знаешь?

— Ну, знаю.

— Их надо в бараний рог скрутить! — заорал Петька Зворыкин.

— Ишь, расхрабрился, — сказал я.

— С. О. Р. — Союз Отважных Рохликов, — сказала Татьяна.

Я засмеялся. Петька надулся. А Гриня сперва вроде обиделся, а потом махнул рукой и тоже засмеялся.

— Уж лучше БОР — Боевой Отряд Рохликов, — сказал он, — а то СОР плохо звучит.

И тут все наперебой стали придумывать названия. МОР — Могучий Отряд Рохликов, ЛОР — Летучий Отряд, ГОР — Гневный...

— Просто чепуха собачья, — сказала Татьяна. — «И как вы ни садитесь...»

— Опять пословицы, — сказал Матюшин.

— И почему собачья? — спросил я. — У меня есть собака...

И тут мне в голову пришла великая мысль. Надо злить Повидлу. Натаскивать. Пусть рычит и показывает зубы. Клыки. Говорят, есть такие собаки, которые очень добрые, но охотятся на львов. Повидло — гроза Моховой! И пусть всякие шпаны берегут свои штаны! Ха-ха, опять стихи!..

— Я не хотела обидеть собак, — сказала Татьяна. — Собаки...

— ... Лучшие друзья человека, — сказал Матюшин. — Мне надоели твои... цитаты.

— Шарова, — сказал Гриня, — дело серьезное, а ты к нему относишься несерьезно.

— А чего это ты заговорил как наш великий староста Герасим? — спросил я Гриню.

— Между прочим, — сказал Матюшин, — не мешало бы и его позвать. Все-таки...

— Дудки, — сказал Петька Зворыкин.

— Он по этому поводу пять собраний проведет, — сказал я.

— И постановит, что нам надо учиться. А все остальное не наше дело, — сказал Гриня сердито.

— Ага, — сказала Татьяна. — Есть план.

— Ну? — сказали все мы хором.

— Нужно смеяться, — сказала Татьяна.

— Ха-ха, — сказал Зворыкин.

— Петьку мы исключаем, — сказала Татьяна.

— Почему? — завопил Зворыкин.

— У тебя нет чувства юмора.

— У меня?!

— У тебя.

— Нет?

— Нет.

— Ну и ладно. Зато... я драться могу.

— Не драться! — строго сказала Татьяна. — Кулаки — это слабость. Мы сильнее. Мы будем смеяться.

— Я, кажется, понял, Шарова, — сказал Гриня. — Ты молодец!

— А я что говорил?! — сказал я.

— Ты ничего не говорил, — сказал Матюшин, — ты только хлопал ушами.

— Не отвлекайтесь, — сказал Гриня.

— Мы будем смеяться, — сказала Татьяна. — Они — лопухи. И они от нашего смеха завянут.

— Гы! — выдал Зворыкин. — Ты что... того?

— Петя, — ласково сказала Татьяна, — все знают, что ты в классе самый сильный, самый смелый, самый веселый и самый умный.

Мы все заржали, и до Петьки, кажется, дошло. Он сказал:

— Ну и ладно. А я их бить буду.

— Или они тебя, — сказала Татьяна.

— Партизан-одиночка, — сердито сказал Гриня. — А как мы будем смеяться, Шарова? Хором или по одному?

— При любом случае и по любому поводу, — сказала Татьяна. — И хором и поодиночке.

— И будем мы называться РС, — торжественно сказал я.

— Как? — спросил Матюшин.

— Я знаю, — сказал Петька, — РС — это реактивные снаряды. Так «катюши» в войну назывались. Взззззз! Бумц!

— Ничего подобного, — сказал я. — РС — Рохлики Смеются.

— Отлично! — сказал Гриня. — Но все-таки нельзя допускать партизанщины. Неорганизованной. Надо, пожалуй, согласовать это с советом отряда...

— А Сеня будет у нас командиром, — быстро сказала Татьяна.

— Он новенький, — сказал Матюшин.

— А ты старенький, — сказала Татьяна. — Кто за?

Все подняли руки. Даже Петька.

— Кто против? — спросила Татьяна уже просто так.

— Я! — сказал кто-то сзади.

Вот так! Конечно, это была М. Басова. Я знал, что она в долгу не останется.

— Ты все слышала? — спросил ее Гриня Гринберг.

— Я ничего не слышала, — сказала Машка, — но вы его куда-то выбрали. А его нельзя выбирать.

— Почему? — спросил Гриня.

— Его никуда нельзя выбирать, — продолжала Басова. — Во-первых, он слишком добренький. А значит, он не будет требовать как следует. Во-вторых, у него не хватает... интеллек-та. Он не-ин-теллек-туальная личность. И вообще у него на первом плане... эмоции.

Ладно, заведу себе записную книжку и буду записывать все ее словечки. Все узнаю! Эмоции и не-ин-теллек-туальную личность и кто такой Каратаев-Караваев. И научу своего Повидлу. И он ее — М. Басову — растерзает в мелкие клочки.

— Вчера, — сказала Маша, — я видела, как его за плечо вел милиционер! На Некрасова, угол Чехова.

Все посмотрели на меня.

— Влип? — спросил Петька.

— Влип. Вел. За плечо, — сказал я и ушел. И даже не обернулся — так мне вдруг стало обидно.

... 12.15 — Ушел с уроков.

12.25 — Пришел домой. Никого нет. Это хорошо.

12.25—12.26 — Поддал Повидле.

12.26—13.00 — Лежал на диване. Думал. Непроизводительно. Ну и шут с ним.

13.00—13.10 — Смотрел в зеркало. Личность как личность... Гвозди бы делать из этих людей... А я, наверно, не гвоздь. Стукни по мне посильнее — и скрючиваюсь. Дал еще раз Повидле. Он удивился. Вот ведь что — удивился, а не обиделся, а я чуть не заревел. Фучик бы не заплакал и вообще не так бы себя вел. Пойду-ка я к дяде Саше, летчику.

Я постучал. Между прочим, дядя Саша всегда узнавал, когда я стучу. Я его спросил однажды, как он узнает. Он объяснил: «По характеру. Настырно стучишь. Дядя Гриша, например, как морзянку отбивает. Ангелина Павловна как кошка скребется. Батяка твой — уверенно: бух-бух. А ты — настырно: все равно, мол, войду».

— Входи, — сказал дядя Саша.

Я вошел и поздоровался.

— Привет, — сказал дядя Саша, — садись, возьми книжку. Я сейчас письмо кончу, а потом — к твоим услугам.

Он долго писал письмо. Я взял книжку, но не читал. Смотрел на него. Он писал и даже иногда губами шевелил, и морщился, и головой потряхивал, и ручку откладывал и лоб себе тер. Потом кончил писать. Встал, засунул руки в карманы, постоял, посмотрел на письмо, взял его и разорвал.

— Что скажешь? — спросил он.

— Зачем вы письмо разорвали? — спросил я.

Он ничего не ответил. Посвистел, посмотрел на меня как-то странно, открыл ящик стола, достал фотографию оттуда и сунул ее мне под нос.

— Красивая? — спросил он.

— Здорово! — сказал я.

И верно здорово. Не знаю уж, как сказать. Улыбается, а грустная. Волосы рукой поправляет, чтобы не разлетались, и смотрит прямо в глаза.

— Что ты понимаешь, — пробурчал дядя Саша.

— Понимаю, — сказал я.

— Ты же мне ничем не можешь...

— А может, и помогу, — сказал я.

— Да, — сказал он, — я знаю, у тебя такой характер — ты помогать любишь...

— Не знаю, — сказал я.

— Любишь. Это уж точно. Только ведь помогать по-разному можно. — Он задумался. — Надо быть... мужчиной.

Вот и у него чего-то стряслось. А не говорит. Наверно, и правильно, что не говорит. И я не стал ему ничего рассказывать. Только спросил:

— А что значит быть мужчиной?

Он засмеялся.

— Ну, наверно, не ныть, не трепаться, не совать нос куда не следует.

— Ага, — сказал я и пошел к двери.

— Слушай, — сказал он вдогонку, — ты все-таки зачем приходил?

— Так, навестить.

Я решительно пошел к Басовой. И решительно позвонил. Дверь мне открыла бабушка, и я вошел.

— Здравствуйте, — сказал я решительно. — Маша дома?

— О-о-о! — запела бабушка. — Наш юный рыцарь! Здравствуйте, здравствуйте, проходите, проходите, очень рады, очень рады, а Машенька еще не приходила из школы.

«Вот лопух», — подумал я про себя, и моя решительность куда-то испарилась.

В переднюю выглянул Машин отец.

— А-а-а! — сказал он. — Семен. Здравствуй-

те, Семен. Очень приятно, — и он протянул мне руку.

Я сказал, что и мне очень приятно.

— Ну, раз приятно, — сказал папа, — проходите. Маша скоро придет, а мы пока побеседуем.

— Да нет, спасибо, я в другой раз, — забормотал я.

— Нет, нет, мы вас не отпустим, — захопотала бабушка, — такой редкий гость... Сейчас я угощу вас тортом и яблоками, а там и Машенька подойдет.

Я даже не заметил, как в одной руке у меня оказался кусок торта, а в другой огромное яблоко. Деться было некуда, и я давился то тортом, то яблоком, думая, как бы съесть все это поскорее, пока не пришла Машка. И, конечно, она пришла, когда я запихнул в рот последний кусок торта. А яблоко еще не успел доесть. Я, кажется, возненавижу скоро эти яблоки!

— А-а, Сенечка, привет, — сказала она очень ласково и как ни в чем не бывало.

— М-м-мбубет, — сказал я.
 — Что с тобой? — испугалась она. — Зубы? Насморк?
 Ох, провались ты, заноза, через все три этажа!
 Я помотал головой.
 — Ах, яблоко! — догадалась она. — Ну, какие же вы молодцы! — Она посмотрела на своих родичей. — Как вы догадались, что он очень любит яблоки?
 Я наконец проглотил это чертовое яблоко. Зол я был до того, что коленки дрожали, но вместе с тем мне почему-то было и смешно. «Ну, ладно, — подумал я, — главное, не растеряться».
 — Очень вкусное яблоко, — сказал я. — И торт очень вкусный. Спасибо. Хорошо, что ты пришла, Маша. Я, вообще-то, не к тебе зашел, а к Григорию Александровичу, но раз уж ты пришла — я тебе напомню — в 19.00 в кафе

«Гном». — Я мельком глянул на нее: по-моему, у нее из глаз летели искры!

Я повернулся к ее папе.

— Григорий Александрович, — сказал я, — вы не можете уделить мне несколько минут?

— К-к-конечно, п-п-пожалуйста, — сказал Машин папа, — п-прошу, — и он показал на дверь своего кабинета.

Я, не оглядываясь, прошел в кабинет. Проходя, я услышал, как засмеялась бабушка и зашипело, как на сковородке. Это шипела М. Басова.

— Садитесь, — сказал Машин папа. — Чем могу служить?

А я и не знал чем.

— Да вы не стесняйтесь, Семен, — дружелюбно сказал Машин папа. — Выкладывайте.

И тут я придумал. Он ведь человек очень образованный, и почему бы мне не спросить его кое о чем.

— Вы все знаете, Григорий Александрович, — сказал я, — а я не очень. Я хочу вас спросить о... про некоторые слова.

— Сократ говорил, — сказал Григорий Александрович, — что я знаю твердо только то, что я ничего не знаю. Но если вы думаете, что я могу вам помочь...

— Думаю, думаю, — быстро сказал я и спросил, что такое эмоции?

Он опустил очки на нос и внимательно посмотрел на меня.

— Гм-м, — сказал он, — любопытно...

И начал потихоньку объяснять. А потом сам ужасно увлекся. Бегал по комнате, размахивал руками. В общем, прочитал мне целую лекцию.

Эмоции — это, оказывается, разные чувства. Только не запах там, вкус или цвет, а, например, горе, радость, злость, веселье, зависть и... любовь, например. А я-то думал, что «эмоции» — это из радиотехники что-нибудь.

И еще он сказал, что эти самые эмоции бывают положительные и отрицательные. К положительным надо стремиться, потому что они увеличивают срок жизни, а отрицательные, наоборот, укорачивают, и поэтому от них надо бегать, как черт от ладана. Злость, обида, страх и другое в этом роде — это отрицательные. Поэтому, если не будешь злиться, оби-

жаться, бояться и так далее — проживешь сто лет или даже больше. Здорово интересно, но попробуй-ка! И потом, если человек не злится, не обижается, не ненавидит кого-нибудь или что-нибудь — то он, по-моему, просто жизнерадостный рахитик и толку от него никакого.

Я сказал об этом Машиному папе. Он засмеялся и сказал, что чувствами, то есть эмоциями, надо уметь управлять, регулировать их. Я сказал, ну а если, например, мне в ухо дали? Что же, надо улыбаться и сказать спасибо и второе ухо подставить? Он опять засмеялся и сказал, что все это зависит от конкретной ситуации.

— Извините, пожалуйста, что я употребляю такие выражения, но в данном случае это означает: когда? где? зачем? почему?

— Понятно, — сказал я, хотя не очень понял, какая, например, разница, где тебе дали по уху — в подворотне или на лестнице?

Он сказал:

— Я рад, что вы поняли, но, может быть, у вас есть еще вопросы?

«Эх, была не была», — подумал я и спросил, кто такой Караваев или Каратаев.

— Этот вопрос прямо соприкасается с тем, что вы спросили насчет правого и левого уха, — воскликнул Машин папа. — А что, собственно, вам нужно знать про Каратаева?

— Да кто он был такой? — сказал я.

— Он был солдат, — сказал Машин папа. — Но не совсем обычный солдат.

— Герой? — спросил я.

— Н-не совсем, — сказал он. — С одной точки зрения... — он покрутил в воздухе рукой, — ... а с другой точки зрения... Вы читали гениальный роман Льва Николаевича Толстого «Война и мир»?

— Кино видел, — сказал я, — а читать не читал.

— Н-ну, кино... это не совсем... гм-мм... Видите ли, все это очень сложно, но в двух словах можно сказать так...

И тут он прочел мне лекцию про Каратаева.

Я понял только одно, что этот солдат из романа «Война и мир» и в самом деле был какой-то чудак. Он как раз и считал, что если тебе дали по одному уху — надо сразу сказать спасибо и подставить второе. Тогда того, кто тебе дал по уху, заест совесть, как это он такому доброму человеку съездил по уху, и он больше никогда никого не будет трогать. И если все будут так поступать, то на земле будет мир и справедливость.

— Дудки, — сказал я, — не согласен! Как же! Заела бы фашистов совесть, если бы мы им не дали как следует?!

Машин папа засмеялся и сказал:

— Вы поняли все совершенно правильно,

хотя все это значительно сложнее. Еще вопросы?

Я разошелся и спросил, что такое «неинтеллектуальная личность» и про Троянскую войну.

«Неинтеллектуальная личность» это, оказывается, совсем просто. «Интеллект» — это, оказывается, ум и способности человека. И если человек «неинтеллектуальная личность» — значит, у него ни ума, ни способностей нет. Короче — балбес он и дурак.

Вот так. Значит, уважаемая М. Басова считает меня дураком. И трусом — потому что, если я подставляю, как она считает, правое ухо после левого — значит, конечно, трус.

— Спасибо, — сказал я. — Я все понял.

— Рад был помочь, — сказал Басов-папа. — Когда что-нибудь будет нужно — приходите. Да, а как же насчет Троянской войны? — спохватился он.

— В другой раз, — сказал я. — Вы только скажите, при чем там в этой войне яблоки?

— Ах, это, — сказал он. — Ну, это легенда, сказание, миф. По преданию, три греческие богини заспорили о том, кто из них прекрасней, и попросили рассудить их одного древнегреческого героя — Париса. Ему дали золотое яблоко, которое он должен был вручить прекраснейшей. Он вручил его богине Афродите. В награду за это она помогла ему похитить жену одного царя — Елену. Из-за этого похищения и началась Троянская война. А яблоко это стали называть яблоком раздора. Очень красивое сказание. Не так ли?

— Очень! — сказал я. — Спасибо!

Попрощался и вышел из кабинета.

В другой комнате все еще были М. Басова и ее бабушка.

— До свиданья, — сказал я, проходя мимо них.

— Куда же вы, Сенечка? — спросила бабушка.

— Домой, — сказал я. — Войны не будет. — И я вышел в переднюю.

— Какой войны? — крикнула мне вдогонку Маша.

— Троянской, — сказал я и вышел на лестницу.

Я спустился во двор.

В подворотне торчал Хлястик, Фуфлин дружок. Жутко противный тип. Пристает ко всем на Моховой.

— Все к Машеньке ходишь? — спросил он, ехидно ухмыляясь.

— Все к Машеньке хожу, — сказал я и съездил его по уху.

— Ты что?! — заорал он.

— Кон-крет-ная си-ту-ация! — сказал я и съездил его по другому уху.

— Ты чего?! — заверещал он.

— Отрицательная эм-моция, — сказал я, вlepил ему по третьему и пошел домой.

Дома никого не было. На столе лежала записка: «Сенечка! Оля ушла к подружке. Миша гуляет с собакой. А я пошла на вокзал встречать, вот радость-то, Полю! Получили телеграмму, что приезжает. Папа опять будет поздно. Ты покушай. Гречневая каша у меня на кровати под подушкой, завернута в газету. Мама».

Чудная она, мама: все думает, что я маленький. Но то, что тетка Поля приезжает, — здорово! С ней не соскучишься! Она толстая, веселая, шумная и очень деловая. Редко она к нам приезжает, но это всегда целое событие. Опять мы с ней будем носиться по городу как угорелые. Завтра ведь она меня наверняка потащит по городу. Зайду-ка я к дяде Саше.

Он сидел за столом, чинил транзисторный приемник и тихонько напевал чего-то себе под нос.

— Дядя Саша, — быстро заговорил я, — у меня к вам две просьбы. Во-первых, тетка Поля приезжает и мне ее завтра по Ленинграду таскать. У вас есть какие-нибудь книжки про Ленинград?

— Похвально, — сказал он, — хотя и поздно. — Он подошел к одной из полок и снял оттуда несколько альбомов и около десятка разных книг. — Держи.

Ну и ну! Я аж согнулся от тяжести. Как это я все за вечер прочту?

— Так. А вторая просьба? — спросил он.

— У вас есть рубля три? — выпалил я. — Понимаете: дома никого нет...

Он внимательно посмотрел на меня.

— Тебе лично? — спросил он.

Я кивнул.

Он достал три рубля и сунул мне в карман куртки — руки-то у меня были заняты.

— Спасибо, — сказал я. — Я вам потом расскажу.

— Не обязательно, — сказал он. — Впрочем, твое дело.

Я потащил охапку книг к себе и подумал: хорошо, когда тебе доверяет такой человек. Значит, не такой уж ты, Сенька... а?

Я свалил все книги на свой диванчик и начал их рассматривать. Чего только тут не было! Альбомы нынешние и старинные, с рисунками-гравюрами и с фотографиями. Путеводители разные, некоторые даже до революции были написаны.

Голова у меня пошла кругом, и я понял, что мне это все не то что за два часа, а и за всю жизнь не изучить. Выбрал одну не очень толстую книжку «Путеводитель для туристов» и отложил ее, а остальные засунул под подушку. Посмотрел на будильник: было уже половина седьмого.

Конечно, не очень красиво будет, если я уйду и придет мама с теткой Полей. Но я ничего с собой поделатъ не мог. Я написал записку маме, что приду в 20.00 или в 20.30 и чтобы она не беспокоилась и поцеловала за меня тетку Полю, а у меня — дела.

Я надел чистую рубашку, куртку с молнией и пошел в кафе «Гном», на Литейный. Интересно, придут попугайчики-неразлучники или нет? Правда, о них я меньше всего думал.

К этому «Гному» я успел без пяти семь. Но не пошел сразу туда, а остановился на другой стороне Литейного и стал смотреть. Попугайчиков не было. Зато появилась М. Басова и приволокла с собой Герасима. Зачем? Посмеяться надо мной, что ли? Я взял и ушел, но, уходя, не выдержал и оглянулся. Машка озиралась по сторонам, а Герка ей что-то доказывал.

Ну и доказывай. Подумаешь, «ин-те-ллектуальная личность». А у нее пусть хоть совсем голова отвинтится и покатится по Литейному. Я даже не обернусь. Хоть бы Татьяну встретить, что ли?

Конечно, не встретил ее, а встретил у самых ворот батю.

— Опять дежурить? — спросил я.

— Не знаю, Сень, может, и придется, — сказал он виновато. — Полина Михайловна приехала, знаешь?

— Знаю, Батя, а ты какие-нибудь стихи помнишь?

— Чего, чего? — удивился он.

— Стихи, говорю, знаешь?

Он взял меня за плечо, посмотрел в глаза и спросил:

— Ты чего, Сень?

— Да ничего, — сказал я, — ты меня за плечо не держи.

Он удивился еще больше, но руку с моего плеча снял.

— Знал когда-то немножко, — неуверенно сказал он, — вот это: «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...» И вот это еще: «Ты жива еще, моя старушка...»

— Ладно, — сказал я, — ты приходи пораньше.

— Постараюсь, Сень — сказал он. — А насчет стихов... не до них мне, Сеня. — Махнул рукой и пошел.

А дома было весело. За столом сидели мама, тетка Поля, Мишка и Ольга. Около стола сидел Повидло — облизывался и подлизывался. На столе — куча всякой вкусной тети-Полиной стряпни и чай. Все сидят довольные, смеются и перекрикивают друг друга.

Ну, конечно, тетка Поля накинулась на меня, как ястреб. Я чуть не задохнулся от ее поцелуев и совсем уж одурел от разных вопросов. Отвечать на них мне, правда, почти не

пришлось — только я рот открою, чтобы ответить, она уже новый вопрос задает. Ну, это, пожалуй, и лучше. Я немножко развеселился и спросил:

— А как дядя Петя?

Тетка Поля пригорюнилась чуть-чуть.

— А что дядя Петя? — сказала она. — Чего ему сдеется? Шкандыбает. — Она вдруг рассердилась. — Настырный такой, неугомон, все-то ему надо, до всего-то дело. То в колхоз шкандыбает порядки наводить — без него не наведут, как же! То в газету пером скрипит. То, гли-ко, чего надумал — морскому делу ребяташек учить, а у нас моря-то и в глаза не видывали. И хóдить, и брóдить. Ни днем ни ночью от него, окаянного, покоя нет...

Сердилась тетка Поля, а глаза хитрые, веселые. И ничего она не сердится, а наоборот — рада, что ее безногий дядя Петя и туда и сюда «шкандыбает».

— Семен, Семен, ты чего пирожки не берешь? У нас в Рязани пироги с глазами — их ядят, а они глядят!

Мишку и Ольгу погнали спать. Я пошел к дяде Саше отдать ту грешку. Зачем она мне, раз «Гном» не состоялся? Но дяди Саши не было. Тогда я взял Повидлу и повел его погу-

лять. Он еле полз — от тетких пирогов отяжелел.

На Моховой я увидел такую замечательную картинку. На той стороне стояли Гриня Гринберг и Петька Зворыкин, хватались за животики от смеха и тыкали пальцем куда-то в подворотню.

— Вы чего? — крикнул я.

— Мы, ах-ха-ха, смеемся, ха-ха-ха! — просипел сквозь смех Петька Зворыкин.

— Это я вижу, — сказал я, подходя к ним. — А чего вы смеетесь?

Они опять ткнули пальцами в подворотню и прямо-таки закорчились от смеха. Я посмотрел

рел туда. Там стоял Фуфло, и вид у него был обалделый.

— Чего ржете? — заорал он.

— Ха-ха-ха! Ух-ха-ха! Ой-ой-ой! Ха-ха-ха! — закатились рохлики.

— Надо мной, что ли? — грозно прокричал Фуфло.

— А то над кем же! — закричали они, заикаясь от хохота.

— А по мордам? — проорал с той стороны Фуфло.

Гринька и Петька обхватили друг друга и уже только покачивались — совсем, бедняги, обессилели.

— Вы чего, чокнулись? — спросил я.

— А ты что, забыл? — сквозь зубы и без всякого смеха спросил Гриня. — Мы испытываем Танькин метод. — И они опять принялись ржать.

Я даже рот разинул от удивления. Ну и кудаки! Как дети, второклашки какие-нибудь. Но, между прочим, кажется, на Фуфлу это

действовало. Он топтался на той стороне, топтался, а потом решительно пошел к ним. Остановился на газоне и повторил, правда, не очень уверенно:

— А по мордам?

Рохлики слегка отступили, но смеяться не перестали.

— Ты отойди, — сказал Фуфло мне, — тебя я не трону, а этим рахитикам сч-час к-э-эк...

Я разозлился. Скажи пожалуйста — он меня не тронет. Ладно, подумал я, и тоже начал смеяться.

Фуфло совсем ополоумел. Огляделся по сторонам, ухватил с газона кусок какой-то трубы и с этой трубой пошел на Гриню и Петьку. Те сразу притихли и попятиться. Ага, решил я, вот удобный случай испытать мой способ.

— Фас! — крикнул я Повидле и показал на Фуфлу.

Повидло завил хвостом и посмотрел на меня.

— Возьми! — крикнул я и отпустил поводок.

Повидло кинулся к Фуфле. Фуфло остановился, с опаской посмотрел на Повидлу и бросил трубу. Рохлики опять заржали. С визгом, всхлипами и воплями. И Повидло вдруг зарычал — честное слово, первый раз в жизни я услышал, как он рычит, — и кинулся на Гриньку и Петьку. Те заорали дурными голосами и вlepились в стену. И тогда заржал Фуфло.

— Ату их! Куси их! Так их! — орал он, приплясывая, а Повидло как бешеный прыгал перед ребятами и ужасно громко лаял.

— Уйми своего балбеса! — закричал Гриня, лягаясь.

— Куси их! — орал Фуфло.

— Держи свою псину! — вопил Петька, дрыгая ногами.

— Ко мне, Повидло! — кричал я.

Наконец я ухватил этого подлого пса за ошейник и дал ему хорошего пинка. Он сразу присмирел, но обиделся. Злой, как черт, я пошел на Фуфлу.

— А ну, катись отсюда! — сказал я.

Он хотел что-то вякнуть, но у меня, наверно, был такой вид, что он только сказал:

— Я что, я ничего, это вот они...

Потом хихикнул пару раз, помахал Грине и Петьке рукой и пошел на ту сторону.

— Трепачи! — сказал я Гриньке и Петьке. — Рохлики!

Они вначале вроде немного сконфузились, а потом накинулись на меня. Они орали, что я заступаюсь за Фуфлу, что я отрываюсь от коллектива, что они начали действовать, а я их не поддержал и что я вообще чуть ли не предатель.

— Еще и кабысдоха своего на нас натравил! — кричал Петька.

— Недоразвитый пес какой-то, — поддерживал его Гриня, — весь в хозяина.

— А вы — герои, — сказал я. — А если бы он вас трубой?

— Кто? Он?! Да мы бы ему! — кричал Петька.

— Не посмел бы! — вторил ему Гриня.

— Еще как посмел бы, — сказал я. — Ладно, время позднее. Завтра обсудим.

— Нечего нам с тобой обсуждать, — сказал Петька. — У тебя у самого дела... с милицией.

— Ага, — сказал я и пошел домой. Отошел на несколько шагов и оглянулся, а они стоят и машут друг на друга руками. Обсуждают. Ну и пусть машут. Пусть обсуждают. Рохлики!

Время было не слишком позднее, но дома уже все спали — утомились: тетка Поля с дороги, мама от встречи, а Мишка с Олей, наверно, просто объелись. Я стукнулся к дяде Саше — его все еще не было. Ну, что ж... тем лучше.

Я тоже улегся. Завтра воскресенье. Ворочался, ворочался — никак не заснуть. Все какие-то мысли в голову лезут. Разные. А главным образом про то, что, наверно, я так и останусь неорганизованным — опять день прошел почти без толку. Да и наглупил я порядочно. Зачем, например, ушел с урока? Или, например, зачем пошел к Басовой, а потом — в этот «Гном»? Тьфу-ты! — опять стихи! Стихи вдруг стали наползать на меня.

Зачем пошел я к Маше?

Не надо бы ходить...

Но дальше, кроме «каши», никакой рифмы не подбиралось.

... Поел бы лучше каши,
И нечего чудить!

И еще:

Пес Повидло залаял,
А Фуфло испугался.
И, как дым, он растаял,
Но ужасно ругался.

Вот последнее — хотя это и не совсем правда — мне даже понравилось. Особенно: «И, как дым, он растаял». Это, по-моему, как это называется... художественный образ. «Как дым, растаял»...

Я начал засыпать и уже сквозь сон слышал, что пришел батя. Он заглянул в комнату, но сразу прикрыл дверь. За дверью снял ботинки и в носках тихо зашел.

— Пап, — сказал я шепотом.

— Не спишь? — спросил он.

— Ты ложись на Мишкиной раскладушке.

— А он где?

— Он на Олиной кровати, а Оля с мамой и тетей Полей.

— Ага, — сказал он и начал в темноте раздеваться.

Потом в трусах и в майке присел ко мне.

— Слушай, Сень, ты, если рано проснешься, разбуди меня. Поговорить надо.

— Ладно, — сказал я.

— Ты, Вася? — спросила мама сонным голосом. Она всегда просыпается, когда папа приходит.

— Я, Люда. Спи, спи, — сказал папа тихонько и улегся.

Раскладушка под ним заскрипела, и уже через минутку я услышал, как он задышал глубоко и ровно. Заснул. Он всегда засыпал сразу. «Солдатская привычка, — говорил он, — меня и пушками не разбудишь». И действительно, мы могли шуметь сколько угодно, он не просыпался. Но, между прочим, если какой-нибудь посторонний шум слышался, например, дядя Гриша, сосед, на кухне табуретку уронит или за окном кто-нибудь заголосит, он сразу поднимал голову и прислушивался и, если считал, что все в порядке, опять сразу засыпал. И вот он заснул, а у меня сон прошел, и я опять начал ворочаться.

А потом я услышал громкий шепот на маминой кровати. Это тетка Поля спрашивала маму, часто ли папа так поздно приходит.

— Часто, — вздохнув, сказала мама. — Работа такая.

— Провались она, такая работа, — сердито сказала тетка Поля. — Что за жизнь?!

Я не хотел слушать и натянул одеяло на уши, но тетка Поля шептала так громко — тихо она не умела, — что как я ни старался, а все равно слышал. Тетка Поля то ругала, то жалела маму, а мама возражала, но как-то не очень уверенно. А ругала ее тетка Поля за то, что у мамы с таким мужем совсем жизни никакой нет. Сидит сиднем дома, никуда не ходит, даже в отпуск и то по-человечески никуда не съездит.

— Я ж болею часто, Поля, — говорила мама, — куда уж мне разгуливать-то. Я и на работу-то почти не хожу — все бюллетени да бюллетени. Мне уж и инвалидность предлагают...

— А раз болеешь — надо лечиться, — шипела тетка. — Был бы хороший муж, он бы тебя из санаториев да домов отдыха не отпускал бы.

— Я ездила... — говорила мама.

— Ездила, ездила! Вон и квартиры настоящей с такой-то семьей и то получить не сумел, а очередь — когда она еще подойдет-то, эта очередь, — гнула свое тетка. — Нет, не практичный он человек, не хозяин он, твой Василий.

— Он о себе не думает, — сказала мама.

— Он и о себе не думает и о вас не думает. Вон, Сенька у вас совсем в прислугу превратился. А ему учиться, развлекаться надо.

Ну и тетка — до чего же вредная оказалась. Мне даже крикнуть захотелось — пусть не выдумывает, я и учусь и развлекаюсь; а квартира у нас обязательно будет, и батя нас всех любит и старается, чтобы нам нормально жилось, только времени у него действительно мало. Конечно, я этого не крикнул, а взял и сунул голову под подушку, чтобы не слушать, что она там еще плетет, а то чего доброго не выдержу и запущу в нее подушкой. Но, честно говоря, чем-то ее слова меня зацепили. Не тем, конечно, что у нас квартиры еще нет отдельной, а чем-то таким... не знаю даже, как сказать. Вот и стихов батя не знает, и поговорить ему со мной все времени нет, а когда мы вместе с ним куда-нибудь ходили — я уж и не помню. Кажется, года три-четыре назад он нас всех в зоопарк водил. И еще два раза в кино ходили. Один раз в Павловск ездили. Больше не помню. И чего-то у меня на сердце кошки зацарапали.

В воскресное утро я проснулся позже всех. Огляделся. В комнате никого, а из кухни слышен громкий тети-Полин смех и другие голоса. Я вскочил и в трусах вышел в коридор и налетел на Ангелину Павловну.

— Сенья, — сказала она строго, — ты уже взрослый мальчик, почти юноша. И неприлично разгуливать в таком виде в общественном месте.

Вот ведь, обязательно настроение испортит! Я, конечно, извинился, но, между прочим, подумал: а в этих, как их, бигудях и в халате прилично в общественном месте разгуливать? Ну, да ладно, не до нее мне сейчас.

Батя тоже был в кухне. И веселый. Я даже удивился — такой он был веселый.

— А-а! Сенья! — закричал он, когда я вошел. — Ну и спал ты!

— Ага, — сказал я.

На плите что-то шипело и скворчало. Тетка Поля, красная, как вареный рак, чего-то там колдовала и все время кричала и хохотала, мама сидела на табуретке, Мишка — подумать только — чистил картошку, а Ольга терла морковку. И этот подлый Повидло тоже был здесь и подхалимскими глазами смотрел на тетку Полю, авось отломится что-нибудь. И на меня никакого внимания не обратил, как будто я для него пустое место.

А батя был такой веселый-развеселый — дальше некуда.

— Ну и спал ты! — кричал батя. — Мы уж все встали и вот уже завтрак жарим, а ты все спишь и спишь!

— Да не сплю я вовсе, — сказал я и ушел из кухни. А Повидло даже не обернулся — подхалим несчастный. Никто не обернулся. И в комнате я хлопнул дверью. Чепуха какая-то!

Я стоял у окна и смотрел на флигель напротив. Его, говорят, скоро снесут. Он солнцу мешать не будет. Какое-то дурацкое настроение у меня было. Я не слышал, как вошел батя.

— Сень, — сказал он, — ты уж извини. Не хотел я тебя будить.

— Лады, — сказал я. — Мне опять с теткой идти?

— Н-не, — заторопился он, — я сегодня сам с ней пойду. Выходной.

— Чего ты мне сказать хотел? — спросил я и посмотрел на него. А у него на скулах желваки ходили, и был он уже не веселый, как две минуты назад. Он молчал.

— Ты что, батя?

— Ничего, — сказал он. — Иногда вот думаю — провались оно все пропадом. Вот написал писатель какой-то: добро должно быть с кулаками. А? Ты это... как понимаешь?

Я никогда не видел его таким. И что я мог сказать? Откуда я знаю, каким должно быть добро?!

— Думаешь, мне приятно, — хмуро сказал он, — в... грязи ковыряться? А она... — он кивнул в сторону кухни, потом махнул рукой. — Ну, да ладно.

— Кто она? — быстро спросил я. — Мама?

— Ты что?! — сказал он тоже быстро, мне показалось, что он даже испугался. — Что ты — мама! Мама у нас знаешь какая... Нет, не мама, а вот...

— Тетка? — спросил я.

Он не ответил. Помолчал немного, потом спросил:

— Ты мою... биографию знаешь?

— Н-ну, знаю, — не очень уверенно сказал я.

— А какая моя биография? — сказал он грустно. — А вот какая...

Но продолжить ему не дали. Прибежала Ольга и позвала завтракать.

— В другой раз, — сказал батя и пошел на кухню.

Вот, так всегда «в другой раз», подумал я и поплелся за ним. Только захочешь с человеком по-настоящему поговорить — обязательно кто-нибудь или что-нибудь помешает. Всегда «в другой раз»!

А какая у него биография, в самом деле?

Знаю только, что он не воевал — мал еще был. Хотя вот Машкин отец тоже еще молодой, а успел повоевать: был сыном полка, в разведку ходил, своему командиру жизнь спас, награды имеет... Знаю еще, что до милиции мой отец был рабочим. Токарем на «Большеви́ке». И, наверно, хорошим токарем, потому что ему часто премии давали, а в столе у нас и сейчас хранятся три почетных грамоты. А в милицию он пошел, когда туда посылали рабочих-коммунистов и комсомольцев. Для укрепления. Я еще помню, как они с мамой долго обсуждали — идти ему или не идти. Мама не очень хотела, но отец сказал «надо», и она согласилась. А вот что он на своей службе делает — я толком и не знаю. Участковый и участковый. Следит, наверно, за порядком на своем участке. С пьяницами ругается, следит, чтобы после одиннадцати в квартирах радиолы или магнитофоны на полную мощность не пускали, за ребятами, вроде Фуфлы и Хлястика, посматривает, чтоб не хулиганили...

Был я поменьше — ребятам врал, что он у меня знаменитый сыщик и чуть ли не тридцать бандитов и жуликов выследил и задер-

жал. А потом как-то и думать об этом перестал. Ну, в милиции, ну, участковый: надо ведь кому-то и участковым работать — тоже дело нужное. Вон, у Пашки Волкова — это в старой моей школе был такой парень — отец на кладбище работает, могилы роет. Ну и что — надо ведь кому-то и на кладбище работать. А милиция — это... в общем, без нее пока не обойтись... Добро... с кулаками. Как это? Добро с кулаками?

... На кухне шумела и смеялась тетка Поля, и все смеялись и шумели, а мне не хотелось смеяться. Не хотелось и все. Меня даже зло взяло — чего это она все время хохочет, хотя и смешного-то вроде ничего нет.

Пока завтракали, тетка Поля все рассказывала, какой у нее сад, да какая усадьба, да какой дом — полная чаша.

— Вот соберитесь да приезжайте ко мне, посмотрите, как мы с Петей живем, да и сами

поживете. Всех накормлю, всех напою и еще останется! — кричала она и все время посматривала на батю.

Он улыбался и кивал головой, а глаза у него были хмурые. Только раз он спросил:

— А вы, Полина, что, не работаете уже?

— То есть как это не работаю?! — возмутилась тетка. — А дом? А хозяйство? А сад?!

— Нет, я про школу спрашиваю, — сказал батя и как-то странно посмотрел на нее.

— А-а, — протянула тетка Поля. — Хватит! Нароботалась.

— Ну, понятно, — сказал батя с каким-то непонятым выражением и встал из-за стола. — Спасибо. Ну и накормили вы нас!

Я посмотрел на маму. Она сидела очень прямо, почти ничего не ела и только переводила глаза с отца на тетку Полю, с тетки на отца. А я сразу ночной разговор вспомнил.

— Ну, раз сыты, значит, хорошо! — сказала тетка. — У меня всегда так! Вот мы сейчас со стола приберем, посудку помоем. И гулять пойдем. Пойдем, Василий Семеныч?

Батя остановился в дверях кухни и развел руками.

— Вы уж извините, Полина, совсем я забыл. Мне... позаниматься надо — зачеты скоро, а у меня, как говорится, конь не валялся. Вот ребята с вами пойдут. Сеня. А меня уж извините. — Он повернулся и вышел.

Тетка Поля ужасно удивилась.

— Какие еще зачеты? — спросила она у мамы.

Мама смущенно засмеялась.

— Да, вот, — сказала она, — на старости учиться задумал. В прошлом году в университет на юридический поступил. Вот и занимается. Мало, правда. Времени не хватает.

Вот номер-то! А я и забыл, что батя действительно в прошлом году на заочный поступил. Хотя понятно, почему забыл — он дома почти и не занимался. Поэтому я тоже удивился, когда он сказал, что не пойдет гулять. Ведь мне он сказал, что пойдет. Наверно, он просто не хочет с теткой Полей идти, вот и выдумал предлог. Ну, ладно, он не хочет, а меня-то зачем втравил? Хотя откуда он мог знать, что мне тоже расхотелось идти с теткой? А мне совсем расхотелось — факт!

Я еще почему-то вспомнил, что вот она и останавливается около каждого красивого дома и ахает и охает, но только на секунду, вроде по обязанности, и сразу дальше, и главное время у нее на магазины уходит. И с каждой такой прогулки мы возвращаемся, как верблюды навьюченные. И провожать тетку Полю потом — одно мученье: никак в такси все ее пакеты, коробки, сумки, чемоданы не впихнуть. Я всегда удивлялся, куда ей столько барахла разного.

Нет, она не жадная, тетка Поля, и подарки любит делать, вот и яблоки нам каждую осень присылает, но только... только... сам не знаю, что «только»... Вот сейчас расхотелось мне что-то от нее подарки принимать. Подарит, а потом опять кричать будет — вот, мол, я какая, всех одариваю, всем добро делаю. Да нет, и не кричит она вовсе, это я чего-то придираться уже, но все равно... И я начал быстро придумывать, как бы отказаться.

А тетка Поля допрашивала маму:

— Ну, и что? Кончит он университет, уйдет из милиции? Адвокатом или судьей станет?

— Не знаю, Поля, — говорила мама устало, — там видно будет.

— А может, ему в милиции повышение дадут? Пора бы.

— Не знаю, Поля, — опять повторила мама, и видно было, что ей неприятно на эту тему говорить, — он ведь знаешь какой...

— Да уж, знаю, — сказала тетка Поля и поджала губы.

— А куда пойдем, тетя Поля? — спросил я, чтобы перебить этот противный разговор.

— А? — встрепенулась тетка. — Куда? По городу пройдемся — очень я люблю Ленинград ваш. Ну, посмотрим, конечно, какие магазины открыты. Мороженого поедем. И так далее. А ты, Люда, с нами не ходи. Ты устанешь — мы ведь галопом.

То-то и оно, что галопом, подумал я.

— Ладно, — согласилась мама, — а я дома посижу, мне кое-что поштопать, починить надо.

— Вот и хорошо, — засмеялась тетка, — жена носки штопает, муж уроки учит, а детишки со старой теткой гулять пойдут. Куда как славно!

Мне захотелось заорать, что никуда я не пойду, но я не заорал — отрицательные эмоции надо уметь сдерживать.

Тетка прогнала всех одеваться, а сама быстро и ловко принялась мыть посуду.

— Чего ж ты, пап? — спросил я, входя в комнату.

Он, и верно, сидел за столом с тетрадами и книгами.

— Да вот, — сказал он, не глядя на меня, — вспомнил...

Вид у него был такой, какой у нашего брата в школе бывает, когда знаешь, что тебя вызовут, а урок-то не готов. Я засмеялся. Он посмотрел на меня исподлобья и тоже засмеялся. Прикрыл рот ладонью и подмигнул мне.

— Ладно, — сказал я, — погуляем с теткой Полей.

Смешно, но все-таки в этот раз я так и не пошел гулять с теткой. А получилось вот что. Я собрал все книжки и альбомы про Ленинград, которые мне дядя Саша накануне дал, и

понес ему. Все равно уж ничего не прочитаешь, да и не нужно это, наверно, тетке Поле.

Постучал к дяде Саше ногой — руки были заняты. Никто не ответил. Я сложил книги на пол и вошел — дядя Саша никогда не запирает своей комнаты, даже когда улетал надолго.

Я втащил книги, расставил их по полкам и пошел к себе. И тут раздался звонок. Я открыл входную дверь и... На площадке стояла — кто бы вы думали? Сама М. Ба-со-ва! Собственной персоной! Я так удивился, что прямо застыл в дверях, держась за ручку, и молча смотрел на нее во все глаза. Она тоже молчала, потом покраснела и сердито сказала:

— Ничего себе, вежливый! Даже не здороваются.

— Здравствуй, — сказал я, все еще держась за ручку.

— Так и будем стоять? — спросила она все так же сердито.

— Заходи, заходи, — засуетился я и распахнул дверь.

— Нет, лучше ты выйди, — сказала она.

— Нет, лучше ты зайди, — сказал я.

И тут из кухни выплыла тетка Поля.

— А-а, — сказала она и засмеялась, — у тебя гости. Что же вы в дверях стоите? Проходите.

— Спасибо. Я на минутку. Выйди, Половинкин! — сказала Маша.

Ну, что тут будешь делать! Я сказал тетке: «Извините, я сейчас», — и вышел на площадку.

— Ты мне нужен, — очень строго сказала Маша.

«Это что-то новое», — подумал я и напустил на себя совершенно равнодушный вид.

— Не воображай, пожалуйста, бог знает что, — презрительно сказала она. — Просто у меня нет другого выхода.

Ну, конечно, не может какой-нибудь гадости не сказать. Ладно.

— Надолго? Надолго нужен? — спросил я скучным голосом. — У меня, понимаешь, дела...

— У тебя всегда дела, — она фыркнула.

Я решил железно сдерживаться, что бы она ни говорила.

— Вопрос о судьбе человека решается, — продолжала Маша, — а у него дела. Подождут твои делишки!

— Какого человека? — испугался я почему-то.

— Я не привыкла на лестницах торчать, — заявила Басова.

— Я же тебя звал, — разозлился я.

— У тебя дома много людей. А этот разговор — один на один.

— Ну, пойдем куда-нибудь. Я только предрепу.

— Предупреди. И побыстрее, — сказала она командирским тоном.

Я влетел в комнату и сказал тетке Поле, что не могу с ней идти — очень важное дело.

— Понимаю, — сказала тетка Поля, — очень важное дело, о-оч-чень! — она захохотала.

Все устали на меня.

— Какое дело, Сеня? — спросила мама.

— Общественное, — пробурчал я, ни на кого не глядя.

— Ну, раз общественное... — сказал отец, поднимая голову от своих тетрадок.

— Иди, иди, — сказала тетка Поля и подмигнула мне. — Общественные дела всегда важнее личных.

Я помчался. Нет, все-таки она ничего — эта тетка Поля: кое-что понимает.

Маши на площадке уже не было. Я понесся вниз сломя голову, и сердце у меня колотилось, как овечий хвост. Неужели ушла? Я пулей вылетел на улицу и по инерции промчался несколько шагов вперед. Чуть не сшиб с ног какого-то дядьку, но резко затормозил и развернулся на одной ноге.

Маша стояла около парадной. Она посмотрела на меня и засмеялась — вид, наверно, у меня был чудной. Потом сразу оборвала смех и сказала спокойно:

— Пойдем.

— К-к-куда? — спросил я, отдуваясь.

— В кафе «Гном», — сказала она ехидно.

— Слушай... — начал я сердито.

— Ладно, ладно, — сказала она. — Пойдем лучше, — она наклонила голову и искоса посмотрела на меня чуть-чуть прищурившись, — пойдем лучше в... садик на Некрасова.

Вот вредная девчонка! Ничего не забывает — это я ей, когда только познакомился, встречу в том садике назначал, но она, конечно, не пришла. Я не подал виду, что меня это зацепило, и спокойно согласился. И мы пошли в этот садик.

По дороге я спросил ее, что за дело, чья судьба решается.

— Венькина, — сказала она. — Балашова.

Пожалуй, я всего от нее ожидал, только не того, что она со мной о Жуке говорить будет. Я думал, что может она...

— А что с ним? — спросил я.

— Ему надо помочь, — сказала она серьезно. — Появился, — она вдруг понизила голос, — появился... его брат.

— Ну и что? — удивился я.

— Он из тюрьмы появился, — сказала она шепотом.

— Из тюрьмы-ы?

— Да, — сказала она. — Он жулик и бандит. Он отсидел, сколько положено, и вернулся. Венька говорит, что ему не разрешили в Ленинград возвращаться, а он вернулся. И Венька боится, что он опять начнет свои нехорошие дела и будет его затягивать.

— Постой, постой, — сказал я, соображая. — А ты его видела, этого брата?

— Видела. Жуткий.

— Черный?

— Черный.

— Перекошенный?

— Вроде бы.

— Он, — сказал я и даже задохнулся.

— А ты что, его знаешь? — спросила Маша.

Я ей рассказал, как встретился с этим типом. Она задумалась, потом спросила:

— Что же делать?

Мы уже незаметно дошли до садика и сели на скамейку.

— Надо... в милицию заявить, — сказал я не очень уверенно.

— Я тоже так думала, но Венька боится. Он боится, что брат... убьет его.

Я присвистнул.

— Ну, уж так и убьет?!

— Ты не шути, — сказала она серьезно.

Я вспомнил этого типа, его глаза, как черные дырки, и клыки, как у собаки. Да, такой шутить не будет.

— И все-таки... — начал опять я.

— Ничего не все-таки, — рассердилась Маша. — Не можешь ничего придумать, так нечего навязываться!

Я еще и навязывался!

— Ты же сама ко мне пришла, — сказал я с обидой.

— «Сама, сама»! Знала бы...

Я разозлился.

— Ну и шла бы к Герке своему, — сказал я.

Она быстро посмотрела на меня.

— Ни в коем случае!

— А что? Он ведь шибко правильный, все бы рассудил, а мы что? Мы люди маленькие.

— Дурак ты, Половинкин, — сказала она и вдруг засмеялась. — Дурак... ревнивый.

Я чуть не задохнулся и почувствовал, что уши начинают гореть.

— Т-ты... т-того, — пробормотал я, — «Ревнивый»... Г-говори, да не заговаривайся.

Окончание следует

В Терпилочке тоже наши

Михаил Мохов

Рисунки Т. Капустинной

Из города в деревню Терпилочка приехали шефы. Это — учительница биологии Фаина Афанасьевна, рыженькая озабоченная Люда — председатель совета отряда, еще мальчики и девочки, и Джафар, единственный на всю четырехэтажную городскую школу южанин, казах. Ребята зовут его Джанька.

... Когда стемнело, собрались в пионерской. Слегка морила усталость: ездили все вместе в лес за хвоей для колхозных коров, катались на лыжах, жгли костер в лесу. В высокой и белой, как столбик, печке-голландке пеклась картошка. Взад-вперед бесшумно сновала за главную хозяйку Таня. Она приносила то кружки для чая, то морошку в кульках — угощение. Расселись по лавкам, табуреткам, кто и на полу.

— «Опасные гастроли» видели? А «Внимание, черепаха!»?

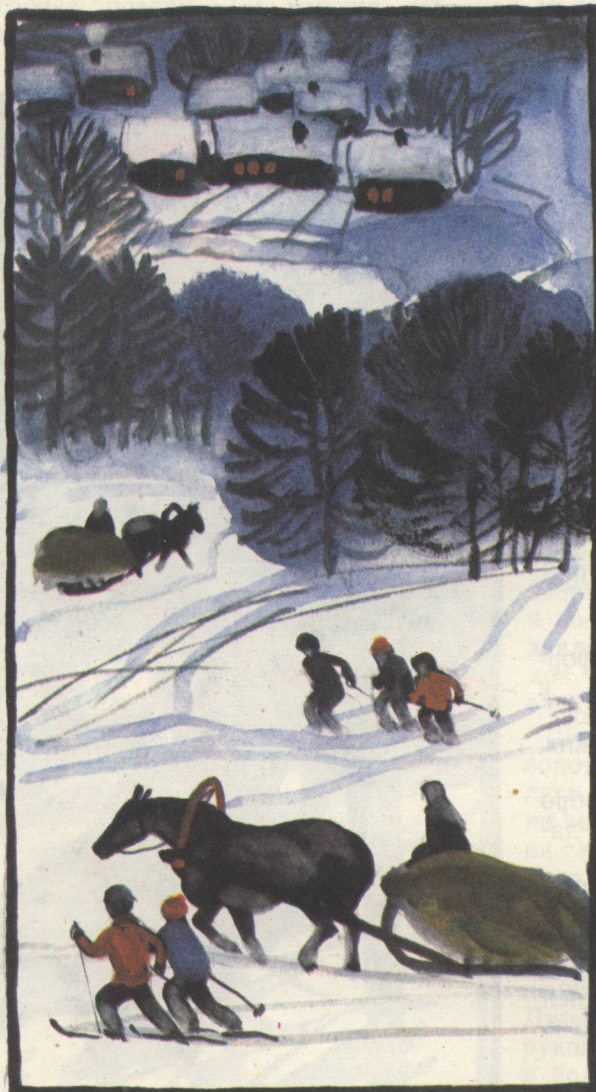
— Цветной телевизор — это да. У нас в доме у одного...

— В Шотландии, в глубоком озере. Никак его поймать не могут.

Это все спрашивали городские, отвечали городские, объясняли городские. Терпиловские только рты раскрывали.

Но вот и они заговорили. Витя Пиликин, тихоня, подкидывал вопросик за вопросиком:

— Вы про коров знаете? А про лошадей? Лошадь может ртом дышать или нет? Может?

А вот зажди-ка ей ноздри, сразу башкой заморагает. Через нос она дышит.

— Корова чем ест? Зубами? У нее верхних зубов и вовсе нет, хрящ один. Она траву языком срывает. Изогнет язык вроде серпа, захватит пучок и сорвет.

При каждом промахе горожан Витя хохотал, закинув голову. Смех у него был особенный, — будто старая, разохшаяся колымага едет:

— Ха-ы! Ха-ы! Ха-ы!

Но смеялся Пиликин не обидно, весело. А под конец поразил всех:

— Сколько норок дождевых червей бывает? Например, на гектаре?

— Сто штук, — осторожно сказала Люда.

— Двести! Триста! Пятнадцать! Две!

— Ха-ы! Ха-ы! — покатила Витина колымага. — Вот я сейчас скажу, упадете. Один миллион!

— На гектаре-то?

Но Фаина Афанасьевна подтвердила: да, вполне может быть миллион норок на гектаре. И Витя Пиликин опять хохотал, торжествуя.

Фаина Афанасьевна тем временем подозвала Таню. Появился широкий таз, бутылка из-под лимонада и ведро с водой.

— Проверим, ребята, ваш глазомер. Кто нальет воду из ведра в бутылку, да поменьше прольет мимо?

У горожан дело не шло. В горлышко почти ничего не попадало, вода стекала в таз. Но вот ведро взяла Таня. Она как будто даже не примерялась. Толстенная струйка сама собой перекинулась из ведра в горлышко бутылки. Ведро отклонилось, струйка оборвалась. Ни капли мимо, а бутылка полная.

— Здорово! — не удержался Джафар.

— Дак что? — удивилась Таня. — Я ведь с малых лет корову дою, молоко переливаю, жалко проливать-то.

— Фаина Афанасьевна, мы договорились, — шумели ребята. — Мы еще приедем! У них тоже поход в страну знаний! У них тоже сбор. А мы в гости зовем! Мы КВН устроим! И «Зарницу»!

— Хорошо, — кивнула учительница. — Мы уже с директором переговорили. А теперь попросим Джафара что-нибудь сыграть.

У себя дома городские мальчишки приуныли бы: опять эта классика. А тут схватили Джафара и потащили к фортепьяно, на котором скромно висел маленький замочек.

— Давай, Джаыька!

Таня исчезла и вернулась с ключом. Хлопнула крышка. Джафар пробежал пальцами по клавишам. В двух местах он слегка поморщился. Возникла незнакомая мелодия, пропала, появилась снова, пошла шире, сильнее. И оборвалась.

— Пойте, я послушаю.

Горожане спели под фортепьяно «Барабанщика» и «Старый причал». Когда очередь дошла до терпиловских, Таня сказала:

— У нас мальчишки добро поют. Ну-ка, парни, пойте давай.

Терпиловские мальчишки по-серьезнели, пошептались, словно в считалочку: «Первый... второй... третий...» — и один маленький безбровый запел низким хрипловатым, очень красивым альтом:

Скака-ал казак через доли-ину-у...

Остальные подхватили стройно и, как показалось горожанам, каждый на свой мотив:

Через ро-одимые края.

Ска-акал казак через долину, Кольцо! Бле-естело

на руке-е...

Джафар заерзал на табуретке, прошептал: «Трехголосие!» — и тихонько заиграл, поддерживая хор. Терпиловские тревожно запереглядывались, но понемногу успокои-

лись и запели еще стройнее. Фаина Афанасьевна, стоя спиной к печке, задумалась...

Когда перестали хлопать, Таня проговорила:

— Это что. У нас мужики

роги со станции в Терпилочку. Разве он знал до сих пор, что такое зимняя дорога?

В сутолоке у выхода из школы Джафар услышал Танин голос:

много лучше поют. Хор-то в Москву ездил.

Снова играл Джафар. Он играл «Зимнюю дорогу» Чайковского. Сколько он ее ни исполнял, всегда перед глазами стояли ноты с полустертыми пометками учительницы музыки. Но сегодня он вдруг забыл о пометках и играл, вспоминая то один, то другой поворот до-

— Хочешь, утром за почтой поедем? Я тебя разбуду.

... Было темно и холодно. Джафар плелся за Таней и все не мог окончательно проснуться. Со скрипом распахнулись ворота конюшни, и Таня пропала в ней.

— Сюда не ходи, — услышал Джафар. — Валенки отсыреют. Я скоро.

По доскам застучали копыта, и Таня вывела из конюшни высокую лошадь, совсем черную в слабом свете лампочки, висевшей над воротами. Девочка быстро и умело запрягала, а

пуск едет, — рассказывала Таня. — Меня за почтой послала, а мне только бы к лошадям поближе. Вот сейчас над рекой поедет. Ты хорошо играешь на рояле, я все вспоминала.

Джафар сильно натянул вожжи. Скрип и хруст под полозьями оборвался, и наступила тишина. Таня прислушивалась. Теперь и Джафар услышал недалний стук мотора.

— Успели, — кивнула Таня. — Гляди, гляди!

Джафару захотелось крикнуть, швырнуть вверх шапку. Из-за поворота реки выскочили двое аэросаней. За ними тянулись два легких шлейфа снежной пыли. Джафар и Таня мигом очутились над обрывом. Набирая ход, аэросани промчались под самым берегом, — мелькнуло чье-то лицо в круглом заднем окошечке, — и скрылись за новым поворотом.

— Ух ты! — крикнул Джафар. — Откуда они?

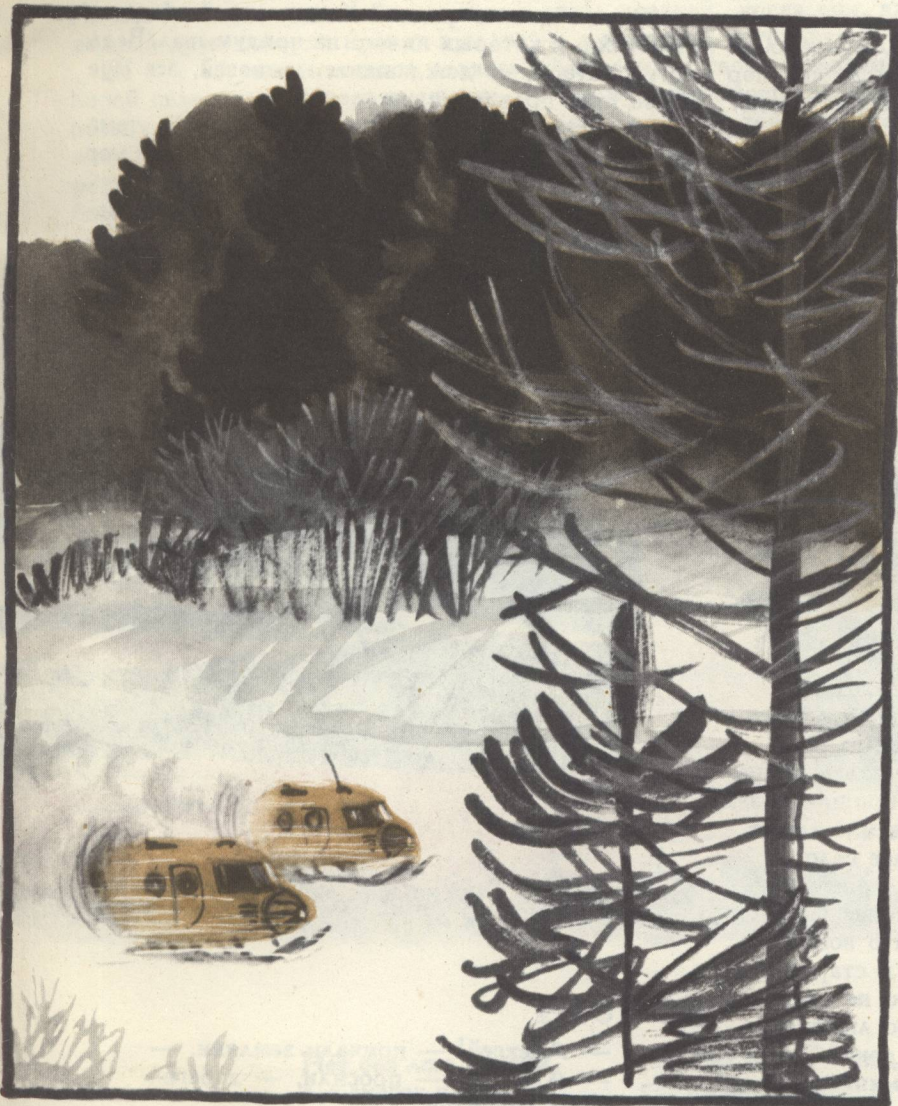
— Их испытывают, — отозвалась Таня. — Будут почту возить и зимой, и летом. Они и по снегу могут, и по воде. Я знала, что мы успеем. Они каждое утро в эту пору по реке ездят.

Джафар все смотрел на поворот реки, за которым скрылись аэросани. Мало ли техники видел он в городе! Но здесь, на глухой реке, — о, это другое дело.

— У тебя ухо побелело, нука, стой, — и Таня, в точности как запрягая лошадь, крепко взялась рукой за макушку Джафаровой шапки. Другой рукой захватила снега с ветки и больно растерла ухо.

— Вот и все. Красное стало.

На обратном пути в город Джафар засыпал в сани. В первой дреме ему мерещилась большая птица на ветке. Сыплется с ветки снег, сыплется... Таня ловит снег рукой, но не трет ухо Джафара, а все смотрит и смотрит на пригоршню снега. Что она там видит? Все это можно сыграть... Только надо инструмент настроить. В полусне у Джафара шевелятся пальцы. Он сыграет, когда они снова поедут в деревню. В Терпилочку. В Терпилочке тоже наши.

он топтался на месте и что ни подавал Тане — все не попадал.

— Сена принеси, вон оттуда.

Джафар сорвался с места и побежал за сеном. Таскал большие охапки. Удобно уселись и покатали. У Тани в ногах — почтовая сумка и жестянка с кинофильмом.

— Наша-то почталыонка сына встречает, он из армии в от-

Джафар загорелся, как спичка, и сказал грубовато:

— Дай поправлю, а?

— Правь. Она сама побежит. Светало. Лошадь бежала ровно и резво.

Дорога пошла в гору. Вдруг заиндевелые кусты расступились, и лошадь с санями оказалась на берегу лесной реки.

— Стой!

АНДРЕЙ ДЕМЕНТЬЕВ

Не смею утверждать, но мне думается, у каждого поэта есть стихи, которые особенно дороги ему. Для меня таким стихотворением стала «Баллада о матери». Несколько лет назад по радио рассказали о том, как одна грузинская мать в кадрах военного документального фильма увидела своего сына, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны. Такой же случай произошел и в одном из сел моей родной Калининской области. Я написал об этом стихи, в которых ничего не придумывал. Ведь и до сих пор многие матери, не дождавшиеся сыновей, все еще верят в чудо... И это тоже правда жизни.

Меня всегда волновала и волнует тема героического, тема Великой Отечественной войны. И хотя сам я по возрасту не мог попасть в те годы на фронт, но война прошла через сердце мое, как и через сердца тысяч моих сверстников. Она прошла ожиданием Победы, материнскими слезами и болью за погибших. Хорошо помню, как в первое утро Победы на улицы нашего города

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

Постарела мать за двадцать лет,
а вестей от сына нет и нет.
Но она все продолжает ждать,
потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Двадцать лет, как кончилась война.
Двадцать лет, как все пришли назад,
кроме мертвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
мальчиков безусых, не пришло.
...Раз в село прислали по весне
фильм документальный о войне.
Все пришли в кино — и стар и мал,
кто познал войну и кто не знал.
Перед горькой памятью людской
разливалась ненависть рекой.
Трудно это было вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
и пронесся материнский крик:
— Алексей! Алешенька! Сынок! —
Словно сын ее услышать мог.
Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.
Всё боялась — вдруг он упадет.
Но сквозь годы мчался сын вперед.

— Алексей! — кричали земляки. —
— Алексей! — просили, — добеги...
Кадр сменился.
Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит
жив-здоров, не ранен, не убит.
Дома все ей чудилось кино...
Все ждала — вот-вот сейчас в окно
посреди тревожной тишины
постучится сын ее с войны.

вышел военный оркестр. Он играл знакомые песни и марши. Было еще очень рано — часа четыре утра, но чем дальше шел оркестр, тем все больше за ним бежало мальчишек. Так и шагали они — военные оркестранты и мальчишки, впервые почувствовавшие себя счастливыми...

И теперь, спустя много лет, я часто вспоминаю то утро. Стихами о войне мне хочется сказать и тем бывшим ребятам, и моим молодым читателям — будьте бережны друг к другу и во всем честны, будьте достойны тех, кто не вернулся домой после того памятного утра сорок пятого года. По-моему, стихи только тогда могут стать поэзией, когда они, как самый верный друг, говорят правду в глаза — и хорошую, и горькую.

И еще об одном хочется сказать. Жизнь идет своим чередом. Некогда порой оглянуться и поразмышлять. И вот тут на помощь должна спешить поэзия. Она должна напомнить молодым людям о той красоте, которая ожидает их за окнами лабораторий, общежитий, цехов. Эта красота — природа. По-моему, ничто не может заменить нам природу, как бы человек ни был увлечен работой или учебой. Природа помогает людям быть лучше, красивей, добрее. А это очень много. Вот почему мне так приятно читать стихи о родной природе и писать о ней самому...

Андрей Дементьев

РОССИЯ

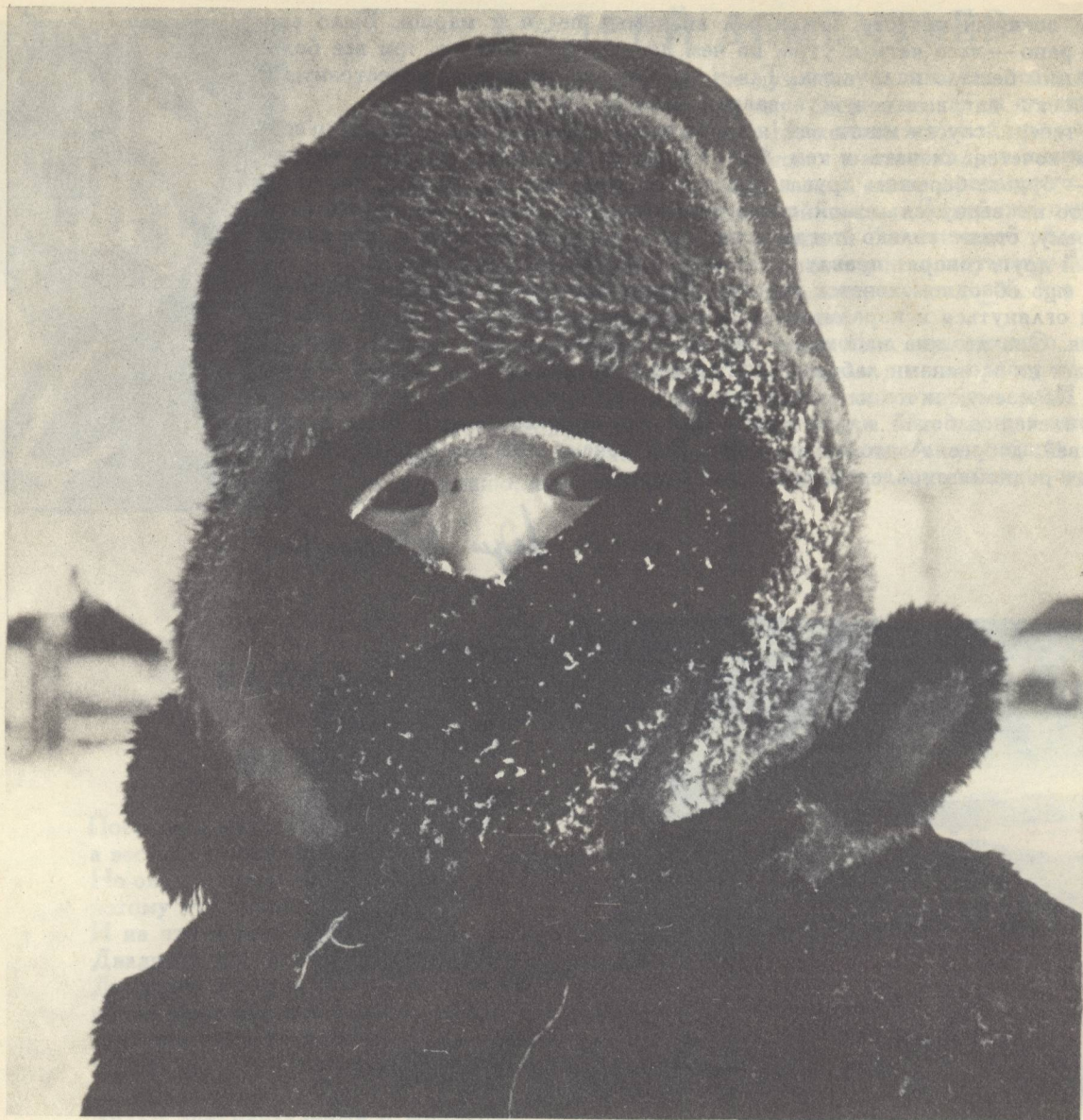
Нет без леса России,
без снегов и озер.
Нет без сумерек синих
и без розовых зорь.

Нет России без луга,
где от маков светло,
где ромашковой вьюгой
землю всю замело.

Нет без поля России,
где высокая рожь.
Где — зайдешь и не выйдешь,
голосов не найдешь.

Нет без песен красивых,
что поют соловьи.
А еще нет России
без сыновней любви.

Рисунок Т. Ксенофонтова

А мне все равно не холодно!

В снежной Якутии, за неприступными горами и ледяными долами, на берегах таежных верховий Индигирки, раскинулась огромная страна Оймякония.

Утро здесь начинается рано: москвичи только ложатся спать, а оймяконские школьники уже выходят с портфелями на шестидесятиградусный мороз. И ни разу даже носик никто не отморозил.

Трудно зимой поверить, что здесь, в самой студеной точке Северного полушария, растет летом красная смородина и желтая люцерна, ива, тополь, рябина, густая лапчатка и чемерица, шиповник и полынь, — а посмотришь гербарий, собранный юными натуралистами-оймяконцами,

и поверишь. И сразу будто станет теплей.

Прочтешь письма, пришедшие в Оймяконскую школу, в клуб интернациональной дружбы, из Молдавии, из Бурятии, из Польши, — и вот уже еще теплее.

Самая высокая успеваемость в Якутии — где? Лучший в стране клуб юных геологов — где? Здесь. Все здесь, на полюсе холода, в Оймяконском районе.

Красные следопыты Томторской средней школы собрали уникальный документальный материал о партизанском отряде, которым командовал венгр-коммунист Эрнест Светец. По инициативе пионерской дружины при въезде в поселок установлен обелиск.

Один из лучших в Якутии музеев В. И. Ленина создали учащиеся прииска «Нелькан». Ребята посылают подарки детям Вьетнама, устроили в школе теневой, а потом и кукольный театр.

Рукописный журнал «Светлячок» выпускают школьники поселка Артык. А в Усть-Нерской школе-интернате издается многотиражная фотгазета.

Теперь вы поняли, почему так легко переносит морозы оймяконская детвора? Ей просто некогда мерзнуть!

Виктор Хохлачев
Оймяконский район Якутской АССР

Фото В. Сметанина

РАССКАЗ

О

любви

Александр Ремез

Рисунки И. Казаковой

О любви. Это будет рассказ о любви. Посмотрим, что получится. Что выйдет, посмотрим.

Ученик 9 «б» класса Калашников славился на всю школу.

Школа эта шла впереди по успеваемости в районе, догоняла кого-то по сбору макулатуры и обгоняла по металлолому. Многие другие школы могли лишь позазавидовать ее высоким спортивным достижениям. Четкая работа кружков не знала себе равных.

Но существовал девятиклассник Калашников.

Фамилия Калашникова высказывала на каждом педсовете и очередном родительском собрании.

Калашникова ругали часто. Но он не обижался. На это у него не хватало бы серьезности — обидеться. Он был страшно несерьезный ученик.

Ругали его так часто, что похвалить уже времени не хватало. А похвалить было за что. За довольно тесным частоколом двоек по алгебре проглядывали пятерки за сочинения по литературе.

Почему-то, традиция такая, что ли, — если ученик получает четверки и пятерки по математике, и тройки — по истории, литературе — это ученик хороший. Если наоборот — плохой. Пиши пропало!

Но что это, — спросят меня, — все про Калашникова да про Калашникова. А про любовь где?

Про любовь же договорились. Все правильно. Про любовь.

Однажды Калашников вернулся из школы домой.

Снял пальто и прошел в комнату. И тут залился голосистый телефон. Телефон был совсем новенький. Его недавно поставили. Звонки у него были громкие и радостные.

Калашникову звонили очень редко. Он даже подумал — кто бы это мог быть?

Снял трубку и сказал:

— Алло!

Но он ничего не услышал. Телефон молчал.

— Алло! — повторил Калашников громче.

На кухне, шипя, что-то жарилось, и Калашникову показалось, что из-за этого он ничего не слышал.

— Да, я слушаю, — почти крикнул он.

И тут в ответ запрыгали в трубке коротенькие быстрые гудочки. Калашников пожал плечами и положил трубку.

Опять не то, — слышу я чей-то голос. — Любовь где, где же любовь? Куда запрятали?

Любовь? Любовь-то уже и началась.

Калашников был влюблен.

По нему, конечно, это не было заметно, на лбу не написано. Не томился он, не чиркал записок, никого не провожал и ни с кем из девочек не заговаривал.

И не то чтобы он был стеснительный, нет. Просто Калашников был влюблен по-своему. И влюбленность свою внешне никак не выказывал. Не вздыхал. И на улучшении успеваемости влюбленность не сказалась.

Нет, Таня Поташова не считалась первой красавицей. Да, она заметно проигрывала Алле Виноградовой или, скажем, Люде Голубицкой. Вот Алле и Люде записки писали, домой их провожали, кто-то с кем-то даже целовался.

Калашников, один-единственный во всем классе, любил Таню Поташову. Он один-единственный знал, что Таня — очень красивая.

И — в отличие от Виноградовой и Голубицкой, неистовых модниц, носивших самые узкие и короткие юбки и самые широкие и длинные пальто в классе, Таня одевалась самым нормальным образом.

Но Калашников ее все равно заметил.

Он влюбился в нее на экзамене по геометрии за 8-й класс. Калашников стоял у доски и, сильно путаясь в перпендикулярах и параллельных прямых, решал свою задачу. А у другой доски Таня доказывала свою теорему. О, это была чудная теорема.

Калашников знал, что теорему эту очень давно доказал один умный человек, по фамилии Пифагор. Но тогда он забыл об этом. Тогда Пифагор не существовал для Калашникова.

Теорему доказывала Таня. И он смотрел, как она доказывала старую теорему о странных взаимоотношениях катетов и гипотенузы. Ему бы свою задачу решать, а он смотрел.

Она доказала. А он почувствовал, что влюбился.

И решил задачу. Непонятно почему. На четверку.

Такова была история любви Калашникова. Вернее, ее начало. И вот однажды снова в его квартире раздался звонок и снова молчала снятая телефонная трубка.

— Алло! Алло! — несколько раз повторил Калашников. — Алло! Алло!

Но никто не отозвался.

И сердитые маленькие гудочки опять запульсировали в трубке. Калашников и на этот звонок не обратил внимания. А затем...

Затем звонить начали каждый день. Иногда по два раза. И Калашников очень скоро привык к этим звонкам и молчаливому собеседнику по ту сторону провода.

Калашников решил для себя, что звонит Таня Поташова.

«А почему и в самом деле не она? — думал он. — Кому же еще звонить и вот так молчать? Она же ведь не знает, что я ее люблю. Вот и молчит».

Иногда ему приходила в голову смелая мысль. Ему хотелось крикнуть в пластмассовую решетку: «Таня, это ты!»

А в школе спросить у Тани было попросту немислимо. Ну, как про это спросить?

Но когда Калашников поворачивался на своей парте во время рассказа учителя о необыкновенных свойствах солей азотной кислоты, он ловил Танин взгляд, направленный прямо на него. На него, а не на портрет старика Менделеева на стене.

Их взгляды встречались. И Калашников отворачивался.

— Если звонит она, — рассуждал он, — значит, она меня любит. Уж там не знаю, за что и почему. Ну, а раз так, она должна знать, что и я тоже, тоже! Нужно ей позвонить.

Но Калашников не знал Таниного телефона. А спросить не решался.

Оставалось одно.

Великое дело — классный журнал. Он содержит в себе массу полезных сведений.

Здесь в строго алфавитном порядке расположены фамилии всех учеников класса. В разграфленных столбцах выведены заботливой рукой учителя перпендикулярные единицы, замысловатые двойки, извилистые тройки, квадратные четверки, полумесяцы пятерок с палочкой наверху.

Кроме всего прочего, есть в этом журнале адреса и телефоны учащихся. Всех, без исключения. В строго алфавитном порядке.

Ну, а теперь вы поняли, что придумал Калашников?

Да, он решил во что бы то ни стало достать классный журнал. Переписать Танин телефон. Затем Калаш-

ников предполагал возвратить журнал на законное его место в учительскую, на полочку с переборками.

Незаметно взять журнал оказалось трудной задачей. Как назло ни один учитель ни разу не выпустил его из рук, ни разу не положил на видное место. Учителя передавали друг другу журнал, как бегуны на длинной дистанции передают эстафету.

После занятий журнал попал в руки Веры Павловны, которая, по обыкновению, в конце дня смотрела, кто сколько за день пропустил уроков и получил двоек.

И вот тут Калашников придумал.

Мимо проходила Люда Голубицкая. Калашников остановил ее.

— Позови Веру Павловну в канцелярию. Ее к телефону...

Люда молча кивнула и вошла в учительскую. Калашников стоял в коридоре напротив двери в учительскую и ждал. Он увидел, как Вера Павловна вышла, оставив на столе раскрытый журнал, а Люда вышла вслед за ней. В распоряжении Калашникова было всего минуты две.

Именно этого времени достаточно, чтобы Вера Павловна дошла до канцелярии, убедилась в том, что никто ее к телефону не звал, и вернулась в учительскую.

Но Калашников не стал торопиться. Он не вбежал в учительскую, не схватил журнал и не понесся с ним по коридорам и лестницам.

Напротив, он как можно медленнее подошел к столу. Закрыл журнал. Взял его и пошел к выходу. Держа журнал и не ускоряя шага, Калашников миновал полупустой зал, открыл портфель и вложил в него журнал в серой обложке.

15-45-44.

Телефон Тани Поташовой был в руках у Калашникова.

15-45-44. Шесть веселых цифр. 15-45-44.

Нужно сегодня же позвонить.

Подойдя к телефону, Калашников перелистал журнал, рассматривая свои оценки. За этим занятием его и застал телефонный звонок.

Телефон молчал. Вернее, нет. Он дышал. Чье-то дыхание вибрировало в трубке.

Калашников спросил:

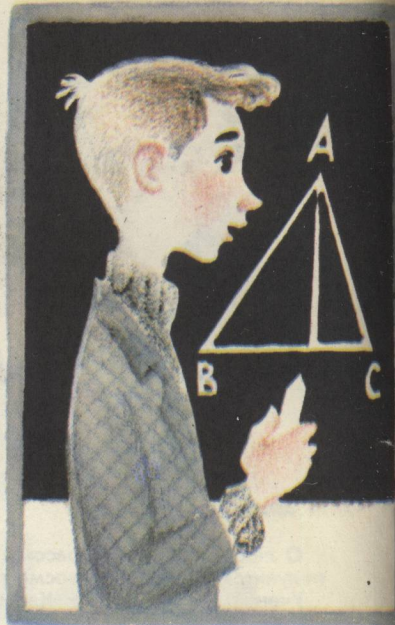
— Кто это там дышит?

И как только на той стороне повесили трубку, Калашников не стал слушать гудочки, а быстро набрал номер.

15-45-44. Шесть коротких поворотов диска. Гудок. И сразу треск снятой трубки.

— Алло!

Ее голос. Таня сняла трубку

сразу. Значит, только что, минуту назад, была у телефона.

— Алло!..

«Таня, — хотел он сказать. — Танечка! Это я, Калашников. Давай я будем молчать. Давай скажем друг другу...»

— Алло!..

И он повесил трубку. Гудочки невесело запищали. В их тонком писке Калашников услышал упрек. И он нажал на рычажки.

15-45-44. Уже не заглядывая в журнал, Калашников крутил диск.

И опять с первого гудка Таня сняла трубку.

— Алло! Вы меня слышите?..

«Да-да, — кричал про себя Калашников. — Слышу! Таня!»

— Говорите!..

Он открыл рот, хотел сказать: «Таня!» Но что-то не дало ему это сказать, и он зло бросил трубку.

Калашников сидел около телефонного столика и непонимающе смотрел в журнал. Раздался звонок. Калашников с какой-то даже радостью рванул трубку.

— Позовите, пожалуйста, Сашу.

Это звонила Вера Павловна.

— Да, это я.

— Саша, видишь ли, куда-то пропал классный журнал. Я уже многих ребят обзвонила. Ты не знаешь?

— Нет, Вера Павловна. Я не знаю.

— Ты можешь мне дать чей-нибудь телефон? Я еще хочу позвонить.

— 15-45-44, — сказал Калашников.

...Класс гудел. Серьезная опасность нависла над классом. Журнал. Классный журнал. Его не было. Он исчез. Его тщетно искали по всей школе. Весь день. И после уроков.

9 «б» остался в кабинете химии. На чрезвычайное собрание. Повестка дня — злополучный журнал.

Вера Павловна восстанавливала картину.

— Последний раз я видела журнал вчера в конце дня, а просматривала его в учительской. Потом кто-то, кажется, Голубицкая, да, позвала меня к телефону. Как выяснилось, случилось недоразумение — мне никто не звонил. И вот, когда я вернулась из канцелярии...

Что было дальше, гораздо подробнее мог бы рассказать Калашников. Но он молчал.

— Взял, наверное, кто-то. Ума не приложу...

Калашников сидел злой. План незаметного возвращения журнала сорвался. Незамеченным это бы не прошло. В коричневом портфеле

Калашникова со стертymi медными застѳжками лежал тот самый журнал, к местонахождению которого не могла приложить ума Вера Павловна. А с нею и весь класс.

— Послушай, Голубицкая, ты не вспомнишь, кто тебя попросил позвать меня к телефону?

— Кто? — красивая Люда Голубицкая приподнялась с последней парты. — Калашников, кажется.

И тут всем все стало ясно. Словно вздох облегчения пробежал по классу.

— Это так, Калашников?

— Да, — Калашников улыбнулся. — Это так.

И вынул из портфеля журнал.

Вера Павловна ахнула и развела руками. И весь класс ахнул.

Возвращенный журнал между тем нисколько не походил на журнал прежний. По крайней мере, снаружи. Тот, вчерашний, мирно стоявший на полочке, был обернут в серую бумагу.

Этот, сегодняшний, выскочивший на свет из калашниковского портфеля, был красного цвета.

— Бумага порвалась, — объяснил Калашников. — Я и сменил. Серой, правда, не было.

Вера Павловна схватила красный журнал и крепко сжала его в руках. Казалось, ей вернули что-то такое, что было частью ее самой.

— Зачем? Зачем ты это сделал?

Зачем? Это было не объяснить.

— И тебе не стыдно? — Вера Павловна стукнула ребром журнала по столу. Голос ее дрогнул.

— Нет, — ответил Калашников.

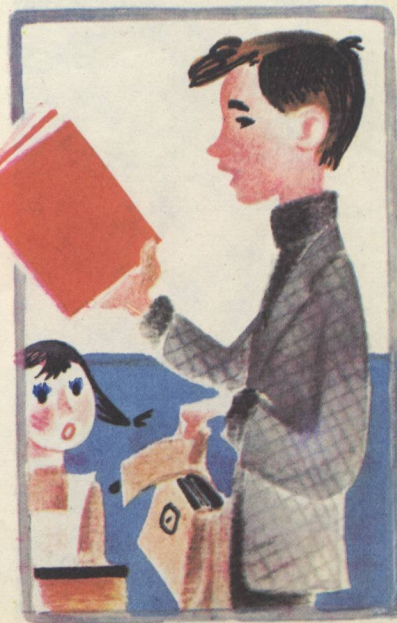
Ему захотелось успокоить ее и он сказал:

— Честное слово, Вера Павловна.

Калашников торопился домой. Он был уверен, что сегодня ему обязательно позвонит Таня.

И они все скажут друг другу. А может быть, обойдутся без слов. Они уже привыкли без слов. Они просто помолчат, приложив трубку к уху. И немного в нее подышат, самую малость.

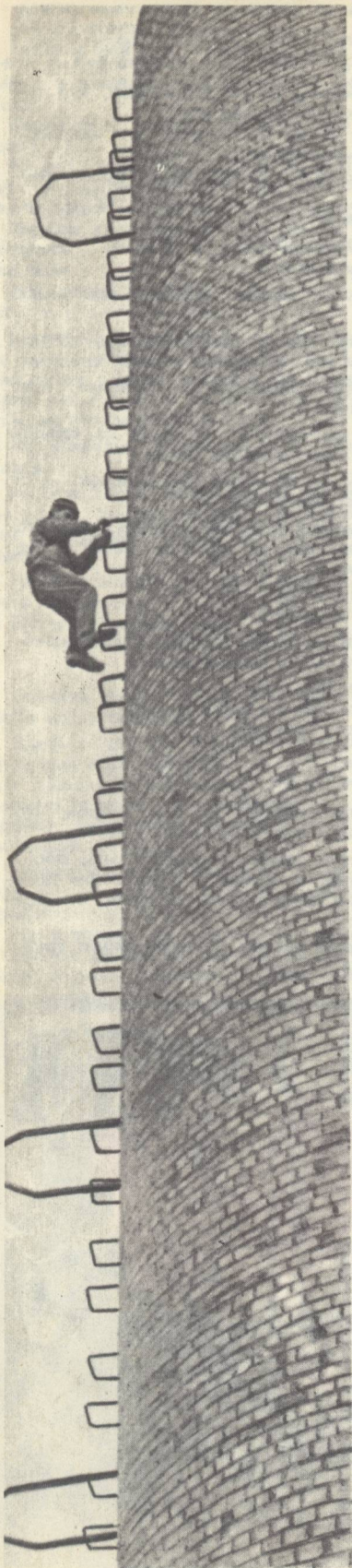
Нет, он не будет ждать звонка. Он сам снимет трубку и наберет — 15-45-44.

ТРУБОКЛАДЫ

П. Золовей

Фото Э. Кривцова

Есть предметы, которые видишь каждый день, но не замечаешь, потому что они давно стали привычными. Вот, например, заводские трубы — глаз равнодушно скользит по ним. Иной раз только подсадуешь: опять дымят.

Но однажды я ехала в командировку. В поездах знакомятся быстро. И скоро я узнала, что мой сосед, молодой человек с загорелым лицом, — трубоклад, представитель старинной и редкой профессии. Несколько часов он рассказывал о своей работе. О дальних поездках — их организация, она называется «Союзтеплострой», кладет трубы по всей стране. О высоте, когда доверяешься себе и товарищу — как себе. О горизонте, который все раздвигается и раздвигается: ведь труба растет, поднимается к небу.

Тогда мне очень захотелось увидеть, как это делается на самом деле. И вот я еду туда, где возводится труба. Не гигантская (бывают кирпичные стометровки, протянутые ввысь, а трубы из железобетона вымахивают чуть ли не с Останкинскую башню), а обычная шестидесятиметровая труба котельной.

Место, где она строится, дальняя окраина Ленинграда, называется поэтически — Парнас. Однако там не оказалось даже намека на знаменитую гору, обитель муз. Место ровное и болотистое. После недавнего дождя и вовсе труднопроходимое. Лишь одна высокая точка заметна издали: красноватое, как бы обрубленное тело строящейся трубы.

Издали видно, как шевелится наверху, посверкивая мастерком, человек, похожий отсюда на игрушечного.

Девушки-подсобницы дают мне куртку, брезентовые рукавицы, и я ступаю на металлические скобы, которые встроены в трубу.

Правду говоря, на этой лестнице чувствуешь себя не очень устойчиво. Кажется, что скобы далеко друг от друга, что нога вот-вот скользнет вниз, а ветер, который внизу был чуть заметен, здесь с силой треплет волосы и холодит лицо.

Я смотрю вниз и вижу серую ленту дороги, лес, дальние поля. А где-то очень далеко, внизу, люди. Ничего себе расстояние. Вот тут-то и ощущаешь высоту. Страшновато делается, хочется поскорее вниз.

А когда запрокидываешь голову, видишь лицо и руки трубоклада. Он спокоен. Уверенно берет кирпич, укладывает его на место, и мелкие крошки раствора беззвучно пролетают мимо меня.

Человек привык к высоте. Для него высота — рабочее место.

Он работает быстро. Еле успеваешь глазом отметить, как один за другим укладываются в постель из раствора кирпичи, и вот уже мастер ушел, его не видно. Он ходит по кругу, а я не могу сдвинуться с места. Через минуту-другую он вновь появляется. Значит, труба выросла еще на один кирпичный ряд.

Иногда это движение замедляется. И вот почему. Наверное, кто-нибудь из вас видел на заводских трубах слова, выложенные из кирпича? Когда мастер «пишет», необходима особая осторожность: ведь для надписи нужен кирпич другого цвета, белого, и важно не перепутать, чтобы получился точный рисунок. Обычно он так и получается: буквы идут ровные, красивые, как напечатанные.

Через час наступил обеденный перерыв, и трубоклад спустился вниз.

Зовут его Анатолий Алексеевич Бобров. Он работает уже около двадцати лет, трубы его стоят в Ленинграде, в Таллине, в Выборге и других городах и поселках.

Таких мастеров, как Анатолий Алексеевич, в Ленинграде, наверное, человек двадцать. И все нарасхват. А почему?

Когда смотришь снизу, кажется, что работа на трубе такая же, как у всех каменщиков. Вот мастер накладывает раствор, ставит кирпич, зачищает, пристукивает мастерком — и дальше. Но если каменщик обычно ведет стенку по прямой линии и фигурные детали встречаются у него редко, то трубоклад должен выложить идеальную окружность, как по

циркуло. А кирпичи у него самые обыкновенные — прямоугольные. Но и это еще не все. Каждый, кто видел заводскую трубу, наверно заметил, что внизу она шире, чем вверху. Поэтому каждая следующая окружность, которую выкладывают руки трубоклада, должна быть чуть-чуть меньше предыдущей. Это «чуть-чуть» измеряется по сути не на сантиметры даже, а на миллиметры. Новичок становится специалистом, когда начинает улавливать их. Конечно, чтобы не ошибиться и строго выдержать уклон, есть инструменты, кстати, знакомые, наверно, и вам, — отвес и уровень. Но такие мастера, как Бобров, бывает, за три месяца два возьмут уровень в руки. Настолько точен у них глазомер, лучше всякого инструмента.

Особая чуткость руки, верность глаза вырабатывается не сразу. Годы нужны. Но чаще всего бывает, что человек, начав однажды работать, не уходит отсюда, хотя дело нелегкое и связано с риском.

Высотой труба, как правило, больше двенадцатизэтажного дома. А площадка, где находятся строители, совсем небольшая, и ограждения никакого. И поэтому здесь все необходимо делать без ошибок. Неточность, расхлябанность, даже простая забывчивость может привести к беде. Каждое движение нужно рассчитывать: случайностей не должно быть.

Вот почему, наверно, трубоклады немного похожи друг на друга. Несуетливые, но быстрые и точные движения, сосредоточенность, немногословие — таким я увидела Анатолия Алексеевича, а потом и еще нескольких мастеров.

Трубу обычно кладут два каменщика. Шестидесят метров — это три месяца работы, если не заливают дожди и не сбивает с ног ветер и если оба каменщика работают в одном ритме, без слов понимая друг друга. На высоте не очень поговоришь — ветер не даст.

Анатолий Алексеевич и сейчас, внизу, говорит коротко:

— Работа нравится. Интересно. Тут за чужой спиной не отсидишься, покажешь, на что ты способен. И видно сразу твой труд. Еду мимо завода какого-нибудь — вот она, моя, стоит.

Гудит лебедка, вьется тонкой змейкой черный металлический трос, поднимается вверх ящик с кирпичом; человек наверху отцепил с ящика крюк и исчез — нагнулся. Потом появился снова, махнул рукой, что-то крикнул. Голоса почти не слышно. Но девушка у лебедки поняла сигнал, и пустой ящик поехал вниз. Вот так с помощью лебедки и простого приспособления — крана-укосины — и подают на высоту раствор и кирпич. Это все, что нужно трубокладу для работы.

Работа эта для человека выносливого — ведь кладка ведется и в зимние морозы, и в летнюю жару. Для самостоятельного — сюда никто не придет подсказывать. Для смелого — вот и Бобров однажды повис на ремне над пропастью в тридцать метров. Подтянулся, отдышался. И назавтра опять полез на почти вертикальную стену по железным скобам.

Они бегут вразбежку до самого верха, эти металлические ступеньки. Есть у трубокладов правило: за верхнюю скобу не берись. Ее только что установили. Может быть, она еще непрочно стоит в своем гнезде, подведет. И ни один трубоклад не забывает этого правила, как и многих правил своей профессии.

Уже придуманы способы строить здания почти без вмешательства человека: их собирают из блоков и деталей, как в детском конструкторе. Да и почти на всяком производстве умные машины решительно вытесняют ручной труд. Я читаю Директивы нового пятилетнего плана, читаю о завтрашней заводской автоматике, о поточных линиях, об электронике, которая идет в цеха, — и думаю: все-таки, наверно, во все времена будут нужны мастера, умельцы, чьи руки смогут сделать самую тонкую, самую сложную работу. И искусство их будет цениться всегда.

Когда-нибудь эти трубы, я думаю, исчезнут. Разноцветные шлейфы дыма перестанут раскрашивать небо. Ученые уже сегодня изобрели много способов превращать весь дым без остатка во многие полезные вещи.

Но пока что ни одна сколько-нибудь серьезная печь без трубы не горит. И потому все выше и выше подымаются по скобам трубоклады.

*М. Чечнева,
майор авиации в запасе,
Герой Советского Союза,
член Комитетов советских
женщин и ветеранов войны*

Дорога к мосту Хам-Ронг

*Отрывок из воспоминаний
о поездке во Вьетнам*

*М. Чечнева
Рисунок Ю. Шабанова*

Несколько лет назад я впервые услышала рассказ о боях в районе легендарного моста Хам-Ронг — «маленького Сталинграда», как назвал его президент Хо Ши Мин.

— ... Моя родная деревня находится недалеко от моста, — рассказывал вьетнамский товарищ. — Почти все отсюда эвакуировались, только несколько старух отказалось

уезжать из родных мест: «Где родились, там умрем! А пока живы, поможем армии!» Устроили в селе кухню, стали готовить для артиллеристов горячую еду. Их внучки, девочки лет двенадцати-тринадцати, относили на позиции обеды, а потом стали носить туда же и зелень. Зачем? Для маскировки. Солнце у нас жаркое, все сжигает быстро; если не менять «маску» почти ежедневно, то она желтыми пятнами укажет врагу расположение зениток... Между прочим, к нам в отряд пришла одна девушка — можете записать ее имя, если желаете, ее зовут Нго Тхи Туэн — она вначале просто дрожала, когда самолеты пикировали на батареи, и даже вид сбитых, догорающих самолетов ее не успокоил: такие они были огромные да страшные. А пост у Туэн был нелегкий — она осуществляла связь с катерами, которые от моста вели зенитный огонь вверх и вниз по реке. Туэн доставляла на катера продовольствие и снаряды: она очень здорово плавает, как рыба, никому другому нельзя было это поручить. Она вообще-то очень смелая: однажды, когда сампан перевернулся в воде, ныряла на дно и достала оттуда ящики со снарядами. А вот огня, налетов, воя пикирующих моторов вначале побаивалась. Мы ей объясняли: самолет, конечно, машина грозная, сильная, но если попасть, даже из винтовки, в уязвимое место, то и лучший самолет упадет, как камень. Главное — не бояться. Он тебя сверху не видит, бьет по площадям, а ты его видишь, значит, на твоей стороне преимущество, стреляй метко — и собьешь, как этот самолет сбили твои подруги. И вот Туэн взяла свое мужество в обе руки... Это у нас такая поговорка. Сейчас она одна из самых смелых в отряде.

Этот разговор состоялся, напоминаю, несколько лет назад. И вот я вместе с подругами по делегации Комитета советских женщин приехала на позиции возле моста Хам-Ронг.

Гора у дороги. На ней выложено камнями: «Решительная победа»... Странная, причудливой формы скала похожа на женщину с ребенком на руках. Предание гласит: женщина оканенела от горя, напрасно поджидая погибшего в бою мужа... Разрушенный фосфорный завод. Разрушенный рисоочистительный завод. Разрушенная электростанция.

И, наконец, две сопки.

— Раньше они были повыше. Это их бомбами срезало, — тихо объясняет наша спутница Нго Тхи Туэн. Да-да, та самая Туэн, «взявшая свое мужество в обе руки».

Она — удивительное, милое, подвижное, юное существо, с задорными, даже лукавыми глазами, с круглым личиком, маленькая, озорная и ласковая — на вид прямо восьми- или девятиклассница. Но на груди у нее приколота звезда Героя Вьетнама и орден, один из высших боевых орденов Республики. Как велик подвиг этой девочки, будет понятнее, если напомним о военной специальности Туэн: Что скрывать, существуют на войне такие специальности, необходимые и почетные, где получить Звезду Героя очень трудно. Так уж повелось: летчик или танкист, разведчик или снайпер при прочих равных условиях ближе к награде, чем, скажем, военврач, связист или работник батальона аэродромного обслуживания. А Туэн была подносицей снарядов и продовольствия. И все-таки стала Героем народного Вьетнама.

Я представляю, как это произошло. Налеты следовали один за другим, волны самолетов накатывались на мост, иссякали запасы снарядов и ракет у зенитчиков на вершинах сопки, на катерах, прикрывших мост с реки, и Туэн носила, носила, носила... Два ящика со снарядами за один раз, — вот сколько она носила, а таких ящиков были десятки, сотни, и тащить надо было в гору, тащить под огнем, под бомбами.

Стал уже журналистской прибауткой случай с корреспондентом, который был здесь, разговаривал с Туэн и отказался верить, что такое милое хрупкое существо способно в одиночку поднимать на гору шесть с гаком пудов. Тогда рассерженная Туэн попросила принести мешок с рисом (в мешке оказалось сто пять килограммов), подняла эту тяжесть на плечи и сделала для наглядности несколько кругов.

— Но вы знаете, у меня образования всего четыре класса, — тихо жалуется она мне. — Отец умер, когда я была совсем маленькая, старшего брата убило на фронте, а у матери нас осталось шестеро на руках, ей так трудно было нас растить...

— Ты — младшая дочка, Туэн?

— Нет, я пятая у мамы. Мне очень хочется дальше учиться, это, пожалуй, самое главное, чего хочется. Я обещаю, что буду очень хорошо учиться. И еще я очень хочу побывать в Советском Союзе.

... Приезжай к нам в гости, юная Туэн. Приезжайте, друзья, отстоявшие Хам-Ронг от американских бомб! Вы увидите, как любят вас в далеком Советском Союзе, какими желанными и любимыми гостями вы будете у нас повсюду.

И вот, наконец, мы оказались на мосту.

Мост как мост: По нему идут грузовики. Видна полустершаяся надпись: «Все для победы над американскими агрессорами!» Прямо не верится, что на подступах к этому обычно на вид железнодорожному мосту лежит девяносто девять современных сверхскоростных истребителей-бомбардировщиков, каждый из которых может за раз уничтожить не одну тысячу людей. Однако вот улеглись они грудой исковерканного металла, и мальчишки мастерят из них рукоятки для ножей и прочие безделушки, а мост стоит, и по нему, как раньше, как всегда, идут на юг грузовики.

А внизу под нами несет свои воды в Великий океан бурная, пенящаяся на порогах, неразорвавшихся бомбах и остовах упавших самолетов свободная река по имени Ма.

ПОВЕСТЬ

Вадим Инфантьев

Рисунки А. Сколосубова

Вступление

При взгляде на карту Кронштадт похож на огромную птицу. Она села на воду, прикрыла крыльями гранитных фортов подступы к Ленинграду, нацелив в открытое море вытянутую шею Толбухинской косы.

Я родился в Кронштадте, здесь же родился и мой отец Алексей Прохорович, здесь вырос и мой дед Прохор Алексеевич, и меня в честь деда нарекли тоже Прохором.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я, пожалуй, один из самых старых кронштадтцев. За девять десятков прожитых лет многое пришлось увидеть и испытать.

Я люблю свою гранитную родину — Кронштадт. И куда бы ни бросала меня судьба, я видел его во сне, наяву бредил его прямыми строгими улицами, от берега до берега насквозь продуваемыми морским ветром, его гаванями и гранитными причалами.

На броненосце «Слава» я дрался с немцами в Ирбенском проливе в первую мировую войну, боролся в Петрограде за Советскую власть. Бил белых на Каме и Волге... Да и в Великую Отечественную войну не сидел без дела.

Историю Кронштадта я изучил по книгам и документам, по рассказам его старожил.

...Все лето 1703 года на берегах Невы звенели топоры, визжали пилы, ухали чугунные бабы, загоняющие в прибрежный грунт сваи — спешно строился Петербург. Питербурх, как тогда называли его... Но все это лето в устье Невы стояла в боевой готовности шведская эскадра под командованием вице-адмирала Нумерса. А первые русские боевые корабли еще только строились в Лодейном Поле, где неотлучно находился сам Петр I.

В октябре шведская эскадра ушла на зимовку в Выборг. Тогда Петр I на яхте, в сопровождении галиота, вместе с плывущим по Неве осенним льдом впервые вышел в открытое море.

В холодной дымке перед русскими матросами открылся вытянутый с востока на запад остров Ретусари,

покрытый лесом да болотами, площадью всего в 15 квадратных верст... В этом неказистом пустынном острове Петр увидел ключ, замок, щит будущего Петербурга.

Отлично понимая, что враг силен и далеко не глуп, что он скоро осознает свой промах, Петр приказал укреплять остров, но превратить его сразу в крепость было не под силу. И Петр, сам промеряв судоходный фарватер у южного берега острова, приказал к весне соорудить возле него насыпной форт Кроншлосс, или, как вскоре стали его называть, Кроншлот — коронный замок, а крепость и город на острове Котлин нарекли Кронштадтом — коронным городом.

В наказе Петра первому коменданту Кроншлота говорилось: «Содержать сию ситадель с божьей помощью, аще случится, хоть до последнего человека».

С первых дней существования Кронштадта ни один вражеский корабль не сумел пройти к Неве. А город-крепость рос и креп с каждым годом. Возводились все новые и новые насыпные форты — надежные помощники Кронштадта. Они и поныне грозно возвышаются над водой. Одетые гранитом, они спокойно выдерживали удары не только чугунных ядер, но и тяжелых немецких снарядов в годы Великой Отечественной войны.

Враги давно отказались от мысли прорваться к Петербургу с моря. Правда, в последний раз они похвально сделали это во время войны 1854—56 годов. Тогда, осадив Севастополь, англо-французское командование решило нанести России удары и на других морях. Командующий эскадрой адмирал Напир хвастливо заявил, что он позавтракает в Кронштадте и пообедает в Петербурге...

Но вместо боевых действий английские крейсера стали охотиться за финскими рыболовными и торговыми шхунами и нападать на прибрежные финские поселки, где не было ни одного солдата. Потом вся армада двинулась на Кронштадт и остановилась вне досягаемости огня его орудий. Западные газеты писали,

что Петербург охвачен паникой и обезлюдел. На самом же деле по воскресеньям любопытные петербуржцы, кто в экипаже, кто пешком, направлялись к Петергофу и Ораниенбауму, чтоб во время завтрака на свежем воздухе поглазеть на стоявший в бездействии флот «владычицы морей» Англии и ее союзника Франции.

Тогда мой дед Прохор служил канониром на гребной канонерской лодке. Это были небольшие корабли с восьмьюдесятью гребцами, вооруженными через одного саблями, топорами и кремневыми ружьями на случай abordажной схватки. На носу и корме стояло по одной пушке. Канонерки действовали в финских шхерах, где тяжелым кораблям противника маневрировать было трудно.

Однажды эскадра союзников пыталась прорваться к

Выборгу, и с ней вступили в бой гребные канонерки и пароход «Тосно». Врага отогнали, потопив несколько баркасов. В этом бою вражеским ядром моему деду оторвало ногу. Он говорил, что пройди ядро на фут ниже — и лодка была бы потоплена.

Все форты южнее Кронштадта строились еще в первой половине прошлого века. А северные большие форты Тотлебен и Овручье, переименованные в 1921 году в Первомайский и Краснофлотский, а также семь номерных небольших фортов восточнее их начали спешно сооружаться с 1893 года.

К строительству северных фортов я имел прямое отношение будучи двенадцатилетним мальчишкой. Это были светлые, романтические дни моего трудного далекого детства, и я на всякий случай решил для себя изложить это на бумаге. И если мои записи когда-нибудь попадут вам, то хотите верьте, хотите нет, считайте это легендой. . . как вам угодно.

В СЕМЬЮ КОПЕЙКА

Мой отец, отслужив на флоте комендором, был хорошим слесарем-оружейником, и его с Кронштадтского паровозного завода перевели на Сестрорецкий оружейный.

Дед мой продал крохотный домишко в Кронштадте и приобрел дачу на окраине Сестрорецка, в котором и поселилась наша семья: дед, отец, мать, я и младшие сестренки: Лида, Поля и Нюра.

Дед под старость не мог работать на заводе, но и сидеть без дела он не мог, не такова наша рабочая порода. Он сколотил себе крохотную каморку и целыми днями чинил, лудил, паял самовары, кастрюли, чайники, даже ходики ремонтировал. Но искусней всего дед Прохор оказался в изготовлении рыболовных снастей, особенно блесен и крючков.

Он ковал крепкие крючки на угрей, щук и судаков, делал белые — луженые — и вороненые, до самых крохотных — мушельных. Я всегда удивлялся, как это он отточенным тонким зубильцем, которое как-то удерживалось в его огромных черных пальцах, легким ударом крохотного молоточка насекал острую бородку у жала крючка, чтоб рыба не срывалась после подсечки. Ведь чуточку не рассчитаешь силу удара — и крючок толщиной в конский волос перерубится надвое. . . Но особенно дед прославился своими голубыми крючками, к нему за этими крючками приезжали рыболовы-любители из самого Петербурга.

Семье нашей приходилось трудно. Подрастали сестренки. Когда жили в Кронштадте, мать стиркой подрабатывала: официерам белье стирала, крахмалила. Заказчиков много было. А здесь, в Сестрорецке, господ мало и стирать некому.

В Кронштадте, да поначалу и здесь, в Сестрорецке, мы с дедом рыбу ловили: летом угрей, окуней, судака, зимой корюшку. А потом рыбалка деду стала не под силу.

Как я ни хотел учиться, но после третьего класса церковно-приходской школы заявил, что пойду на завод учеником слесаря, буду помогать семье.

Отец напустился, подумал-подумал и со вздохом ответил:

— Видно, брат, не судьба и тебе выбиться в люди. Поговорю с мастером. Год даром будешь работать, потом жалованье положат копеек двадцать-тридцать в день, через год будут по пятаку набавлять. Все в семью копейка.

Я стал работать на Сестрорецком оружейном заводе. Отец договорился с мастером, чтоб по субботам я не работал, а шел на рыбалку. Мне от деда удачливость в этом передалась, да и места и повадки рыбы знал. Мастер согласился, оговорив, чтоб часть улова к нему приносили даром. Пришлось согласиться.

Летом рыбалка — милое дело. Солнышко встает, чайки летают. Парусные корабли и пароходы проходят на горизонте. Тепло. . . А зимой? Встаешь — в избе холодина, мать печь растапливает. Только горячим чаем и согреться. Ставишь на санки ящик под рыбу, снасти привязываешь, пешню и — на лед залива. А мороз перед рассветом всегда особенно злющий, аж дыханье перехватывает. Снег под валенками визжит, а звезды на небе бледно-синие от стужи — оледенели за ночь. Согреться или нет по дороге, но как пришел на место — сбрасывай полушубок и берись за пешню, чтоб лунки долбить. Тут быстро пот прошибет. В прорубленной лунке с клеточкой вспучивается темная, как чернила, вода, даже на лед выплескивается. Лунку надо тотчас прикрыть снежком, чтоб светом рыбу не распугать, а рядом долбить следующую лунку. Потом снег с лунки осторожно разгребешь и опускаешь в воду удочки. На самом конце лески свинцовое грузило, оно ложится на дно и чуть притапливает поплавок, чтоб его льдом не прихватило. А лед в лунке прямо на глазах появляется, сначала тоненькие иголочки, потом лучики, чуть прозевал — уже как оконное стекло. Его осторожно снимаешь медной чумичкой. Тут надевай полушубок, укутывайся и жди клева.

Больше всего я люблю ловить корюшку. Она зимой ценится раза в три дороже салаки. Рыба эта особая и вкус у нее особый. Только что выловленная, она пахнет свежими огурцами. Зайдешь с ней в дом и вдруг запахнет, словно летом в огороде. А чистить ее надо не как обычную рыбу. Берешь пальцами под жабры, сразу вытаскиваешь всю требуху — и на сковородку. Мясо корюшки нежное, чуть сладковатое, а прожарившись плавнички и хвостики становятся прозрачными, словно янтарными, и вкусно хрустывают на зубах.

Но полежит корюшка даже на морозе два-три дня и превращается в обыкновенную рыбу вроде салаки или плотвы, теряет свой огуречный запах и нежный вкус. Поэтому и любят корюшку только там, где ее ловят. Особенно зимой, когда запах ее еще приятнее.

В субботу и воскресенье мать везет корзину наловленной мной корюшки в Петербург и продает по рублю-полтора за сотню.

По утрам мать старается меня посылней накормить.

— Ешь, Проха, тебе весь день на морозе, а мы в тепле.

— Спасибо, маманя, я сыт, — отвечаю я и спрашиваю: — У нас вечером опять гости будут?

— Может и будут, — вздыхает мать и подкладывает мне в тарелку каши.

Из-за перегородки доносится кашель и голос деда: — Ешь, Проха. Сегодня шибко студено и ветренно на заливе будет. Костями чую.

Дед всегда так говорит, даже в оттепель. И лишь иногда добавляет:

— Вечером опять попрыгаешь у ворот.

Значит, у нас будут гости.

Странный народ — взрослые. Считают тебя глупее, чем ты есть на самом деле. А я все понимаю. Понимаю, зачем отец в заборе, что на пустырь выходит, две доски оторвал и оставил висеть каждую на одном гвозде. Какие же это гости, когда за целый месяц одну и ту же бутылку водки на стол ставят и не пьют? Приходят по одному, тихонько, скромно, ждут дядю Семёна — токаря с завода. У него усы, как старые сапожные щетки, во все стороны торчат. Иногда дядя Семён приводит с собой незнакомого человека, видно — из города. Здешних я всех знаю.

Мать накрывает на стол, раздувает сапогом самовар. Обычно гости как сороки трещат, прежде чем сесть за стол, а тут усаживаются молча, и отец говорит мне через плечо:

— Проха, марш на двор, поторчи у калитки и если кто чужой направится к нам — стукни три раза в окошко.

— Фараон, что ли? — спрашиваю я.

— Ты полегче насчет фараонов. Иди, знаешь, что надо делать.

— Тоже мне дело, — ворчу я и выхожу на мороз.

Стою у калитки на улице, мерзну и злюсь. Вначале я думал, что раз отец бывший комендор, а все его друзья оружейники, то может, они бомбу против царя делают или пушку какую-то особенную. Заглянул в окошко — сидят и какие-то книжки вслух читают да разговаривают чуть не до полуночи, а завтра к семи утра надо на завод. А если в субботу, то им спать хоть весь день, а мне чуть свет — на лед за рыбой.

Однажды отец поздно вечером вдруг вышел из дому, я сразу зажег свечку и ну читать Жюль Верна. Очень его люблю. Мне эти книжки местный учитель дает. У него их целые полки, и даже в сундуках лежат. Слышу, отец по чердаку ходит, доски на потолок скрипят. Потом в углу стал скрестись, как кот...

На следующий день я забрался на чердак. Там хлам еще от прежнего хозяина остался — пылью покрылся в палец толщиной. А там, где вещи перерыты, пыль слетела. Я и откопал в углу завернутые в холстину тоненькие книжки. Подошел к окошку и стал читать. Ни про бомбы, ни про пушки ничего там не писано — сплошь непонятные слова. Потом одну книжку открыл. Оказалось — про привидения. Так и написано: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма...» Не в заброшенном доме, не в старинном замке, а по всей Европе! А ну как к нам забредет, ведь Петербург — окно в Европу? Еще в школе об этом говорили...

Спустя много-много лет я до конца понял смысл этой небольшой, но великой книжки, а тогда у меня голова трещала от непонятных слов. Прочитал единым духом, будто музыку слушал. Не церковную — она гнусавая, и не военную, — в ней много барабанов, а какую-то очень важную, хоть непонятную. То, что пролетарии, — мне понятно, отец не раз говорил, что мы пролетарии. А конец книжки мне страшно понравился: «Пусть господствующие классы содрогнутся перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В другой книжке было написано, что рабочие должны трудиться всего восемь часов в день. Сколько же это времени будет свободного! Сколько можно успеть сделать!...

Однажды не утерпел я и спросил отца:

— Папаня, как же так получается: пролетарии должны соединяться, бороться за коммунизм, а он — призрак...

Отец даже подскочил на месте и набросился на меня, откуда, мол, все это узнал. А я ему и говорю:

— Давай, я эти книжки в скворечник спрячу. Никто

не догадается, а если и захочет — не доберется — свалится. Я же лазучий.

Отец накричал на меня, чтоб я немедленно забыл обо всем этом и ничего на мои вопросы не ответил.

... — Проха, вставай! Рыбалку проспичи!

— Мамань, я еще только две минуточки.

От сладкой слюнки сохнет уголок рта. Подушка теплая, лежу и думаю: досчитаю до двенадцати и оторву голову от подушки.

— Раз, два, три...

А голова все глубже вдавливаются в подушку.

— Девять, десять, одиннадцать...

«Только бы не заснуть...»

— Одиннадцать с половиной, одиннадцать и три четверти...

— Проха! — кричит мама.

Уперся обеими руками в матрас и оторвал голову от подушки.

А когда выходишь в синюю жуть предрассветных сумерек, на душе так тоскливо, словно все о тебе забыли и страшные мысли лезут в голову: «Вот замерзну на льду — плакать будут, жалеть, что так рано будили».

А пока идешь — мысли развеются, восток становится все розовее и розовее, и сам согреваешься.

Зимой рыба движется мало. Иногда повезет — пробьешь лунку над косяком и таскай корюшку одну за другой, а порой десять лунок продолбишь и хоть бы в одной клюнуло. Но даже если и нет клева, то надо сидеть и ждать. Может, рыба еще не проснулась, может, испугалась стука пешни, а может, стоя еще не пошла.

Сидишь перед лунками и столько всего передумаешь. И о том, как холодно и тесно дома, и как студено и тоскливо одному на льду, и как долго приходится работать на заводе — уходишь туда затемно и приходишь домой при звездах... А сестренкам носить нечего... И маманя так быстро стареет...

К С Ю Ш А

Метет ли поземка, пригревает ли солнышко, или стоит лиловый дымный мороз, но когда начался клев — ничего не замечаешь. Даже жарко становится от азарта и голыми руками вычерпываешь из лунки хрупкий, как ламповое стекло, лед, чтоб поплавок не приморозить. Некогда вытереть о полушубок руки, они становятся красными, как лапы у гуся.

Но как бы сильно рыба ни клевала, где-то внутри меня какие-то часы отстукивают, и я все чаще и чаще поглядываю в сторону далекого берега. Иногда он ясно виден синей зубчатой полосой леса, а порой закрыт морозной дымкой, и куда ни посмотри — ты один посреди однообразного снежного пространства. Если попрыгаешь возле лунки в рыбацком азарте, то потом и не знаешь, в какую сторону домой идти. По ошибке можно в Петербург или в Кронштадт утопать. Это еще ничего. А понесет тебя в сторону Швеции — вовек не дойдешь, от голода и мороза на льду очоленеешь.

Однажды я вот так стоял и, проклиная свою оплошность, вертел головой. Низко ползли тучи, шел густой снег и занес мои следы. Хоть убей, не могу понять, в какой стороне дом. Даже слезы из глаз сыпались, от мороза, конечно: К счастью, дул легкий ветерок, и я вспомнил, что когда шел сюда, он мне в правое ухо свистел. А вдруг ветер, пока я у лунок вертелся, переменялся? У нас на Балтике такое часто случается. Но другого способа найти берег не было, и я пошел, подставляя ветру левое ухо. Повезло: ветер не изменился, и я выбрался на свой берег.

Теперь каждый раз беру с собой несколько хворостин. Воткну в снег по дороге, а последнюю кладу у лунок заостренным концом в сторону дома. Так надежнее...

Ловлю рыбу, а часы внутри меня отстукивают, и я чаще и чаще смотрю в сторону берега. Сначала даже не вижу, а угадываю, непонятно как, что ко мне идут. Потом уже различаю крохотную точку и уже уверен, знаю, что это идет Ксюха Лупаткина. Ее отец — дядя Василий — тоже бывает у нас по вечерам.

С Ксюхой мы учились в одной школе. Обыкновенная девчонка-замухрышка. Все мы ее дразнили — звали Ксюхой. Она букву «к» не выговаривала. Спросим, как ее зовут, отвечает:

— Сюха.

Смешно!

Однажды шел мимо ихнего дома и слышу за забором кто-то не то подавился и задыхается, не то кашель

чахоточный. Посмотрел в щелку, а это Сюха притаилась в репье и все букву «к» выговорить пытается. Я запустил в нее через забор еловой шишкой и убежал.

А в другой раз, вижу, идет по улице с корзинкой. Ее мать шитьем подрабатывала, так она разносила сшитое. Идет Сюха, сгорбилась, как столетняя старушонка. Я тогда хотел к ней тихонько сзади подойти и треснуть по загривку, но почему-то расхотелось.

А к лету все мы удивились. Спросишь, как ее зовут, она сразу выпалит:

— Кы-сюха!

Вот какая упорная оказалась. Добилась своего и обуздала букву «к». Стали все звать ее Кысюхой. И только я один всегда ее звал просто Ксюха, как меня зовут Прохой. А Федька Березин однажды изо всех сил дернул Ксюху за косу. У нее сразу в два ручья слезы брызнули. Я почему-то страшно обозлился и заорал:

— Ты чего к ней пристал?

Федька на меня. А я не из робкого десятка. За себя постоять могу. И по сегодня мальчишки говорят, что более знатной драки не видели.

Потом нас с Федькой отцы выпороли. Меня не сильно, дал отец две затрещины и велел самому заштопать порванную рубашку. А Федьке отец голову меж своих колен зажал, штаны спустил, бьет и приговаривает:

— Это за то, что в драку встрял! А это за то, что побитым вышел!

Признаваться, я тоже дергал Ксюху за косу, но не больно. А Ксюха смотрела на меня серыми глазами и говорила:

— Проха, отстань.

Ксюха училась всех нас лучше, и учитель сейчас хлопчет, чтоб ее на казенный счет в гимназию приняли. Она милосердной сестрой хочет стать. Всех собак в Сестроречке по имени знает, а заметит болячку, достанет мази и лечит. Ни одна собака на нее не лает, а как увидит — начинает прыгать и визжать.

Последний год в школе Ксюха заболела и пропустила четыре месяца и все равно весной обогнала нас — одни пятерки. А хворала она сильно. Доктор подозревал, что у нее чахотка, и советовал парное козье молоко с медом пить. Мед ей дядя Семен откуда-то приносил, а коза у нас тогда была, потом сдохла. Так мама моим сестренкам чуть на доннышке чашек наливала, а остальное — в бутылку, сунет мне за пазуху — и я беру сломя голову к Лупаткиным, чтоб молоко не прокисло.

Ксюха тогда лежала в постели серо-голубая, а носик стал острым, как у воробья клюв, а глаза, как у совы, большущие...

Прошлой весной в последний день апреля Ксюха встретила меня, когда я возвращался домой с завода, отозвала в сторонку и шепотом сообщила, что завтра рабочие собираются тайно встретить новый пролетарский праздник 1 Мая где-то в лесу. Мать Ксюхи из лоскутков кумача шьет флаг. Мы решили тоже посмотреть на этот тайный праздник. Была суббота, и, возвращаясь домой, я подметил, что пьяных на улице было намного меньше, чем в другие субботы. Рабочие проходили подтянутые, бодрые. Обычно по субботам у трактира роились мужики, что пчелы у улья, а сегодня на крыльце сидели только два завсегда и орали тоскливые песни.

Дома я застал мать гладившей отцовскую сатиновую косоворотку, а отец у окна прибивал набойки на каблучки сапог. Только дед в своем закутке по-прежнему невозмутимо постукивал молоточками.

Наспех поужинав, я схватил книжку и было направился во двор, но пришел дядя Семен, дядя Василий — отец Ксюхи, и еще двое рабочих. Отец сказал мне:

— Оставь книжку, погуляй у ворот.

— Папань, я с книжкой на лавочке посижу.

— Оставь, говорю! Знаю тебя, зачитаешься — возле уха из пушки выпали, не услышишь. Как весенний глухарь на току.

Солнце уже село. Небо было холодным и зеленым, обещая на завтра погожий день. Я сидел на лавке у ворот, стругал ножиком палочку, злился на взрослых, и мне очень хотелось, чтоб сейчас сюда пришла Ксюха. Но она не появилась.

Гости у отца побыли часа два и ушли по одному.

Потом я на лодке вышел в залив и поставил на ночь переметы. Вернулся совсем поздно. Дед спал. Отец с матерью сидели за столом. Читать мне не разрешили, так как надо было на зорьке снимать переметы.

Утро действительно выдалось пригожим. Солнце поднялось чистое, и в золотистой дымке посверкивали шпили и купола Петербурга. Вода была совершенно спокойной, и казалось, что нет ни воды, ни неба и что сам вместе с лодкой паришь в середине огромного дымчато-голубого шара с двумя солнышками: одно сверху, а другое — его отражение — внизу. Оба светили так ярко, что щекотало в носу. Стояла такая тишина, что было слышно, как на берегу поют петухи и тявкают собаки. Одежда от росы стала влажной, а лодка блестящая, словно лакированная.

Я снял с переметов несколько крупных окуней и одного судака — обед есть. Потом, до тех пор пока не стало пригревать солнце, ловил удочкой ершей для ухи. Когда клев прекратился, я погреб к берегу.

Пока я завтракал, отец тщательно побрился, надел выглаженную рубашку и собрался уходить.

— Ты куда, папаня? — спросил я.

— К дружку в гости, — небрежно ответил отец и ушел, а мать с тревогой посмотрела ему вслед.

Странный народ — взрослые. Ну кто же по утрам в гости ходит?

Я выскочил на улицу и в условном месте встретил Ксюху. Она, оказывается, уже подметила, куда группами и в одиночку направляются рабочие. Мы пошли туда же, но не дорогой, не тропинками, а лесом. Никем не замеченные, через полчаса мы вышли на еле видимую тропинку. Возле нее, расстелив на прошлогодней траве газету с закуской, сидели двое рабочих с нашего завода. Они тихо переговаривались и часто поглядывали на тропинку.

Осторожно и бесшумно мы пробрались к другой тропке, возле нее на поваленном дереве сидел молодой кузнец Иннокентий и Аська Семенова — дочка одного из рабочих. Они тоже тихо переговаривались и нас не заметили. Мимо них прошли трое рабочих, перекинулись несколькими словами, и Иннокентий показал им куда-то рукой. Мы с Ксюхой поняли, что рабочие собираются на небольшой круглой полянке, она единственная в этом лесу. Минув знакомые тропинки, мы через чащу направились к ней.

На полянке, взобравшись на пенек, говорил какой-то худощавый человек с черной бородкой, выкидывая вперед руку. Рядом с ним на тонком еловом шесте колыхался красный флаг, а вокруг стояли рабочие и слушали. Оратор был нездешний, видно, приехал из Петербурга. Голос его становился все громче и громче, он посмотрел на нас и выкрикнул, показав на нас рукой:

— Мы должны объединиться и плечом к плечу бороться за светлое будущее вот их — наших детей, за будущее нашей страны, нашего народа!

Все обернулись и посмотрели на нас. Мы попятнулись, но в это время на пенек взобрался дядя Семен и стал говорить о тяжелой жизни питерских рабочих.

— Уйдем, — шепнул я Ксюхе.

Она, приоткрыв рот, смотрела на дядю Семена и, не поворачиваясь ко мне, отрывисто прошептала:

— С чего нам уходить? Они же за нас собираются бороться, а мы убежим...

— Мы сами будем бороться, — ответил я, подмечая краем глаза, что мой отец свирепо поглядывает на нас.

Продолжая говорить, дядя Семен тоже поглядывал на нас, и мне от его взгляда становилось щекотно. Когда дядя Семен прыгнул с пенька, кто-то негромко зашел:

Отречемся от старого мира,

Отряхнем его прах с наших ног.

Нам не надо золотого кумира,

Ненавистен нам царский чертог.

Все, кто был на полянке, подхватили песню. И хотя все пели вполголоса, песня казалась упругой пружиной, сжатой с большой силой. Казалось, что если каждый запоет в полный голос — сучья с деревьев посыплются.

Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный!..

Мы тоже пели, подхватывая слова с первого слога. Когда песня кончилась, мой отец направился к нам, но его опередил дядя Семен. Он придержал отца за локоть и позвал:

— Федотыч!

— Вот я! — ответил Федотыч. Он тоже бывал у нас дома, пугая всех густой косматой бородою и черными большими глазами.

Дядя Семен кивнул на нас и сказал строго:

— Федотыч, мы ж тебе доверили охрану. А видишь — эти прошли. Сколько раз я всех предупреждал: будьте осторожны. У нас на заводе много высланных работает, кому жительство в столице запрещено. За ними может быть слежка. И вот пожалуйста — двое прошли, как на гулянку.

Федотыч спокойно посмотрел на нас, усмехнулся в бороду и не спеша ответил:

— Мне, Семен Захарыч, поручена охрана от солдат, фараонов, а не от ребятишек. А от этого народа никакой охраной не прикроешься. Пролезут.

Сквозь толпу к нам стал пробираться дядя Василий — отец Ксюхи. Я толкнул ее в бок, а она, вместо того чтоб спрятаться, вдруг громко сказала:

— А сразу заметно, что вы охрану расставили.

— Ксюха! — грозно рявкнул дядя Василий.

Дядя Семен придержал и его, спросив:

— Это почему заметно, что охрана?

— Ну кто же рассядется возле тропинки на сырой траве, когда рядом удобный сухой бугорок?

— Ксюха! — опять крикнул дядя Василий.

— Погоди-погоди, — сказал дядя Семен и обратился к Ксюхе: — Что еще скажешь, красавица?

— А то, — запальчиво ответила Ксюха, — что всем известно, что Иннокентий никогда с Асей Семеновой не гулял, а тут в лесу сидят вместе... И где это видано, чтоб парень обнимал девушку на людях? А тут не смотрят друг на друга, а как кто покажется на тропинке — начинают обниматься. Даже смешно.

Несколько человек расхохотались, дядя Семен удивленно посмотрел на Ксюху, а Федотыч усмехнулся:

— Видал-миндал. Все подметили!

— Ну ладно, — примирительно проворчал дядя Семен и повернулся к рабочим: — Товарищи, потихоньку-полегоньку расходитесь. Да не сразу по домам, а пошатайтесь по лесу. Благо погода хорошая.

— Дядя Семен, — осмелев сказал я, — там за поляной большое болото, в нем можно утонуть, но я через него дорожку знаю, хотите, покажу на всякий случай? Не только фараон, никакой охотник не найдет.

— Потом, потом, — ответил дядя Семен, он положил мне руку на плечо и как бы невзначай заслониł меня от отца. — А сейчас — марш отсюда.

Вскоре мы выбрались на просеку. Ксюха почему-то отстала. Я обернулся и ажнул. Ксюха стояла спиной к солнцу, и ее пушистые волосы сияли вокруг головы, как корона... Куда там, ярче, чем корона, словно золотой венец.

Мама ей туго заплетала косу и мазала волосы лампадным маслом, чтоб гладко лежали, а они все равно пушились. И сейчас, увидев ее, я невольно прошептал: — Царевна Ксения.

Недавно в журнале «Нива» была картинка, изображающая всю царскую семью. Там был портрет великой княгини Ксении, тогда она мне показалась очень красивой... Но сейчас здесь на просеке я увидел, что наша Ксения красивей всех царевен на свете.

Она подошла ко мне и спросила:

— Ты что-то сказал?

— Нет, Ксюша, ничего...

Она вдруг вспыхнула и прошептала:

— Ксюша... да меня так только мама иногда называет...

Мне почему-то стало неловко, я нахмурился и буркнул:

— Это я так... оговорился.

— Ага, — кивнула Ксюха. Она помолчала и тронула меня за рукав. — Ты, Проша, хоть разок в неделю так оговаривайся. Ладно?

— Вот еще, — сердито ответил я.

Я шел рядом с Ксюшей и злился на себя. Вот она все подметила насчет охраны, а я — ничего. Она такая... Зимой, в мороз, она вдруг замрет и смотрит на солнце — радужные круги рассматривает, а то уставится на ствол старой березы: «Лянь, мох-то как вырос. Получилось, что два медведя в обнимку пляшут». И верно, присмотришься, и на самом деле похоже на двух пляшущих медведей. Все умеет подметить.

Когда вышли на дорогу, Ксюша сказала:

— Смотри, из-за леса только трубу, колокольню и березу, что возле заводу управления, видно. Оказывается, она очень высокая.

И тут меня осенила идея.

— Знаешь, Ксюша... э-э-э, Ксюха, вот если бы нам красный флаг достать, а?

— Зачем?

— Я б его на этой березе на самый верх повесил. Я же лазучей всех ребят. Никто не доберется до него — свалятся и разобьются в лепешку.

— Флаг сейчас запрятали так, что не найти.

— Тот нельзя. Надо сшить самим.

Ксюша, закусив согнутый палец, подумала-подумала и ответила:

— Я сошью. Из лоскутков, я для кукол много насобирала. Сегодня папаня с маманей вернутся поздно — успею сшить. Вечером принесу.

И действительно, к ночи я вышел за калитку, встретил Ксюшу. Она подала мне сверток. Я спрятал его за

пазухой. Дома прикрепил к нему веревочку — флагфал называется — и перед сном выпил два ковша воды, чтоб ночью проснуться. Будильника у нас не было.

Утром как ни в чем не бывало позавтракали с отцом и отправились на завод. Когда я увидел березу, то чуть не ахнул от досады. Флаг, когда держал его, казался большим, а сейчас он там на верхушке дерева был похож на красный язычок. «Зря лазил, рисковал, никто и не заметит», — огорченно подумал я.

Но перед заводоуправлением стояла толпа, и все смотрели на березу. Заводское начальство, увидев скопление людей, перепугалось, решив, что это стачка, и вызвало полицию. Полицейские пинками и ударами ножен заставляли рабочих разойтись по местам. Я искал глазами Ксюшу, но ее не было.

Полицейский поручик, заметив меня, поманил к себе пальцем. Я решил ни в чем не признаваться, пусть хоть на части разорвут.

— Эй, ты, чумазый, — спросил поручик, — гривенник заработать хочешь?

— А чего делать? — спросил я, и сердце у меня стало легким.

— Сними эту тряпку с дерева, я вижу, ты парень крепкий.

Я посмотрел на флаг. По нему, видно, стреляли волчьей картечью. Я тогда и не думал, что спустя много лет вот под таким пробитым флагом придется стоять на заваленной горячими гильзами палубе и идти в атаку в пешем строю...

— Не-ет, ваше благородие, до флага невозможно добраться.

— Можной! — рявкнул поручик. — Раз его кто-то повесил, значит, может и снять.

— А если это нечистая сила сделала? — глупо спросил я.

— Остолоп! — крикнул поручик. — Нечистая сила бунтами не занимается.

В это время приближал управляющий с мастерами и нас загнали в цеха.

Сидя на льду, замечаю движущуюся от берега точку. Я твердо уверен, что это идет Ксюша.

В больших материнных подшитых валенках и залатанном полушубке, закутавшись до бровей в платок, она подходит ко мне, прижимая руки к груди. Я знаю, что она придерживает завернутую в тряпки бутылку с горячим чаем. Как он сладок на морозе! Я прожил большую жизнь и пробовал много яств и напитков, но ничего приятнее, чем Ксюшин чай, принесенный ко мне на лед, я не помню.

И каждый раз я удивлялся, как это она сразу находит меня? Ни разу не ошиблась, прямо с берега и ко мне, а это версты три. А за три версты порой на льду и человека не видно...

— А я тебя и не ищу, — просто отвечала она. — Спускаюсь на лед и иду, куда мне хочется, и каждый раз прихожу к тебе.

Я глотаю горячий чай, и мне становится так тепло, так хорошо...

ЧУДАК-РЫБАК

Я заметил в эту зиму одного чудака-рыбака. Он каждый день с утра до вечера торчит на льду, словно у него нет другого дела. Правда, есть такие рыбаки, они тем и живут, что ловят рыбу и продают в столице. Наверно, и этот такой же, — поначалу решил я.

Взрослые часто считают нас, ребят, непоседами, но такого непоседу, как этот долговязый рыбак, я не видел. За день он лунок двадцать пробьет. Посидит у одной минут пять-десять, смотает удочки и широким размашистым шагом топает к другому месту. Неужели ему невдомек, что зимой рыбу ловить нужно терпение? Интересно, какой у него улов? — ревниво думал я. Конечно, так часто меняя места, можно скорее выйти на густой косяк рыбы, но так же легко можно пройти мимо. Ведь часто бывает, что в одной лунке поплавок весь день мертвый, а рядом, всего в сажени — не успеваешь вытаскивать.

Однажды, когда Ксюша, напоив меня чаем, ушла, я услышал сзади скрип снега, обернулся и увидел подхажившего ко мне того самого рыбака. Был он в мохнатой шапке, в тулупе, полы которого волочились по снегу. Обут в подшитые кожей высокие валенки. Лицо его было коричневым от ветра, мороза и солнца, а борода реденькая, светло-рыжая.

— Как улов, парень? — спросил он меня хриплым от долгого молчания голосом.

— Есть кое-что, — неопределенно ответил я. Какой рыбак, не кончив лова, будет рассказывать, сколько он уже поймал?

Рыбак взял мою пешню, внимательно осмотрел ее, положил на снег. Достал из кармана портсигар, раскрыл и протянул мне:

— Угощайся.

— Благодарствуйте, не приучен.

— Это хорошо.

Он закурил, пряча спичку в ладонях, сделал несколько затяжек и неопределенно сказал:

— Погода нынче хорошая.

— Погода что надо, — ответил я.

Действительно, день выдался солнечным и тихим. Рыбак мог прикуривать, не прикрывая спичку. Воздух был неподвижен, и спичка горела, как свеча в закрытой комнате. Видимость была на редкость отличная. Обычно отсюда Кронштадт виднелся мутной синей полосой. Сейчас там можно было различить чуть ли не каждое окно в доме, а если напрячь зрение, то и мачты стоявших в гаванях кораблей. Дым из труб Пароходного завода поднимался вертикально и только на самом верху подхватывался ветром, уклоняясь в сторону Петербурга. От этого Кронштадт походил на огромный могучий корабль, медленно плывущий на запад.

— Какая глубина здесь? — спросил рыбак.

— Сажени две, — ответил я.

— Ого! — воскликнул он и попросил показать ему свой улов.

— Что вы, сударь, разве можно, пока ловишь, показывать свой улов чужим. Нехорошая примета. Все рыбаки ее знают.

— А я, может быть, купить его хочу.

Я встал, нехотя раскрыл ящик, он наполовину был засыпан крупной корюшкой. Этот чудака-рыбак присел на корточки, запустил руку в кожаной рукавице в ящик и перевернул мой улов. Замерзшие рыбки шуршали, как щепки.

— Сколько все стоит?

Я никогда рыбой не торговал, тем более на льду, и недоверчиво посмотрел на чудака-рыбака. Глаза у него были серьезными и равнодушными, словно его это мало интересовало. Я ответил:

— В Петербурге сейчас такая рыба рубль сотня. Я здесь восемь гривен возьму.

— Шесть, — отрезал рыбак.

— Нет, сударь, за такую рыбу точно не меньше рубля дают, да дорога туда и обратно по гривеннику в каждый конец. Чтоб была не внакладе — восемь гривен.

— А ты упрямый.

— Семья большая, вот и будешь упрямым, — ответил я и спросил в свою очередь: — Сами мало, что ль, наловили? Больно часто место меняете. Рыба этого не любит.

Чудак-рыбак помолчал и ответил:

— Я в конце апреля уеду. В гостях здесь. Очень хочу в подарок родным и знакомым маринованной корюшки привезти. Здесь у вас ее очень вкусно готовят. А ловится у меня плохо. Не везет мне.

Я невольно спросил:

— Вы, господин, не русский? Выговор у вас не нашенский.

— Из Лифляндии я, из Риги, — спокойно ответил рыбак. — Но долго жил среди русских, в армии служил, так что говорить научился...

Чудак-рыбак докурил папироску, бросил, долго, прищурившись, смотрел на Кронштадт, потом присел на мои санки возле ящика и спросил:

— Как звать тебя, парень?

— Прохором.

— Проша, значит.

Он сидел еще четверть часа, расспрашивал, где я живу, велика ли семья. За это время я вытащил четыре корюшки и две сорвались. Отвлекал он меня своими разговорами, но не отвечать нельзя — барин.

— А меня зовут Артуром Максимовичем, — вдруг заявил чудак-рыбак и спросил: — Сколько тебе платят на заводе?

— Я же ученик слесаря. Этот год бесплатно работаю, потом мастер положит мне два-три гривенника в день.

— Не богато.

— Куда уж там.

— Ты на ловле рыбы больше зарабатываешь.

— Сейчас да... А на заводе на слесаря выучусь — буду рублей двадцать пять — тридцать в месяц получать.

— Я вижу, ты парень смывленный.

Артур Максимович смотрел, как я насаживаю на крючки наживку.

— Вот что, Проша, — вдруг заговорил он серьезно. — Мне хочется выйти на большущий косяк. Я ведь еще немного наукой занимаюсь, жизнью рыб интересуюсь. Хочу узнать, где и в каких местах рыба больше всего скапливается.

— В ямах с водорослями, — ответил я.

— Это не всегда. Разные ямы бывают, да и от ветра, течения многое зависит. Найдем такой косяк и будем весь день вытаскивать одну за другой.

— Сначала найти нужно.

— В том-то и дело, — согласился Артур Максимович. — Тут поработать нужно. Лунки подолбить. Хочешь помогать мне? Я платить буду — копейку за лунку, небольшую, только чтоб поплавок в ней свободно помещался. А весь твой улов покупать стану. В цене сговоримся. Согласен?

— Это можно только по субботам и воскресеньям. Я же работаю.

— Нет. Все дни недели, пока лед стоит.

— Он будет стоять почти весь апрель.

— Значит, до конца апреля.

Я задумался. Дело было заманчивое. Копейку за лунку! А я их за день штук тридцать пробую, да еще улов продать. Этак больше полтинника в день получается. Но другое заботило меня, не хотелось уходить с завода, да и боязно.

— А вдруг мастер меня снова потом на завод не примет, куда я денусь? С работой нынче трудно стало, да и с отцом посоветоваться надо.

— С твоим мастером я договорюсь, — заявил Артур Максимович. — У меня есть знакомые на заводе. А уж с отцом ты сам дело улаживай. Не надолго же, всего месяца на три.

На этом и закончился наш разговор. К вечеру я ссыпал в ящик чудака шестьдесят крупных корюшек. А

мелочь оставил для дома. На ужин хватит. В моем кармане позвякивало сорок восемь копеек серебром и медью. И матери не надо в Петербург тащиться и ходить там по квартирам с корзинкой.

На берегу мы расстались. Чудак-рыбак направился к даче баронессы, что в полутора верстах в лесу стоит. Он живет у экономки, к ней и приехал на зиму погостить.

За ужином дома я рассказал о встрече. Отец насупился и проворчал:

— Негоже рабочему человеку у бездельника на побегушках быть. Барин рыбкой забавляется. У господ причуд много. А тебе к делу пристраиваться надо. Мастер хоть и придирается, но я подмечаю, что все более дельную работенку поручает, не так, как другим ученикам. Проболтаешься три месяца в лакеях, а потом куда?

А мать вздохнула:

— Лидка старые Прошкины валенки вконец истрепала. К весне ей надо обувку подыскивать. По талому снегу в дырявых валенках много в школу не находишь, а босиком еще рано. А с осени и Польку бы в школу определить. Так хочется, чтоб дети не совсем темными были. А тут в день тридцать-сорок копеек, почитай, десять рублей в месяц при нашем достатке-то...

Дед долго шевелил своими колючими белыми бровями, слезящимися глазами не мигая смотрел на лампу, потом сказал:

— Прохе все равно всю жизнь слесарить, так что три месяца невелика потеря, тем паче, коли мастер

отпустит его с обещанием снова принять на работу с весны.

— Ладно уж, помолчите. Тут обдумать надо, — проворчал отец. — Я не о деньгах пекусь, а о том, чтоб парень в лакеях не испоганился бы. Не рабочее это дело.

А во вторник на заводе подбежал ко мне один парень и сквозь шум крикнул в ухо:

— Проха, живо, мастер кличет!

Я уложил инструмент в ящик верстака, вытер ветошью руки, одернул рубаху и пошел. Мастер сидел в конторке и листал какие-то бумажки. Увидев меня, еле заметно кивнул, досчитал бумажки и, не подымая головы, буркнул:

— Ступай, куда договаривался. В конце апреля, так и быть, приму обратно. Но это время из срока твоего ученичества вычту. Понял?

— Понял, Аким Порфирьич.

— Ступай. Свободен с завтрашнего дня.

— Знаешь, Проха, — призналась мне Ксюша, когда я, возвращаясь с завода, встретил ее на улице и обо всем рассказал. — Не нравится мне все это. И сам этот Артур Максимович...

— Да нет, он вроде как ничего, обходительный. И платить будет до полтинника в день...

— Разве что... — пробормотала Ксюша, а я осторожно спросил:

— Ты ко мне на лед приходишь будешь?

— Наверно, — как-то невесело ответила она.

Продолжение следует

ПРОГУЛКА НА ГИДРОАЭРОПЛАНЕ

Александр Беляев

Рисунки С. Острова

С жизнью почти каждого писателя связана какая-нибудь легенда. Есть легенда и о Беляеве.

Как ей не возникнуть? Где могила писателя — неизвестно. Где архив Беляева — неизвестно. Когда знаменитый фантаст родился — неизвестно: по справке одной энциклопедии — в 1894 году, по другой — на десять лет раньше...

Но это мелочи. Главное в легенде о Беляеве то, что человек этот всю жизнь тяжело болел и почти не вставал с постели. Что он нигде не бывал, ничего не видал, и если и писал увлекательные романы, то все в них выдумывал.

Писал-де о Франции, но никогда там не был. Писал об Италии и тоже всякое сочинял...

Все это мне в один прекрасный день показалось странным. И я решил отправиться в путешествие по беляевской биографии.

Первым, что попало мне в руки в Смоленске, где Беляев родился, было свидетельство о его рождении — все как следует, с печатями и подписями, кое-где протертое, с завернувшимися уголками, с точной датой: 15 января 1884 года.

Потом я шел дальше и узнавал больше. О том, где и как учился Беляев, о его увлечениях — музыкой, театром, фокусами, фотографией, литературой...

Дочь писателя, Светлана Беляева, припомнила сказку о Яшке Медной Пряжке — сказку бесконечную, которую отец рассказывал ей каждый вечер, когда она ложилась спать, а засыпать не хотела, — а его жена, Маргарита Константиновна, переска-

зала мне длинное продолжение «Человека-амфибии», — как его думал писать сам Беляев...

Я зарылся в архивы и библиотеки, перелистал тысячи страниц журналов и газет, в которых Беляев печатался под многими псевдонимами.

Александр Беляев
с дочерью Людмилой
Фотография публикуется впервые

И когда, наконец, собранные факты выстроились в систему, я вдруг мысленно увидел почти всю его жизнь, месяц за месяцем, год за годом.

Вот Беляев — юрист и ведет бле-

стящие судебные процессы. Вот Беляев — актер и играет в театре главные роли. Вот он работает в уголовном розыске. Вот ушел в плавание из Мурманска на рыболовном траулере... Бездна событий, дел, увлечений, встреч, симпатий, — таяла легенда о прикованном к постели страдальце... Я узнал о его гладиаторской смелости, об энергии и воле, которых было отпущено Беляеву на троих.

В подшивке газеты «Смоленский вестник» за 1913 год на глаза мне попала целая серия очерков, подписанных «Александр Беляев» и точно датированных — число, месяц, год. Очерки о римских труппах, о восхождении на Везувий, о замке, где был заточен герой романа «Монте-Кристо»... И наконец, рассказ о прогулке на гидроаэроплане.

Я листал этот очерк и вдруг начал проникаться теми первыми ощущениями человечества, только начавшего отрываться от земли, тяжело, неуверенно. На маломощных самолетах, похожих на бамбуковые этажерки. Но — бесстрашно... И одним из таких бесстрашных людей был Александр Беляев, будущий автор «Воздушного корабля», «Прыжка в Ничто» и «Звезды КЭЦ».

И еще я читал этот очерк радостно. Потому что для меня закрывалась очередная страница легенды о Беляеве и раскрывалась страница его подлинной жизни — жизни, в которой действительно была тяжкая болезнь — и он мужественно с ней боролся, — но были и странствия и приключения и много-много интересного...

О. Орлов

... Авиатор осмотрел наши шляпы. Моим «кепи» удовлетворился, натянув его мне больше на уши. Попросил снять пенсне, — чтобы не сдуло ветром. Легкую шляпу моего соседа авиатор заменил теплой вязаной «авиаторской» шапкой, закрывающей всю голову, кроме лица. Авиатор собственноручно натянул на голову моего товарища эту шляпу, чем вызвал восторг собравшихся на берегу мальчишек.

После того, как мы были превращены таким образом в авиаторов, наш «капитан» отдал приказ спускать аппарат в воду.

Пять или шесть рабочих подъехали в лодке, зацепили веревкой за одну из лодок гидроаэроплана и стали отвозить аппарат от берега, лавируя меж стоящих на рейде лодок и судов.

Когда все лодки остались позади, аппарат повернули к выходу из рейда.

Авиатор, стоя распорядившийся всеми этими работами, отставил свое кресло, освободив этим место для вращения рычага, пускающего мотор в ход, и не без труда повернул ручку рычага. Мотор стал выбивать дробь, и мы медленно начали продвигаться по бухте.

... Гидроаэроплан помчался со скоростью хорошей моторной лодки, вспенивая воду. Авиатор делал по бухте большой полукруг, чтобы направить аппарат в открытое море, против встречного ветра.

Это «водяное» путешествие показалось мне довольно продолжительным, может быть, потому, что скорее хотелось подняться на воздух. Мы описали дугу. Мол с маяком остался вправо, перед нами было открытое море.

Авиатор поставил мотор на максимальную скорость, оглушительная дробь перешла в однотонное жужжание, которое, казалось, стало тише. Лодки нашего аппарата резали волны, оставляя за собой белую, пушистую полосу пены.

Чем дальше выезжали мы в открытое море, тем выше были волны и тем больше качало наш аппарат.

Это уже не было «плавание». Наше движение походило на полет над водой отяжелевшей птицы.

Наступил момент отделиться от воды.

Авиатор с напряжением поворачивал рычаг. Хвост аппарата коснулся воды, передняя часть лодок приподнялась. Волны бросают под лодки целые водопады и разбиваются в белое облако. Точно какое-то сказочное чудовище разыгралось с волнами... Волны бьют все сильнее, и при каждом ударе аппарат нервно дрожит и, как раненая птица, делает порыв вверх, стараясь вырваться из этой кипящей белой пены. Но тяжесть одолевает...

Авиатор, покрасневший от усилия, «взнуздывает» аппарат вверх, и гидроаэроплан, повинаясь этому движению, как лошадь, становится «на дыбы», почти отделяясь от воды. Но сила тяжести побеждает опять, и аппарат снова грузно шлепается в воду своими лодками, поднимая тысячи брызг и весь содрогаюсь.

Еще прыжок и еще падение... Так аппарат начинает скакать над водой все более и более гигантскими прыжками. И чем выше прыжок, тем с большею силою ударяется о воду.

Но вот постепенно удары начинают ослабевать. Еще несколько прыжков — и мы уже совершенно отделились от воды. Последний раз коснулись лодки своим задним краем хребта большой волны, разбили его в облако белой пыли. И сразу поднялись над водой на несколько саженей. Аппарат еще раз нырнул вниз, но уже не коснулся воды.

Наконец мы в воздухе! Море под нами уходит все ниже. Ветер начинает дуть с такой силой, что мешает смотреть. Веки закрываются, и надо усилие, чтобы раскрывать их.

Мы поднимаемся все выше и одновременно заворачиваем к заливу. Аппарат наклоняется на повороте, и мы видим берег. Но как он из-

менился с высоты! Домики, окружающие залив, кажутся не белыми, а красными, потому что сверху мы видим только их черепичные крыши. Белой ниточкой тянется у берега прибой. А вот и люди на пляже, — черные точки. Они машут нам шляпами и зонтиками, мы отвечаем на их приветствие и двигаемся вдоль залива.

Горы приблизились. Ясно видно облако, засевшее в расщелине скал. Залив все более становится похожим на ярко раскрашенную географическую карту: голубое море, красные домики и коричневые скалы с пятнами темной зелени. Берега медленно проплывают мимо нас.

Аппарат движется совершенно плавно. Ни дрогнет, ни шелохнется. Временами кажется, что мы стоим неподвижно. Только порывистый ветер заставляет вспомнить, с какой головокружительной скоростью несемся мы вперед.

... Авиатор машет рукой, мы смотрим в том направлении, и перед нами разворачивается, как в панораме, берег Ривьеры. Словно игрушечный, лепится на скалах Монакский замок...

Вероятно, с берега мы сейчас кажемся вместе со своим аппаратом не больше стрекозы. Но зато какая маленькая стала и земля! Позади нас итальянская Вентимилья, впереди французская Ницца, а посреди маленькое княжество Монако.

Пора возвращаться!

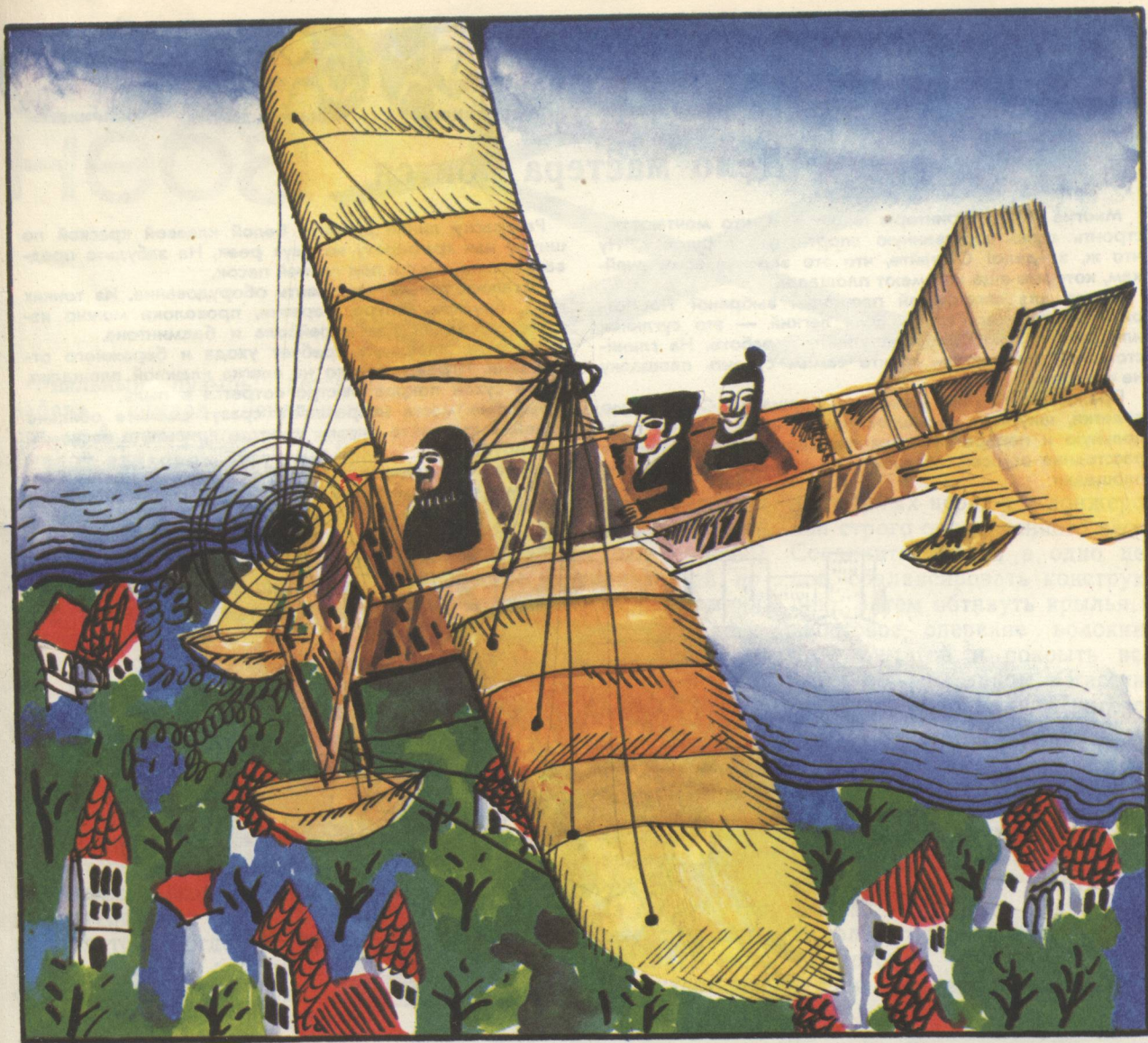
Авиатор делает вираж, и аппарат устремляется в открытое море. Вид его с такой высоты очаровал нас.

Горизонт поднялся и стоял над нами недосягаемо высоко, как завеса. Даль бесконечно расширялась. Я посмотрел вниз. Море из ярко-лазурного стало темно-синим, как ночное небо. Казалось, что мы летим меж двух сходящихся краями прозрачных полушарий: голубого — неба и синего — моря. Внизу, глубоко под нами проплывает большое трехмачтовое судно. А впереди пустыня, на горизонте которой смыкаются две бесконечности, неба и моря. И в этой пустыне видишь только край серенькой лодки, на носу которой сидит человек и управляет колесом. И послушная ему несется лодка в воздушном пространстве.

Иногда налетает порыв ветра, и лодка плавно поднимается, и опускается по широкой воздушной волне, и опять так спокойно, будто стоит неподвижно, ветром несется вперед.

Под нами прошло еще несколько судов и лодок, и мы опять увидели берег.

... Да уж наша ли это гавань? Но авиатор правит уверенной рукой, и скалы с каждым мгновением растут перед нами.

Чем больше мы приближаемся к берегу, тем заметнее становится, с какой бешеной скоростью несется аппарат.

Скалы все приближаются, грозной стеной вырастают под нами, а аппарат с той же бешеной скоростью, будто забыв о море, несется прямо на скалы.

Невольно шевелится мысль: успеет ли авиатор умерить быстроту полета и свернуть перед этой твердыней? Но аппарат по-прежнему летит на скалы. Наконец, крутой поворот, аппарат сильно накреняется в сторону поворота, и мы мчимся к бухте.

Вот и мол, и маяк.

Авиатор берет руль глубины, и мы начинаем «скатываться» с поднебесных высот вниз, точ-

но с ледяной горки. И опять обман зрения. Волны кажутся уж совсем близко от нас, а аппарат с прежней скоростью падает «носом» вниз и, кажется, еще мгновение — и он зароется в волны. Но это только кажется.

... Мотор с жужжанья переходит опять на частую дробь, аппарат становится почти параллельно воде, мы летим уже над самой бухтой. Несмотря на уменьшенную скорость, берега быстро мелькают мимо нас, как в окне курьерского поезда. Ход мотора все уменьшается, и аппарат готовится сесть на воду: передняя часть поднимается, хвост опускается. Еще момент — и аппарат мягко шлепает своими лодками в воду, поднимая целый каскад брызг...

Дело мастера боится

Многие юные спринтеры пишут нам, что мечтают построить свою собственную спортивную площадку. Ну что ж, за дело! Считайте, что это задание всем яичкам, которые еще не имеют площадок.

Место для спортивной площадки выбрано? Посмотрите, каков здесь грунт. Если легкий — это суглинок или мягкая земля, то приступайте к работе. На глинистом или каменистом грунте самим строить площадку не следует.

Прежде всего надо разметить площадку. С помощью рулетки, шнура и колышков нанесите на участок продольную и поперечную оси площадки, затем, отмеряя расстояние от осей, постройте на земле прямоугольник площадки.

Раскраску линий делайте белой клеевой краской по шнуру или трафарету из двух реек. Не забудьте предварительно смести под линией песок.

Осталось только установить оборудование. Из тонких труб, брусков, шнура, веревки, проволоки можно изготовить стойки для волейбола и бадминтона.

Помните, площадка требует ухода и бережного отношения. Играйте только на слегка влажной площадке, иначе сухой покров быстро сотрется в пыль.

Выбитые места исправляйте сразу: смочите обильно водой, выровняйте сырым грунтом, присыпьте песком и утрамбуйте.

Размер площадки для волейбола: нормальная — 24×15 м с игровым полем 18×9 м; детская — $20 \times 12,5$ м

Теперь вскопайте землю внутри прямоугольника на глубину 12—15 см. Удалите мусор, камни, корни, хорошо разрыхлите землю граблями и разровняйте ее. От поперечной оси в обе стороны к лицевым границам сделайте небольшие уклоны, чтобы дождевая вода не задерживалась на площадке.

На лицевых границах выройте канавки для стока воды шириной 20—30 см и заполните их камнем. Внизу крупным, потом все более мелким щебнем, а сверху уложите чистый песок. Слой песка примерно в 1 см покройте поверхность площадки, тщательно перемешайте песок с грунтом, чтобы окраска всей поверхности была бы однородной.

Теперь полейте площадку, но так, чтобы не осталось луж, и подождите, когда площадка подсохнет. Потом катком или трамбовками уплотните грунт. Снова присыпьте площадку песком.

с игровым полем $15 \times 7,5$ м. Высота сетки: для мужчин и юношей 17—18 лет—245 см; для юношей 15—16 лет—235 см; для мальчиков 13—14 лет — 220 см; для женщин и девушек 17—18 лет — 225 см; для девочек — 210 см.

Для баскетбола нормальная площадка — 31×18 м с игровым полем 26×14 м; детская — 17×10 м с игровым полем 12×6 м. Высота корзины в зависимости от возрастной группы — от 250 до 305 см. Размер щита — от 100×80 см до 180×120 см. Диаметр кольца должен быть 45 см.

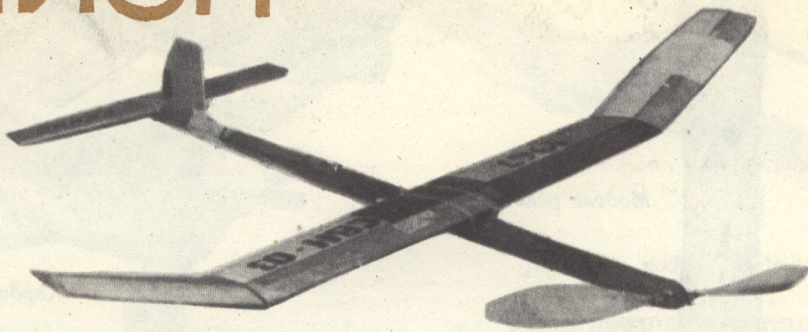
Для бадминтона: нормальная площадка — 17×10 м с игровым полем $13,4 \times 6,1$ м. Высота сетки — 160 см.

Ваш труд не пропадет зря: играть и тренироваться гораздо удобней и интересней на хорошей площадке!

Рисунок В. Капустинского

ЧЕМПИОН неба

Резиномоторная модель самолета

Мыльный пузырь: детская забава, символ ненадежности... А вот у конструкторов «малой авиации» этот летучий шарик считается надежным орудием поиска «термиков», то есть восходящих потоков воздуха. Это те самые теплые струи, которые позволяют птицам, планерам, авиамоделям парить в небе.

... Август 1969 года. Городок Винер-Нейштадт. 46 километров от Вены. Бывший военный аэродром. Национальные флаги 32 стран. Чемпионат мира в классе летающих моделей.

Над полем, ограниченным с трех сторон горами, хмурое небо: моросит дождь. Спортсмены нетерпеливо выглядывают из палаток: когда же старт? Наконец, крутой дугой взмывает зеленая ракета: пора!

В воздухе поплыли причудливые вереницы мыльных пузырей. Ленинградский инженер Евгений Мелентьев, уловив направление восходящего потока, отправляет в полет свое легкокрылое детище. Модель уверенно набирает высоту: 30... 50... 90 метров... Резиновый мотор, исчерпав силы, «отпускает» пропеллер, и тот автоматически складывается вдоль фюзеляжа для лучшей обтекаемости во время планирования...

По результатам командных зачетов Евгений Мелентьев был удостоен звания чемпиона мира.

... С тех пор, когда десятилетний Женя Мелентьев два-

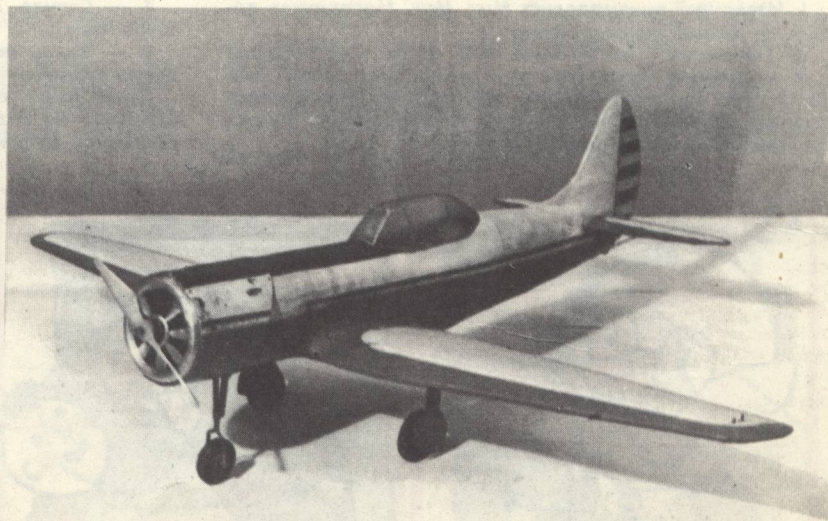
дцать три года назад пришел в авиамodelный кружок, он освоил (должен был освоить!) множество специальностей: постиг тонкости аэродинамики, чертежное дело, слесарное, столярное, токарное. Его с равным правом можно считать авиаконструктором, специалистом по двигателям внутреннего сгорания, ювелиром, скульптором.

Модели Мелентьева — это одновременно и технические шедевры и произведения искусства. Почти год рождается очередное «чудо». Из легкой, как пух, бальсовой древесины (помните плот «Кон-Тики»?) надо смастерить около двухсот ми-

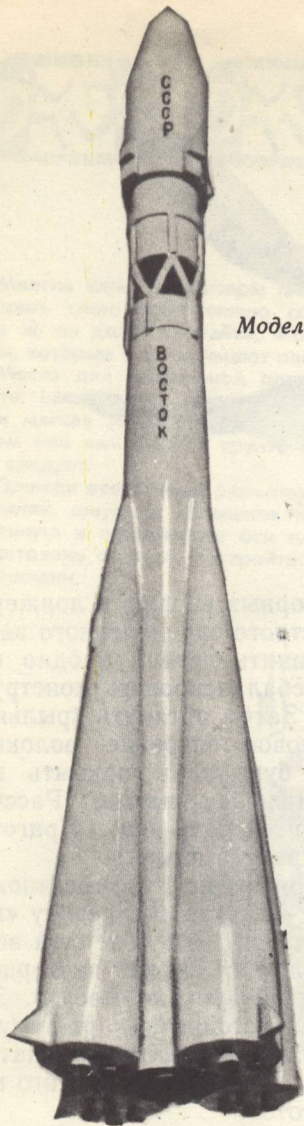
ниатюрных нервюр и лонжеронов строго определенного веса. Соединить детали в одно целое, сбалансировать конструкцию. Затем обтянуть крылья и хвостовое оперение волокнистой бумагой и покрыть все специальным лаком. Рассчитать и сделать винт. Приготовить резиномотор.

«Приготовить резиномотор» — это значит резину «пирелли» промыть в теплой воде с мылом и, смазав касторкой, выдержать около месяца. Затем многократно растянуть. Потом приступить к обкатке. И только после всего этого мотор готов.

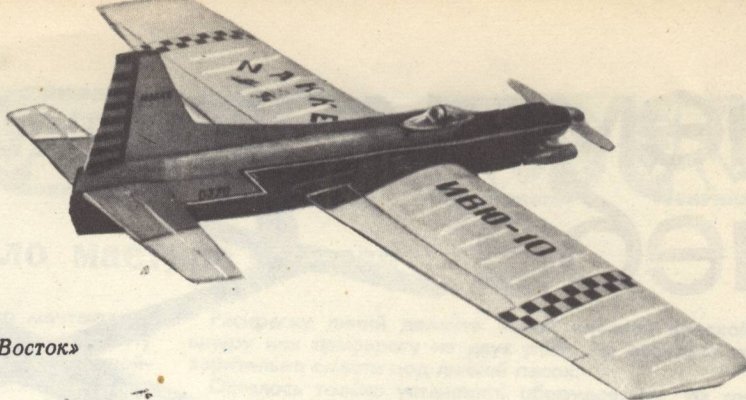
Еще сложнее изготовить пер-

Кордовая модель — копия самолета «Як-18 ПМ»

Модель ракеты «Восток»

Кордовая пилотажная модель самолета

воклассный пропеллер. Достаточно сказать, какую ценность он представляет. В обмен на один только винт западные авиамоделлисты предлагали Мелентьеву новый автомобиль!

На соревнования мастер привозит, кроме основной, запасные модели. Все они должны держаться в воздухе не менее трех минут, что обеспечивает максимум очков. Такой однометровый, весом в 230 граммов резиномоторный самолет пролетает не малое расстояние. Рекорд страны и мира — 372 километра!

12 сентября 1970 года в Лешно Мелентьеву довелось встретиться с другим героем винернейштадтского чемпионата

Альбрехтом Ошацем (ГДР). Здесь на зеленом поле знаменитого польского планерного центра проходили большие международные состязания.

Чемпиона СССР поначалу постигла неудача. В одном из полетов модель Евгения скрылась за лесом. Судьи зафиксировали «неполное» время — 2 минуты 39 секунд. И все же по сумме семи туров Мелентьев оказался далеко впереди чемпиона мира!

Сейчас в мастерской городского авиаспортклуба ДОСААФ мастер спорта международного класса Е. Мелентьев готовит две новые модели. Главный прицел сезона — чемпионат мира, который

УМ ХОРОШ

1. Известный авиамоделлист Мих. Мих. Моторчиков позвонил своему ученику Алеше:

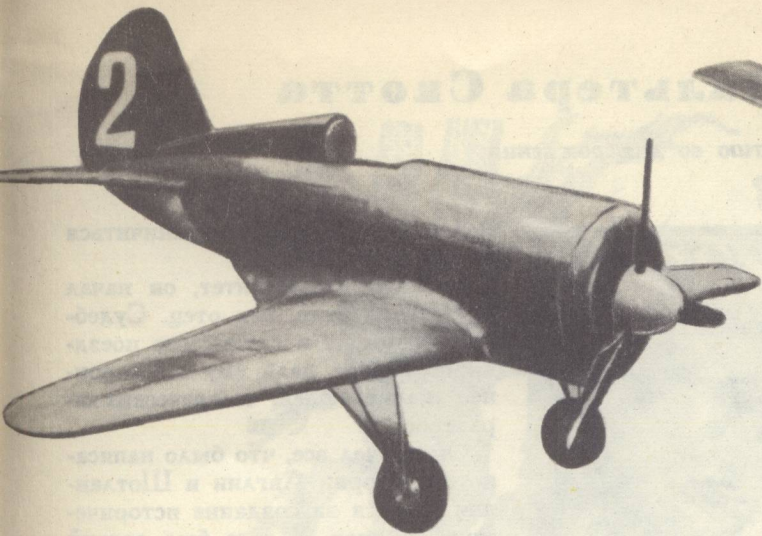
— Приезжай в мастерскую. Мне нужна твоя помощь!
2. — Алеша! Осуществляется мечта всей моей жизни: я буду сам пилотировать свои модели! Мне удалось создать УУУМ, сокращенно УМ, Универсальную Уменьшительно-Увеличительную Машину.

3. — Стоило мне набрать шифр, и машина уменьшила меня!

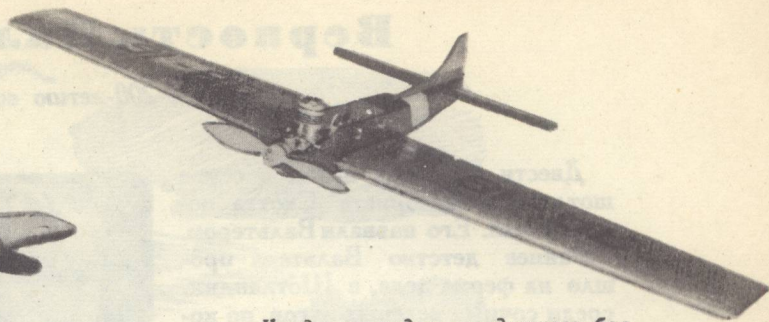
4. — Через полчаса, когда я вернусь, ты наберешь шифр увеличения!..

5. Не успел самолетик с Мих. Мих. Моторчиковым скрыться из виду, как Алешей овладело желание испробовать на себе действие УМа.

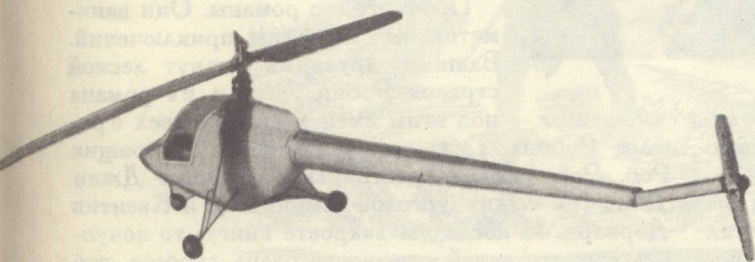

Кордовая модель — копия «И-16»

Кордовая модель воздушного боя

Модель вертолета с электродвигателем

будет проходить в этом месяце в Стокгольме.

Уже восемь лет занимается Мелентьев проблемой машущего крыла. Мечтает подарить человечеству воздушный велосипед. Но, как всегда, все начинается с модели. А модель? Модель такого аппарата уже отрывается от земли!

Вл. Смыслов

Модели выполнены в авиамodelьном кружке отдела техники Ленинградского Дворца пионеров им. Жданова под руководством А. А. Эрлера, А. Ф. Кузнецова, В. С. Скобельцына.

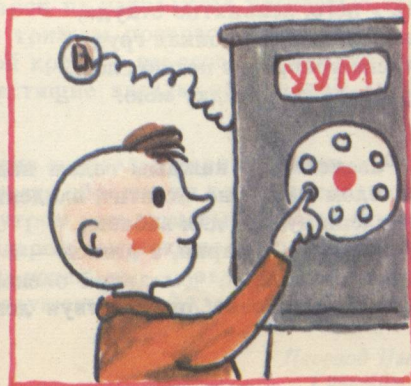
А ДВА — ЛУЧШЕ!

6. Недолго раздумывая, он набрал шифр уменьшения, сел в модель и...

7. Они вернулись почти одновременно, и только тут Алеша понял, что натворил. Кто наберет теперь увеличивающий шифр?! Да и производить посадку стало небезопасно — рыжий кот Блерио стал для них страшен, как тигр!

8. Вся надежда теперь на тебя, читатель! Сумеешь ли ты разгадать шифр, который представляет собой сумму следующих чисел:

год перелета Чкалова, Байдукова и Белякова через Северный полюс в Америку, номер модели истребителя ЯК, отличившегося на фронтах Великой Отечественной войны.

Верность Вальтера Скотта

к 200-летию со дня рождения

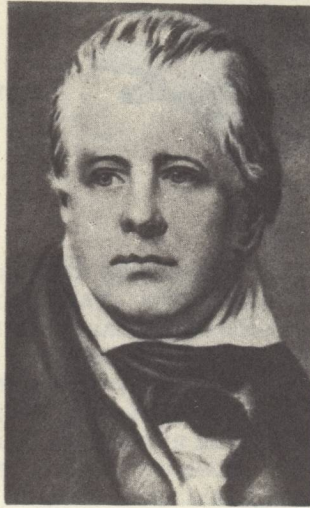
Двести лет тому назад в семье шотландского юриста Скотта родился сын. Его назвали Вальтером.

Раннее детство Вальтера прошло на ферме деда, в Шотландии, среди сочных зеленых лугов, по которым бродили стада, возле подножий гор. У него была няня, простая крестьянская женщина. От нее и от других крестьян мальчик слышал множество песен, легенд и рассказов о старине.

Родная природа, рассказы о старине, а главное, сами крестьяне, такие трудолюбивые, сильные, и такие сердечные — все это запало в душу Вальтера навсегда. И в юности у него созрело решение — рассказать родному народу о его истории, чтобы из прошлого народ почерпнул силу для будущего. Это была великая цель. Вальтер Скотт посвятил ей всю свою жизнь.

Но кто знает, что бы у него вышло, если бы он родился в другое время. Вальтер Скотт стал свидетелем бурных событий, исторических потрясений. Промышленный переворот в Англии привел к голодным бунтам рабочих, во Франции разразилась буржуазная революция, армия Наполеона грозила вторжением в Англию. Все это волновало умы и сердца, наводило на размышления о законах истории, о судьбах народов.

Вальтер Скотт собрал и издал английские и шотландские баллады. Но очень скоро Скотт

понял, что не может ограничиться одной поэзией.

Окончив университет, он начал служить в суде, как отец. Судебные процессы и служебные поездки по стране дали ему всестороннее знание людей, человеческих характеров.

Он прочел все, что было написано по истории Англии и Шотландии, взялся за создание исторических романов. У него был редкий дар — дополнять скудные исторические источники воображением, верно понимать отдаленную эпоху, быть в ней как дома.

Прочтите его романы. Они занимательны и полны приключений. Вашими друзьями станут лесной стрелок Робин Локсли из романа

«Айвенго» — под этим именем автор вывел в романе Робина Гуда, мужественный бунтовщик Роб Рой, смелая крестьянская девушка Джин Динс (из «Эдинбургской темницы»), и Квентин Дорвард. И когда вы закроете книгу, то почувствуете, что в ней есть нечто очень дорогое, что трудно определить словами. Это — поэзия, она рождается из любви к людям.

Вальтер Скотт родился в 1771 и умер в 1832 году. Он стал классиком еще при жизни, достиг огромной мировой славы. Все, кто знал Вальтера Скотта, в один голос говорили, что это был человек добрый, внимательный к людям.

Вот одна из баллад Вальтера Скотта:

АЛЛЕН Э-ДЕЙЛ

У Аллена дров — ни полена, ни палки,
Ни пашни для плуга, ни шерсти для прялки.
Но есть у него, непонятно откуда,
Червонного золота звонкая грудка.
Об Аллене храбром я песню спою,
А вы разгадайте загадку мою.

Барон Равенсворт с каждым годом надменной,
Он взглядом своих не охватит владений.
Барону олени нужны для забавы,
Прирученных — в парки, а диких — в дубравы.
Но Аллен свободней, чем дикий олень,
Что скачет в дубраве, приветствуя день.

Хоть нет у него ни герба, ни короны
 И с ним не спешат породниться бароны,
 Две дюжины братьев по первому рогу
 Сбегутся из леса к нему на подмогу,
 А если с ним встретится гордый барон,
 То Аллену в землю поклонится он.

Посватался Аллен, пришелся по нраву,
 Но любит родня и богатство, и славу.
 «Барон не нахвалится крепостью горной,
 Но трижды прекрасней мой замок просторный.
 Мой кров — небосвод, и плывут надо мной
 Блестящие звезды за бледной луной».

Родня оказалась упрямее стали,
 И гостя обратно ни с чем отослали.
 А утром весь дом был угрюм и печален:
 Недаром девчонке подмигивал Аллен!
 Она ускакала, — лови не лови, —
 Послушать, как Аллен поет о любви.

Перевод Игн. Ивановского
 Гравюры В. Бендингера

КАК Я СТАЛ МАЛЕНЬКИМ

Глава из книги

Р. Подольный

Рисунки В. Семенова

Я родился в 1933 году. Ну, само собой, родился, рос, кормили соскою, жил, работал, стал староват, как писал Маяковский. И дорос — в зените, так сказать, своей жизни — до 168 сантиметров.

Много это или мало? Смотри с чем сравнивать. У неандертальцев я ходил бы в высоких, их средний рост был всего 160 сантиметров. Кроманьонцы — те сами смотрели бы на меня свысока, с «высока» своих 180 сантиметров. Среди людей, обитавших на западе Франции семь тысяч лет назад (159 сантиметров до макушки), я опять-таки вырвался бы вперед. А вот 175-сантиметровые алтайцы (пять тысяч лет назад) вновь сочли бы меня низкорослым.

Для своих же соплеменников и современников я вполне нормального роста.

То есть я думал, что нормального. Но сейчас приходится думать иначе. Сейчас меня догоняет не какой-нибудь кроманьонец, а моя собственная дочка. Она уже мне выше плеча, — а ведь ей расти и расти! Боюсь, если так пойдет дальше, я скоро стану не то что невысоким, а попросту маленьким.

Единственное, что может тут утешить, — то же происходит

почти со всеми папами и мамами. Дети тянутся к небу! И называется это явление акселерацией. От латинского слова, означающего ускорение (есть, кстати, в любом автомобиле такое устройство — акселератор).

Как-то знаменитая французская портновская фирма решила устроить эффектный рекламный трюк. По парижским улицам должны были пройти девушки, одетые подобно мод-

ницам минувших веков, в сопровождении изысканных кавалеров.

Руководство фирмы совершило чудеса изобретательности и находчивости. Правдами и неправдами удалось добыть из музеев сотни старинных нарядов. Тут были костюмы и для балов, и для битв. И все усилия оказались напрасными. Не лезла старинная одежда на манекенщиц и манекенщиков, трещала, расплзалась по швам. А рыцарские латы оказались слишком узкими даже для далеко не богатырских грудных клеток.

Знай хозяева фирмы антропологию, они и затевать бы это дело не стали. Потому что антропологи (вместе с врачами) уже давно с удивлением следят за тем, что происходит с человечеством.

Погибшие под Полтавой солдаты Петра I, как показывают раскопки, были в среднем на двадцать с небольшим сантиметров ниже нынешних солдат Советской Армии. Так подрос человек в нашей стране за четверть тысячелетия. Но темпы роста явно ускоряются со временем. Призывники 1961 года были выше призывников 1941 года на восемь сантиметров. А призывники нынешние еще сильнее увеличили разрыв.

Ты, мой тринадцатилетний читатель, выше своего сверстника столетней давности минимум сантиметров на восемь—десять. И тяжелее его по крайней мере килограмма на три-четыре, а то и на пять. Словом, в драке бы он против тебя наверняка не устоял бы. Но ты, конечно, и не стал бы с ним

даться: во-первых, слабых обижать нельзя, а во-вторых, что ни говори, этот «слабак» приходится тебе прапрадедушкой...

В чем причины акселерации? Их, наверно, много.

Во-первых, питание.

Акселерация прежде всего «поразила» развитые промышленные страны. А в них за последние полтора столетия уровень жизни сильно повысился.

Сейчас дети, особенно дети горожан, едят больше мяса и меньше хлеба и картофеля, чем прежде, так мудрено ли, что они быстрее растут?

Но — сразу возражение: вот в Японии акселерация идет полным ходом, а едят там много хуже, чем в Европе. Мясо — почти роскошь, килограмм его стоит столько же, сколько пара туфель. Преуспевающий служащий съедает на обед миску постной лапши, и никто не считает это проявлением скупости. Соседи по рабочему столу обедают так же.

Кроме того, в Европе, Азии и Америке дети в семьях помещиков и капиталистов тоже прибавляют в росте, — а в таких семьях, понятно, и столетие назад кормили до отвала.

Словом, лучшее питание — только одна из многих причин акселерации.

Некоторые врачи считают, что тут очень важно усиленное воздействие солнца. То есть светить-то оно ярче не стало, но люди стали лучше пользоваться его светом и теплом. Особенно — дети. Они бегают летом в трусах, мамы младенцев не пеленают, одежда вообще, а особенно опять-таки детская, стала более легкой, свободной, открытой для солнца...

Но тогда все эти блага должны особенно сказываться на деревенских детях. А те как раз растут медленнее городских!

Солнечного света и чистого воздуха в городе человеку достается меньше. А чего больше? Больше — электрического света, больше шума. Может быть, из-за более стремительного ритма современной городской жизни горожане растут быстрее? Может быть, человеческий организм отвечает на ускоренный темп жизни XX века более быстрым ростом? Есть и такая точка зрения. Подкрепляется она тем, что как раз в последние годы сельские дети начинают по темпам роста догонять горожан. А ведь именно сейчас деревня бурно нагоняет город и по электрическому свету, и по телевизору, и по темпу жизни.

Сделала рывок вперед медицина. Дети теперь и болеют реже, и болезни переносят легче. Но, может быть, вклад медицины в акселерацию заключается не только в этом? А и в том, что, между прочим, каждый из нас буквально исколот врачами и медицинскими сестрами?

Большая часть населения земли носит на левом плече неизгладимый след прививки оспы. Нас защищают от возможных вторжений микробов и на седьмой день жизни, и в четыре месяца, и в полгода, и в год, и в полтора, и в десять, и в двадцать. Это очень хорошо, конечно. А вот антропологи, изучающие отсталые племена, заметили: у многих таких племен есть (или был) обычай как-то

уродовать тело ребенка. У одних племен покрывают глубокими рубцами спину, у других — лицо, у третьих обрубают сустав мизинца, а то и безымянного пальца... И антропологи установили: люди, так «пострадавшие в детстве», растут быстрее и выше, чем те члены племени, кто остался почему-либо без жестоких «отметок» на теле.

Возможно, что организм ребенка отвечает на повреждения, на вторжения в свою жизнь ускоренным ростом. Конечно, царапинку стальным перышком при прививке оспы не сравнишь на первый взгляд с отрубанием мизинца. Но только на первый взгляд. И там борьба, и здесь борьба, и в результате — усиленная жизнедеятельность, выраженная, наряду с прочим, и в росте.

И еще минимум два десятка причин называют ученые, пытаясь объяснить акселерацию.

Видимо, тут правы все или почти все авторы самых разных гипотез. У акселерации много причин. Много и следствий.

А тебе стоит сделать вывод: надо постараться умнеть так же быстро, как расти, постараться стать сразу и высоким, и сильным, и настойчивым, и самостоятельным.

НАШ ПАРОЛЬ — „ДОРОГА“

Разговор о «Пионерском километре» продолжает гонщик-автомобилист, судья всесоюзной категории по автотоспорту, офицер Советской армии Сергей Васильевич Голицын.

— Нам не хватает дорог. И с каждым годом нужда в них растет, хотя строится много новых путей. Дело в том, что автомобилей тоже становится все больше. Чтобы они могли ездить без «пробок», в некоторых городах уже пришлось повысить скорость движения до 80 километров в час.

— Значит, идею «Пионерского километра» вы считаете своевременной!

— Безусловно. Каждый советский человек, а значит, и пионер, должен оберегать дороги: в их строительство вложены большие народные деньги. Дороги жизненно необходимы стране, они — как квартира, только для автомобиля. А по ним, случается, ездят на шинах со спущенной резиной, и железный обод царапает, разрушает асфальт. А то еще хуже — едут зимой, не сняв с колес цепи. Просто раздирают покрытие! К стати сказать, кое-где, в частности, в городе Гороховце, что недалеко от Горького, уже поставлен важный и нужный знак: «Стоп! Сними цепи!»

Это, допустим, касается взрослых. Но вы тоже, к сожалению, вносите свой «вклад» в порчу асфальтовых дорог, хотя, может быть, и не такой заметный. Кое-кто из вас, например, не прочь прокатиться на коньках, прицепившись к грузовику; это смертельно опасно, только я не об этом даже говорю, — когда машина со льда съезжает на очищенное от него покрытие, ваши коньки режут асфальт! Или еще некоторые катают колеса на проволоке; есть и любители пересечь дорогу, стоя на бочке из-под мусора. Один такой акробат из города Приозерска Ленинградской области до того увлекся балансированием, что не заметил двух встречных автомобилей. И хотя шоферы успели затормозить, он, увидев их рядом, с перепугу свалился и угодил под бочку. Парелом ноги и грудной клетки, сотрясение мозга... А при чем здесь дорога? При том, что от очень резкого торможения дорога тоже портится.

Или вы играете на шоссе в городки. Сейчас шоссе пустое, но через минуту по нему пойдут вереницы машин, и шоферы недобрим словом помянут тех, кто портит асфальт своими битками.

Особый вред дорогам приносят рогаточники. До чего забавно стрельнуть по лампе, по фонарю, по светильнику, а то и по светофору! Однажды в Ленинграде шофер, не знающий города, вез ночью на прицепе своего тягача экскаватор. И вот светильники в туннеле оказались разбитыми, шофер в темноте не сумел правильно оценить высоту прохода и задел стрелой экскаватора за верхнее перекрытие. Экскаватор упал, перекрытие разрушилось — движение было прервано почти на пять часов!

Короче говоря, вы прежде всего должны задуматься над собственной дисциплиной на дорогах. И от этого дороги очень и очень выиграют.

— Не могли бы вы помочь пионерам советом, что именно им лучше всего делать на своих «пионерских километрах»!

— Во-первых, покажите сами пример дисциплины и требуйте того же от своих товарищей. Во-вторых, посоветуйтесь с работниками ГАИ и создайте патрули, можно даже велосипедные, — пусть ездят и все замечают и обо всем сообщают немедленно в автоинспекцию или дорожному мастеру: где знак упал, где фонарь разбит, где покрытие повреждено. Особые бригады художников могут помогать работникам автоинспекции освежать дорожно-сигнальные знаки. Например, очень важно подбивать столбики на крутых, обрывистых поворотах. Да мало ли работы! Всем хватит. Желаю успеха участникам «Пионерского километра»!

РЫЦАРИ, ШТУРМУЙТЕ БАСТИОНЫ

Какие препятствия в борьбе за новые победные очки придется преодолеть арчебековцам?

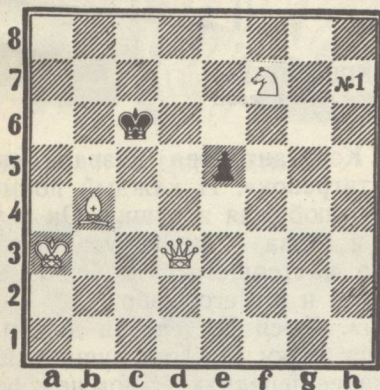
Шахматистам — решить три задачи; в каждой белые дают мат в три хода.

А — диаграмма № 1.

Б — (А. Галицкий) — белые: Крe3, Фg1, Сb1; черные: Кра1, Сh7, п. b2.

В — (В. Мельниченко) — белые: Крh1, Фf3, Кd5, Ке7, п. a7; черные: Кра8, Сb7, пп. e5, h3.

Шашистов же ждут три позиции, специальной почтой достав-

ленные в АРЧЕБЕК из Курска. Автор их — мастер спорта Иван Кобцев — пишет: «Интересно, справятся ли с ними ваши арчебековцы? Найдут ли тут комбинации, приводящие белых к победе?»

Что вы на это ответите, доблестные рыцари?

А — диаграмма № 2.

Б — белые: b6, c1, f2, g1, g3, h2 (6); черные: a7, c3, e5, e7, g5, g7, h4 (7).

В — белые: c1, d2, e3, f2, f4, g1, h6 (7); черные: b4, b6, d6, f8, g5, g7, h2, h4 (8).

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Шахмат-адмирал Ферзьбери встретился с пятикратным чемпионом мира по шашкам международным гроссмейстером Куперманом.

— Исер Иосифович, вы теперь готовитесь к соревнованиям?

— О, да, к матчу на первенство мира, который состоится в октябре. Но я сейчас не чемпион, а лишь буду пытаться вернуть титул, принадлежавший мне ранее. Им уже несколько лет владеет гроссмейстер из Риги Андрис Андрейко.

— А почему именно вы будете

АРЧЕБЕК

противником Андрейко в этом матче? Разве не было других желающих с ним сразиться?

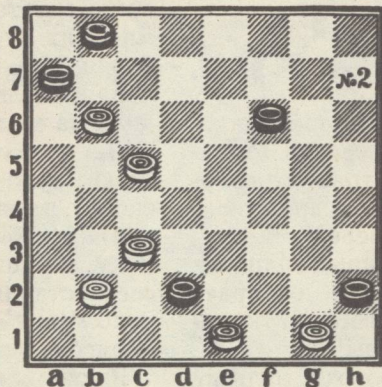
— Конечно, были. Среди них чемпионы Голландии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии и других стран. Как всегда в таких случаях, проводился турнир, чтобы определить, кому предоставить право вызвать чемпиона мира на матч. В этом турнире удалось победить мне.

— Какие же условия матча с Андрейко?

— Мы сыграем 20 партий. Чемпиону, чтобы сохранить титул, нужно набрать десять очков, мне же, как претенденту, для победы необходимы десять с половиной.

— А вы рассчитываете на победу?

— Острый вопрос! Скажу так: рассчитывать не рассчитываю, а надеюсь. Ибо, не надеясь на победу, стоит ли и начинать матч?

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Позиция на диаграмме № 3 дошла до наших дней из древности. Она известна уже около семисот лет! В чем же ее интерес? Рассмотрите ее. У белых лишняя ладья, к тому же их ход. Однако им угрожают сразу две неприятности: во-первых, черная ладья намерена пойти на h8 и дать мат, во-вторых, черный король собирается побить ладью с5.

Боевое задание: найти, каким ходом белые ликвидируют обе угрозы и выигрывают партию.

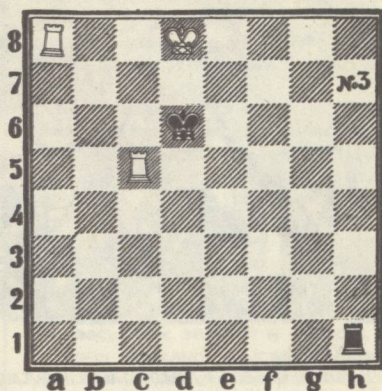
ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Рискуете ли вы потерять турнирные очки при решении задач в этой кабине? Конечно, нет: ведь она тренировочная!

Обязательно ли посылать отчет о посещении этой кабины? Не обязательно: ведь она тренировочная!

Ответственные за сегодняшнюю тренировку — арчебековцы Юра Селявкин из Воронежа, Феликс Косниковский из Ленинграда, Володя Рязанов из д. Тишино Кировской области.

(Юра) — белые: Кpg1, Фg8, Лh7, Cd5; черные: Кра8, Сb7, Сb8.

(Феликс) — белые: Кpd7, Лh5, Са7, Сс2, Кd1, пп. a2, f4; черные: Крс4, пп. a3, a5, b5.

(Володя) — белые: Крb7, Сb8, Сс6, п. d7; черные: Крд8, В задачах Юры и Феликса мат в 2 хода, а у Володи — в 3.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Вы посетили тренировочную кабину в «Костре» № 7? Проверьте свои ответы.

(Игорь Подопригора) — 1. Ке8! и при любом ответе черных следует мат.

(Володя Рязанов) — 1. f7. Теперь у черного короля есть три хода. Если 1... Крe6, то 2. f8Ф; если 1... Крf6, то 2. f8К!; если 1... Крg6, то 2. f8Л! И в любом из этих случаев третьим ходом объявляется мат.

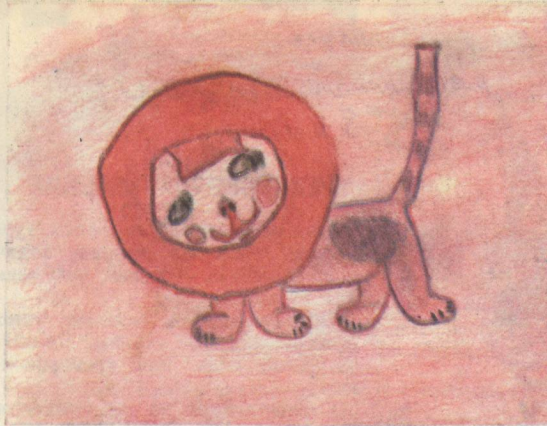
(Юра Селявкин) — 1. Са1! Кр:а1 2. Лd8! Кра2 (если 2... a2, то 3. Лd1 a3 4. Крс2х) 3. Лd3 Кра1 4. Л:a3 х.

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и рыцарям-там доложить о выполнении боевых заданий до 1 ноября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

«МОЙ ТИГРЕНОК»
Айвара Константинова, Пермская область

«ОХОТА»
Вова Ключев, Комсомольск-на-Амуре

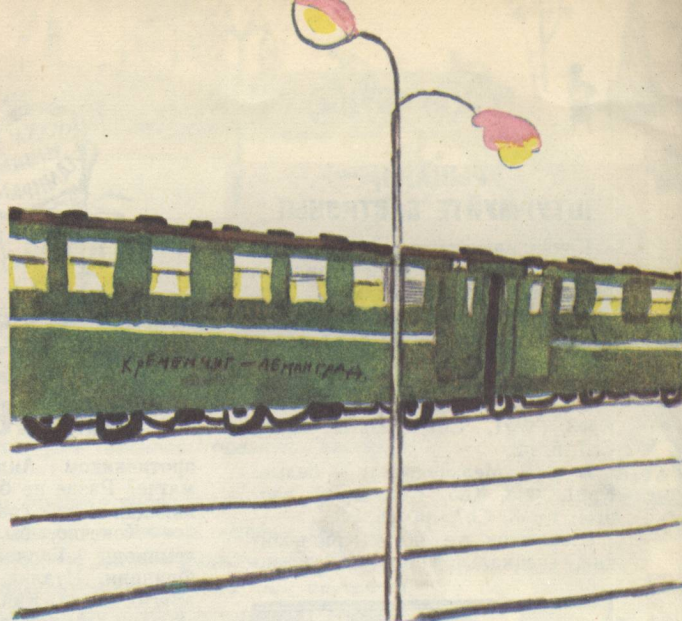
ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Консультацию проводит хорошо вам знакомый художник — Николай Евгеньевич Муратов. Помните на страницах «Костра» его озорных обезьян, добродушного льва, мудрого слона и многих других забавных зверей?

Из вороха рисунков, присланных нашими читателями, Николай Евгеньевич отбирает пять. Множество зайцев, кошек, собак, птиц он откладывает в сторону. Срисованы!

А разве срисовывать, копировать нельзя? Разве ученикам художественных училищ, академии не приходится копировать картины знаменитых мастеров?

— Поначалу можно и срисовывать. Но обязательно с хороших образцов, — отвечает Николай Евгеньевич. — А начинающему художнику трудно разобраться, какой образец хорош, а какой плох. Поэтому лучше рисовать самому, рисовать с натуры. Тут важен и твой замысел, и твоя тема. И главное даже не то, что увидел художник, а как он увидел, что подметил характерного. Как понял «образ» своего героя.

«ЛЕНИНГРАД — КРЕМЕНЧУГ»
Наташа Матвеевская, Ленинград

Вот Айвара Константинова назвала свой рисунок «Мой тигренок». И каждый поймет: этот тигренок — любимая игрушка. Он и хитро улыбается, и глаза у него лукавые. Не очень похож на настоящего? Не беда, зато видно, что веселый и что его любят!

«Беличий дом». Люся Гостевская довольно точно нарисовала белку. И хвост пушистый, и задние ноги длиннее передних. И дом не просто дом, а сруб. И все-таки — это сказка. Солнце густо золотое, ель с черными-черными ветвями. Каждый поймет: это не просто «портрет» белки, она — хозяйка домика. Притом запасливая. Целый мешок всякой всячины заготовила на зиму.

Легче всего представить себе собаку с костью в зубах. А вот у Х. Гало (автор не назвал своего имени) изображена собака... с цветами. Необычно? Конечно! И все же художнику веришь: такой приветливой дворняжке все доставляет радость. Даже цветы. И все у художника — и пес, и трава, и цветы, и облака нарисованы по-своему, в своей манере.

Рисунок «Ленинград — Кременчуг» Наташи Матвеевской кажется на первый взгляд очень лаконичным. Здесь нет ничего лишнего. Но все достоверно. И зеленые вагоны дальнего следования с занавесками на окнах и решеткой в служебном купе. И бетонные плиты, и фонарь. И то, что в рисунке нет ничего лишнего, как бы подчеркивает — этот поезд может преодолевать огромные пространства.

На рисунке Вовы Ключева «Охота» — солнце, озеро, заросли, облака, охотник, собака — все, что он увидел, и увидел по-своему. А вот птиц в небе почему-то взял и перерисовал. И зря, они в этом рисунке — чужие.

«СОБАКА... С ЦВЕТАМИ»

Х. Гало

«БЕЛИЧИЙ ДОМ»

Люся Гостевская, Башкирия

— Хочу посоветовать юным художникам, — говорит Николай Евгеньевич Муратов, — то, чему меня учил когда-то мой учитель. — Рисуйте всегда с натуры! Рисуйте самым внимательным образом, будет ли это портрет, пейзаж, звери. Не упускайте ни одной подробности, пусть самой незначительной. Потом отложите собственный рисунок. И теперь, уже не глядя на натуру, постарайтесь нарисовать по памяти и обязательно передайте все, что удалось подметить. Так вы научитесь не только смотреть, но и «видеть». И не вообще видеть, а самое главное, самое характерное.

Записала Н. Владимирская

НА ВИДУ У ВСЕХ

К первой годовщине пионерской организации имени В. И. Ленина в Москве уже было создано 52 отряда юных ленинцев.

Чем же занимались эти первые пионеры? Как проводили время, как отдыхали, чем помогали взрослым — об этом тогда еще далеко не все в стране знали. Пионерское движение только начиналось.

В этом же, 1923 году по решению Советского правительства на территории теперешнего Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького разместилась Первая Всероссийская сельскохозяйственная выставка. В начале 20-х годов на этом месте была свалка. Только к 1923 году территорию расчистили, выровняли, засыпали землей и песком.

Один павильон выставки заняла Детская комиссия Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК), председателем которой был тогда Феликс Эдмундович Дзержинский. Экспонаты павильона показывали, как молодое советское государство с первых дней своего существования заботится о детях трудящихся.

При Павильоне ВЦИК раскинулся показательный палаточный пионерский лагерь. В нем жило два звена. Одно — из пионеров Замоскворецкого района. Другое — Хамовнического района.

Ребята понимали свою почетную задачу — агитировать за пионерское движение. Энергично трудились они в лагере, бодро делали зарядку, варили на костре вкусный обед, пели песни, делали стенгазету, запускали шумные ракеты... И они охотно показывали это на виду у всех!

Дорогие читатели журнала, пионеры 70-х годов! Хорошо было бы разыскать этих первых пионеров, расспросить их, записать их рассказ о том замечательном времени.

Дмитрий Гунин,
ветеран пионерского движения

Всемирное обозрение
 величайших технических
 и иных неожиданностей,
 а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

Со дна моря — водой!

Уже много десятилетий затонувшие корабли поднимают таким образом: под корпус судна водолазы подводят понтоны, затем их полости заполняют воздухом, и корабль выталкивается наверх.

Венгерские ученые предложили заполнять понтоны... водой. С помощью специального аппарата вода после погружения понтона разлагается на кислород и водород, кислород сразу выкачивают и используют для технических целей, а водород — лепчайший из газов — своей подъемной силой легко выносит корабль на поверхность.

Во всяком случае, модель судна весом в 110 кг была вытолкнута с 25-метровой глубины всего за восемь минут!

Для чего нужно возведение в степень?

Самое большое число, которое можно записать тремя цифрами, — 9^{99} . Математики подсчитали, что если бы его писали, не прибегая к возведению в степень, то пришлось бы использовать полосу бумаги длиной в ...1500 километров! А если издать это же число в виде книги, то получится сочинение, большее по объему, чем собрание романов Л. Н. Толстого: 33 тома по 800 страниц каждый!

Холодильник для почек

Как прооперировать почку? Она ведь насквозь пронизана кровеносными сосудами... А если прекратить туда доступ крови, то почка сможет прожить всего восемь минут. Очень трудно хирургу уложиться в такое малое время.

Ученые Ленинградского института полупроводников им. А. Ф. Иоффе сконструировали холодильник на миниатюрных батареях. Если его поместить вокруг больной почки, он охладит ее до $+16^\circ$. В таком состоянии почка может жить без доступа крови полтора часа.

2 4 6 9

6 1 2 3 8 7 2 9 1 7 8 4 2 5 6 0 1 3 4 6

Пропавший подарок

Когда на Всемирную выставку в Токио стало приходиться по полмиллиона и даже по восемьсот тысяч человек в день, организаторов ЭКСПО-70 охватила паника. Где им разместить этот людской океан? В некоторые павильоны (в том числе в советский) люди выстраивали в очередях по пять часов! А вечером возле выставки не хватало ни поездов, ни автобусов, ни такси: многие туристы в отчаянии оставались ночевать прямо возле павильонов. 60-миллионному посетителю дирекция приготовила великолепный подарок — авиабилет для кругосветного путешествия. Но юбиляра просто не смогли найти в гигантской толпе, сгрудившейся возле кассы! И, в конце концов, в ход было пущено особое средство: радио- и газетная антиреклама: «Пожалуйста, просим не приходиться на ЭКСПО!»

87235128764408667158436601572981

Пометки на книжных полях....

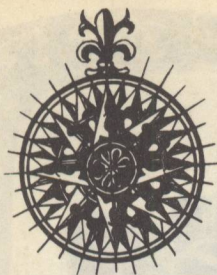
После долгих, многолетних поисков в Ленинграде найдено несколько книг из библиотеки великого французского ученого Дидро.

Как библиотека Дидро оказалась в Ленинграде?

Ее купила Екатерина II. Желая щегольнуть просвещенностью перед лицом Европы, она уплатила нуждающемуся Дидро за его собрание книг 15 тысяч рублей, назначила пожизненным хранителем библиотеки и выплатила авансом жалованье за... пятьдесят лет вперед. Европа была потрясена великодушием правительницы, заплатившей за книги в пять раз дороже их стоимости!

Но когда библиотеку Дидро привезли в Россию, никто не подумал позаботиться о ее сохранении. И она растворилась среди сотен тысяч книг нынешнего Отдела редкой книги Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но Дидро, оказывается, делал на полях своих книг пометки. И вот ученые, скрупулезно исследуя поля сотен тысяч книг, постепенно находят книги пропавшей библиотеки...

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарова

Год издания 15-й

ХОЗЯИН МОРЯ

Семь кораблей и транспортов фашистов потопил отважный катерник-североморец, дважды Герой Советского Союза, ныне контр-адмирал Александр Осипович Шабалин.

«Хозяин моря» — лишь маленькая глава из его героической биографии.

За атаку у Варангер-фиорда А. О. Шабалин получил свою первую Золотую Звезду Героя Советского Союза.

Варангер-фиорд...

Здесь, у северных берегов Норвегии, теплые волны Гольфстрима борются с вечным холодом Арктики.

... В декабре 1943 года у черных скал Варангер-фиорда отряд торпедных катеров несколько дней поджидал караван фашистских кораблей.

Командира отряда капитан-лейтенанта Шабалина недаром звали «хозяином моря». Северные воды ему были знакомы. Вырос на рыбацкой шхуне, знал, где можно отстояться под берегом в непогоду, понимал:

малое суденышко с моря в черноте берега заметить невозможно. На этом и строил свои расчеты, поджидая караван.

Часами Шабалин простаивал в открытом люке рубки, вглядываясь в горизонт, но с моря несло только снеговые заряды.

Катера покачивало на зыби; о борта ломался и шелестел ледок.

Команды грелись и спали по очереди на кожухах моторов. Питались консервами и галетами...

Наконец, заметили: из-за скал, серыми тенями, грозными и безмолвными, потянулись фашистские эсминцы и тральщики — конвой транспортов. Весь караван жался к берегу: фашисты думали, что опасность может прийти только со стороны моря.

— Атака! — скомандовал Шабалин.

Катера вылетели из бухточки на предельной скорости, расходясь веером, охватывая караван с двух сторон.

У Шабалина в руках штурвал, он, командир, решает все: и где прорваться, и какая скорость, и когда ударить торпедой. Только ему видна вся картина боя. Чуть ниже стоит моторист. Командир толкает его в плечо. Один толчок — прибавь, старшина, ходу; два толчка — сбавь обороты...

... Страшен торпедный катер, идущий в атаку.

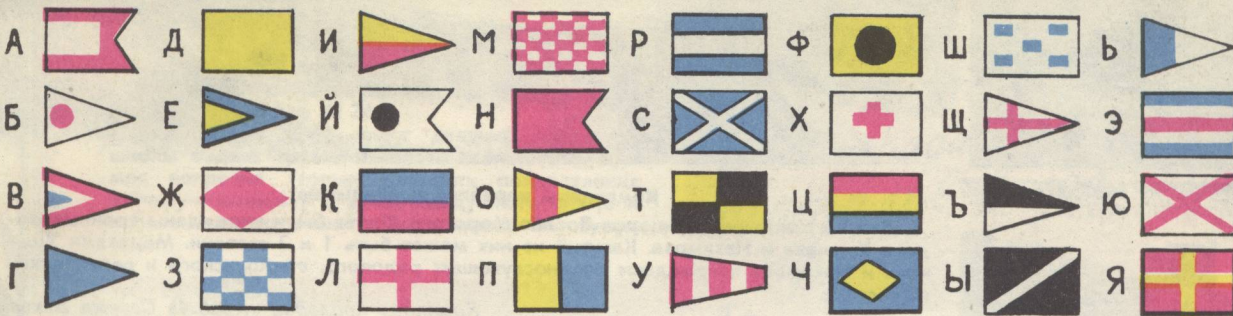
Миг — он еще едва виден вдали — черная точка в белом ожерелье буруна. Но не успевают вражеские артиллеристы навести орудия и еще пугает прислуга прицелы, а катер вон он, рядом, лег на боевой курс, и командир катера поймал в свой прицел врага. Еще миг — торпеды уходят в цель. Вздрагивает море от могучих взрывов, мечется грохочущее эхо, поднимая со скал тысячи птиц...

Кренясь, носом или кормой вперед, уходят под воду тонущие фашистские корабли...

А катера Шабалина уже под берегом — невидимые и недосягаемые. Смертельно ужалили и скрылись. Настоящие москиты моря.

Школа

Майк и Жюльетта

Случилось мне как-то плыть на английском корабле. И вот в одном порту, когда мимо большого теплохода проходили, кто-то на нашем капитанском мостике крикнул: «На „Саванне“ Майк висит!»

Я даже испугался: неужели кто повесился? Смотрю: вроде бы нет, все в порядке. Но спросить, в чем дело, постеснялся.

А дня через два на палубе услышал совсем непонятный разговор между моряками. Один говорит: «Мы им Виктора показали, а они нам — Жюльетту...» А другой на это головой покачал. «Ну и положение», — говорит.

Слушаю я и ничего понять не могу.

Только потом от одного знакомого моряка узнал, что так сигнальные флаги на иностранных судах называются. У каждого флага — свое название.

Скажем, упал человек за борт — поднимают специальный флаг «О», желтые и красные полосы по диагонали. А у моряков этому флагу свое имя — Оскар... Майк — это значит: «Мои машины застопорены», Виктор — «Требуется немедленная помощь».

А Жюльетта — флаг страшный, хоть с виду и веселый, бело-голубой. Флаг этот означает: «На корабле — пожар!» Есть еще флаг «Чарли», есть «Фокстрот», есть «Танго», даже флаг «Папа» имеется...

И в нашем флоте у флагов свои названия. Если что-нибудь разрешить, — флаг «Д» — «Добро» поднимают, а если человек за борт упал, — флаг «Ч» — «Червь»...

Вот только кто, когда и почему так эти флаги называл, до сих пор узнать не могу.

О. Орлов

СООБЩАЮТ ЮНКОРЫ

Морские следопыты ищут „Дельфин“

Мы стараемся узнать все, что еще можно, о гибели шхуны «Дельфин». Она подорвалась на mine во время Великой Отечественной войны, когда везла сейфы с военными документами.

Мы думаем, что жив смотритель маяка, который видел взрыв мины, а значит, знает место, где затонул «Дельфин»... Это — наша карта.

С пионерским приветом!

Сергей Колбасов, Дима Кусков, г. Корсаков

ЖИЗНЬ МОРЕЯ

КАРНАВАЛ В МОРЕ

Аквариум доктора Калала в Новой Каледонии — это целый дом. Здесь в морской воде живут разные рыбы. Рыба-бритва, тонкая и сплюснутая, висит обычно вниз головой, спинные иглы рыбы-защелки устроены так, что ее невозможно вытащить из норки, у «мавританского идола» скверный характер: он ссорится со всеми рыбами...

А еще в Аквариуме есть зал, куда не проникает ни лучика света. Полная темнота. Это царство светящихся кораллов. Акропоры, галаксеи, фуксии играют всеми оттенками синего, красного, желтого. Мерцают, гаснут, вновь вспыхивают...

Много и других чудес

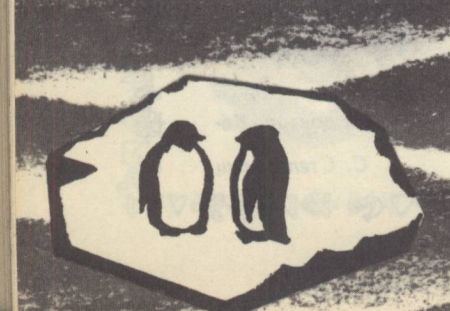
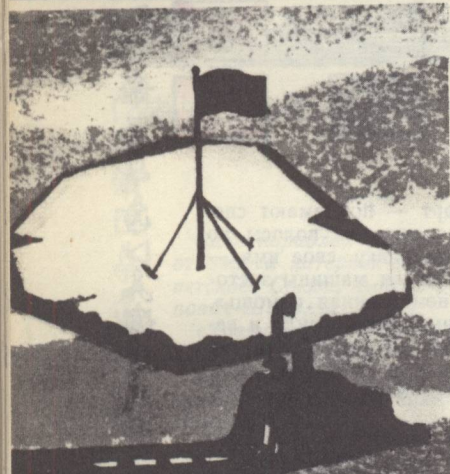

в Аквариуме доктора Калала...

С. Степаньянц

“ОКЕАН-2”

Командиры кораблей докладывают:

Для награждения офицеров Военно-Морского Флота были учреждены военные ордена Ушакова и Нахимова. Каждый из них может быть 1 и 2 степени. Медалями Ушакова и Нахимова награждают военнослужащих рядового, старшинского и сержантского состава.

Командир подлодки «Крб-4» Сережа Вехов

Советская атомная подводная лодка «Ленинский комсомол» в 1962 году впервые всплыла на Северном полюсе.

Командир сторожевого корабля «Туча-2» Зина Нефедова

Именем Крузенштерна названы: атолл в группе Маршалловых островов, атолл в архипелаге Паумоту, остров в Беринговом проливе, один из проливов между островами Курильской гряды, риф в группе Гавайских островов.

Имя Лисянского присвоено острову в группе Гавайских островов, полуострову близ Охотска.

Командир фрегата «Юность-6» Петя Савин

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 8

§ 1. Пионерская флотилия выполняет кругосветное плавание по параллели 40° Ю. Ш., имея курс 270 градусов. Корабли огибают побережье Антарктиды, проходят мимо Австралии Бассовым проливом, обходят Южный остров Новой Зеландии и, выйдя на параллель 60° Ю. Ш., идут проливом Дрейка. На нашем пути — Южные Сандвичевы острова. Намечена двухнедельная стоянка флотилии в точке 69° 25' Ю. Ш., 2° 10' З. Д. в 20 милях от Земли Принцессы Марты. Во время стоянки всему личному составу пионерской флотилии изучить материалы об исследователях южных полярных районов Мирового океана.

§ 2. (25, 33, 34, 43, 37, 33, 34; 31, 15, 22, 14, 22, 24, 23; 44, 34, 35, 15, 22, 21, 45, 22, 35, 25, 48; 25, 34, 31, 15, 22, 14, 22, 24, 24, 34, 14, 45; 31, 34, 22, 24, 24, 34, 14, 45; 33, 34, 15, 11, 21, 43, 38; 12, 43, 48; 33, 15, 45, 41, 34, 25, 31, 22, 35, 24, 34, 41, 34; 44, 43, 11, 31, 11, 24, 23, 48).

Расшифруйте параграф приказа с помощью изображенной здесь шифровальной таблицы.

Командирам кораблей доложить:

а	д	з	м	р	ф	ш	ъ
б	е	и	н	с	х	щ	э
в	ё	к	о	т	ц	ь	ю
г	ж	л	п	у	ч	ы	я

1. Когда и кем открыты Южные Сандвичевы острова. Чем знаменательна избранная нами точка стоянки флотилии (69° 25' Ю. Ш., 2° 10' З. Д.).

2. Сколько времени необходимо современному военному кораблю для выполнения кругосветного плавания.

3. Кто из литературных героев и кто фактически открыл Южный полюс.

Пятое извещение мореплавателям

Постарайтесь прочесть книги об открытии Антарктиды и ее исследованиях в наши дни советскими учеными.

Из приказов по эскадрам

Разрешаем зачислить:

— в экипаж шлюпа «Восток» (Тольятти) — Сашу Власова,

— в экипаж крейсера «Варяг-3» (Кемерово) — Мишу Хохлова.

Считать доставленными Мишу Хохлова и Сашу Власова на корабли попутным авиарейсом через Австралию. Поставить их на вещевое и котловое довольствие.

Штаб маневров

В пресс-группе „Океан-2“

Пришла телеграмма из Кум-Кургана: «СОС! Нет нужных карт. Просим выслать, иначе погибнем в океане. Экипаж эсм. «Беспощадный».

Отвечаем: «Карты высланы вертолетом. Получите в точке (69° 25' Ю. Ш., 2° 10' З. Д.).

Посмотрите этот фильм!

На экраны страны вышел документальный фильм «На маневрах «Океан» (операторы и режиссеры Ю. Мичурин и Г. Ширман).

Владимир Николаевич Шаталов — космонавт.
Раньше он был летчиком.
А еще раньше — мальчиком. И учился в ленинградской школе № 24.
Вот почему 2 «б» класс двадцать четвертой школы в день третьего полета Шаталова в космос попросил Уголька передать поздравления летчику-космонавту с Днем Воздушного флота и напечатать стихи ученицы этого класса Оли Гуцкиной:

*Летать, как вихрь, вокруг земли
Так даже птицы не могли.
Ужасно рада детвора-
Шаталов в космосе!
Ура!*

1

ВЕЖЛИВ

НЕВПОПАД

— Ты, Петя, ходишь, нос задрал,
Но перед Митей ты неправ:

Ты дрался и дразнился,
Но ты — не извинился.

Тёбе он книжку подарил,
Но ты — не поблагодарил.

Скажи „спасибо“ Мите.
— Ну нет уж, извините!

— Играйте вместе, дружно.
— Спасибо, очень нужно...

— Ах, Петя, Петя,
Что ж ты, брат,
Ты вежлив... как-то невпопад!

ПОДСКАЖИ СЛОВЕЧКО

Праздник, праздник у ворот!
Кто встречать его пойдет?
Я и верный мой дружок,
Красный маленький...

Грянул гром,
веселый гром,
Засверкало все кругом!
Рвутся в небо неустанно
Разноцветные фонтаны,
Брызги света там и тут!
Это праздничный...

Е. Серова

2

ДОБРАЯ ДУША

ФРАНЦУЗСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

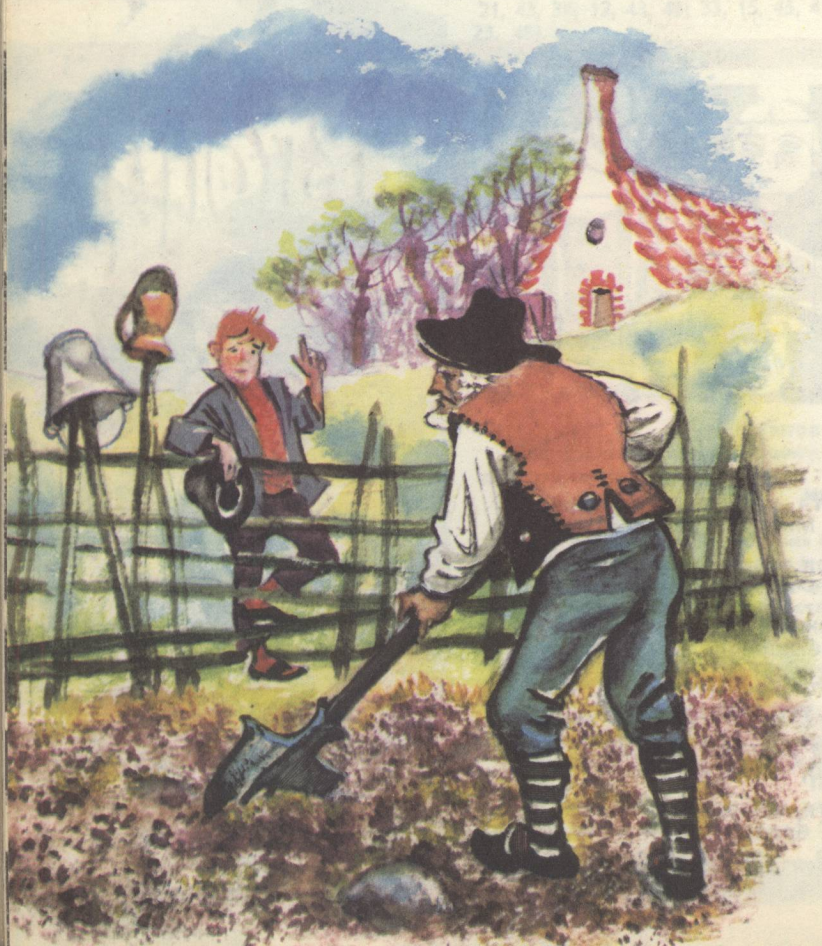
Пришла пора пересаживать капустную рассаду в грядки, а у старого Глодона и без работы все кости болят. Но что поделаешь? Без капусты в хозяйстве не обойдешься, а коли хочешь капустки — берись за лопату. Взялся старый Глодон за лопату и стал копать грядки в огороде. Ну и земля! До чего сухая! До чего жесткая! Копают Глодон землю и громко стонет. Копают и стонет.

Проходил мимо мальчишка — добрая душа. Остановился за плетнем и слушает. А Глодон еще пуще стонет и охает. Постонет-постонет и лопату в землю воткнет. Поохает-поохает и дерн перевернет.

Слушал добряк, слушал, не выдержал и говорит:

— Давай помогу тебе, папаша Глодон. Я буду вместо тебя охать и стонать, а тебе останется только землю копать. Все-таки легче!

*Перевел Е. Андреев
Рисунки К. Савкевич*

ВЫВЕСКИ И ОБЪЯВЛЕНИЯ

*Пропал чёрный кот.
Книжка Гарри
на шею-
бриллиантовое ожерелье*

— Такое объявление поместил в газете одного курортного городка немецкий писатель-натуралист Конрад Лоренц. Начальника местной полиции не удивило сообщение о коте с бриллиантовым ожерельем: мало ли какие причуды позволяют себе богачи. Не прошло и часа, как специальный полицейский патруль изловил и доставил хозяину беглого кота.

— Извините, бриллиантов не обнаружили! — отпартовал дюжий сержант.

— К счастью, оказалось, что как раз сегодня он оставил их дома, — ответил Лоренц, хитро улыбаясь. Если бы не безобидная выдумка, как бы еще он заставил полицию искать кота?!

А вот объявление, которое напечатал в парижских газетах поэт-республиканец Беранже.

*Улетел попугай.
Улетит говорит
"Да здравствует король!"
и "Долой республику!"
Нашедших предупреждаю,
что не разделяю его
политических взглядов*

Сербский юморист Бронислав Нушич, которому весьма досаждали надоедливые репортеры и любители автографов, купил два готовых объявления и повесил на дверях своего кабинета. Пovyше:

БЕЗ СТУКА НЕ ВХОДИТЬ!

И пониже:

ПРОСЬБА НЕ СТУЧАТЬ!

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка Солнца	
стихи К. Кулиева	
рисунок В. Курдова	1
Река печенья и слесарь	
Чижев	
очерк М. Глинки	
фото Б. Черемисина	2
Поворот	
повесть В. Фролова	
рисунки И. Харкевича	4
В Терпилочке тоже наши	
очерк М. Мохова	21
Страна Поэзия	
Андрей Дементьев	
рисунок Т. Ксенофонтова	24
А мне все равно не холодно!	
заметка В. Хохлачева	
фото В. Сметанина	26
Рассказ о любви	
А. Ремеза	
рисунки И. Казаковой	27
Трубоклады	
репортаж П. Соловей	
фото Э. Кривцова	30
Дорога к мосту Хам-Ронг	
из воспоминаний	
М. Чечневой	
рисунок Ю. Шабанова	32
Кронштадтский детектив	
повесть В. Инфантьева	
рисунки А. Сколорубова	34
Прогулка на гидроаэроплане	
из архива А. Беляева	
рисунок С. Острова	43
Школа „Спринт“	46
Чемпион неба	
очерк Вл. Смылова	
фото Б. Ритова	47
Верность Вальтера Скотта	
очерк Игн. Ивановского	
гравюры В. Бендингера	50
Как я стал маленьким	
глава из книги	
Р. Подольного	
рисунки Б. Семенова	52
Наш пароль—„Дорога“	
беседа С. Голицына	
рисунки А. Януса	54
Арчебек	
шахматы и шашки	55
Поговорим о твоём рисунке	
консультация Н. Муратова	56
Пионери—50	
воспоминания Д. Гунина	57
Вот так стука!	58
Морская газета	
оформление Р. Попова	60
Океан-2	
пионерские маневры	62
Уголёк	63
На обложке рисунок В. Юсипенко	

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтальев, А. И. Пактелеев, А. Ф. Пахомов, Ю. Д. Поройков, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, С. В. Сахарков, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора).

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор
В. А. Магаская

Технический редактор
В. И. Мецатунова

Рукописи и фотографии не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76.

М-10575.
Тираж 600 000 экз.

Подписано к печати 24/VI 1971 г.

Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл.
Заказ № 629

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Ленинград, Кронверкская ул., 7.

кружков, сколько выпало очков. (Выпало 6 — на 6 кружков, выпало 5 — на 5, и так далее.) Сделав ход, грибник записывает номер квадрата, где он остановился (букву и цифру). Это значит, он срывает гриб в этом квадрате. Затем ждет, когда сделают свой ход остальные, и снова бросает кубик.

Можно ходить и сворачивать в любом месте на любую тропинку, но при этом следует помнить:

1. Если грибник в один и тот же кон останавливается снова в одном и том же квадрате, повторно номер квадрата ему уже не записывается.

2. Если участник выйдет за пределы грибного леса по одной из тропинок — его кон кончился. Он должен дожидаться, когда из леса выйдет последний грибник, и тогда считать очки.

Для этого надо найти в таблице номера записанных вами квадратов, узнать, что за грибы вы собрали, и записать себе столько очков, сколько соответствует этим грибам. Или вычтешь по 10 очков за собранные поганки и мухоморы. Выигрывает тот, кто набрал больше очков в результате сложения и вычитания.

*Когда придет пора грибная,
В лес не ходи, грибов не зная.
Сперва попробуй по картинке
Лесные обойти тропинки.
Притом в лесу броди с разбором —
Не тронь поганку с мухомором.*

НОВАЯ ИГРА „ГРИБНАЯ ПОРА“

Ребята из квартиры № 64 предлагают вам принять участие в соревновании грибников.

Участники — их может быть несколько — собираются к месту старта, обозначенному на картинке. По очереди бросая кубик, они углубляются в грибные места и двигаются по тропинкам за каждый ход на столько

ТАБЛИЦА ОЧКОВ

квадрат	гриб	очки	квадрат	гриб	очки
A-1	Сыроежка	+4	Г-1	Опенок	+4
A-2	Свинушка	+2	Г-2	Поганка	-10
A-3	Поганка	-10	Г-3	Опенок	+4
A-4	Свинушка	+2	Г-4	Черный груздь	+4
A-5	Моховик	+4	Г-5	Горькуша	+2
A-6	Сыроежка	+4	Г-6	Свинушка	+2
Б-1	Сыроежка	+4	Д-1	Белый гриб	+10
Б-2	Рыжик	+8	Д-2	Лисичка	+4
Б-3	Сыроежка	+4	Д-3	Белый груздь	+6
Б-4	Подберезовик	+6	Д-4	Поганка	-10
Б-5	Сыроежка	+4	Д-5	Моховик	+4
Б-6	Волнушка	+4	Д-6	Горькуша	+2
В-1	Шампиньон	+6	Е-1	Подберезовик	+6
В-2	Масленок	+6	Е-2	Мухомор	-10
В-3	Лисичка	+4	Е-3	Волнушка	+4
В-4	Масленок	+6	Е-4	Валуй	+2
В-5	Мухомор	-10	Е-5	Горькуша	+2
В-6	Валуй	+2	Е-6	Подосиновик	+8